

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2

2021

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2021 г.

№ 2

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>

E-mail:

vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК-378
ББК-74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технические редакторы

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Рубцов Игорь Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дьякова Е.А., Филатов К.А. Социально-педагогические условия формирования ценностного отношения обучающихся к профессиональной деятельности	5
Кравченко А.Г., Артемова А.О., Мандрыка Ю.С. Самообразовательная деятельность в структуре профессиональной компетентности студента вуза	13
Мерабян В.С., Косьян В.А., Бондарь Б.И. Теоретические основы организации занятий баскетболом с детьми старшего дошкольного возраста	25
Рубан Д.А., Гладченко В.Е. Сформированность профессионально-педагогической компетентности курсовых офицеров вузов МВД России	35

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 2. Взятие Аргунского ущелья (зимняя экспедиция 1858 г.)	43
Гурова Е.А., Карапкива О.Г. Условия и основы межкультурного взаимодействия России и Северного Кавказа в XIX веке	63
Матвеев В.А. Российское самоопределение мусульман Северного Кавказа в период первой мировой войны	72

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Похилько А.Д. Рациональная реконструкция проблемы относительной самостоятельности и автономности общественного сознания	81
Похилько А.Д., Авалян А.М. Социальная феноменология общественного сознания	89
Сергеев С.М. Личностная автономия и самодетерминация в процессе социального самоопределения: социально-философский аспект	96

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	107
---	-----

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Dyakova E.A., Filatov K.A.</i> Socio-pedagogical Conditions for Forming the Value Attitude of Students to Professional Activity	5
<i>Kravchenko A.G., Artemova A.O., Mandryka Yu.S.</i> Self-educational Activity in the Structure of Professional Competence of a University Student	13
<i>Merabyan V.S., Kosyan V.A., Bondar B.I.</i> Theoretical Foundations of Organizing Basketball Lessons With Older Preschool Children	25
<i>Ruban D.A., Gladchenko V.E.</i> Proficiency Inprofessional Pedagogical Competence of Course Officers of Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	35

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

<i>Golovlyov A.A.</i> General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 2. Conquering the Argun Gorge (Winter Expedition of 1858)	43
<i>Gurova E. A., Karapkova O. G.</i> Conditions and Bases of Intercultural Interaction Between Russia and the North Caucasus in the XIX Century	63
<i>Matveyev V.A.</i> Russian Self-determination of Muslims the North Caucasus During the First World War	72

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Pokhilko A.D.</i> The Rational Reconstruction of the Problem of Relative Independence and Autonomy of Public Consciousness	81
<i>Pokhilko A.D., Avalyan A.M.</i> Social Phenomenology of Public Consciousness	89
<i>Sergeyev S.M.</i> Personal Autonomy and Self-determination in the Process of Social Self-determination: Social and Philosophical Aspect	96
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	104
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	107

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.14

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. Дьякова, К.А. Филатов

SOCIO-PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING THE VALUE ATTITUDE OF STUDENTS TO PROFESSIONAL ACTIVITY

E.A. Dyakova, K.A. Filatov

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодействия педагога и обучающегося, говорится о роли социально-психологической среды в формировании ценностного отношения обучающихся к профессиональной деятельности. Основное внимание уделено факторам и условиям формирования и развития ценностных отношений обучающихся к профессии.

Abstract. The article discusses the interaction between a teacher and a student; it considers the role of the socio-psychological environment in the formation of students' value attitude to professional activity. The attention is largely paid to the factors and conditions for the formation and development of the value relations of students to the profession.

Ключевые слова: ценностные отношения, профессиональная деятельность, социально-педагогические условия, педагог, обучающийся.

Keywords: value relations, professional activity, socio-pedagogical conditions, teacher, student.

Современные реалии роста социально-экономической сферы России привели к исследованиям по обозначению ценностных ориентиров и идеалов, из которых должна формироваться основа оптимизации системы образования, цель развития воспитательной деятельности. Настоящее время диктует проявляющиеся трансформации в российском образовании, имеющие отношение к Болонскому соглашению, представленные ростом уровня конкурентоспособности высших учебных заведений, введением в практику образования цифровых технологий и инструментов, актуальных видов изучения и анализа качества образования. Цель таких преобразований – достичь новых показателей в подготовке обучающихся.

Ключевой потенциал создания личностных и субъектно-деятельностных качеств будущего специалиста и формирование его профессиональных

свойств позволяет все больший акцент в современной педагогической науке делать на исследование особенностей профессионального становления в пространстве современных условий образовательной деятельности. Раскрытие творческого потенциала личности приобретает социальную значимость и нацелено на умение создавать и сохранять имеющиеся профессиональные ценности, уметь реализовывать инновационные технологические решения по разным направлениям развития социума и отдельных его представителей.

В модели современной педагогической деятельности реализуется ориентация на личность через взаимосвязь «педагог – обучающийся». Такая связь в системе образования проявляется в позитивном отношении к студентам, их запросам и установкам, а также обмену ценностными установками в педагогической схеме «педагог – студент».

Работы по изучению психолого-педагогической сферы позволили обозначить одновременно с проблемой предметной подготовки будущих специалистов проблему развития ценностных основ профессиональной деятельности у обучающихся высших учебных заведений.

База научных исследований сложилась из объединения деятельностного, личностного и системного подходов. *Деятельностный подход* рассматривает учебные процессы сквозь призму ключевых составляющих педагогической деятельности (продумывание целей, стимулов, выявление и анализ итоговых значений) и предполагает организацию активной деятельности обучаемых. Неотделимым компонентом эффективности учебной среды и взаимодействия ее участников является *личностный подход*, который нацелен на личность, ее позицию в социуме и коллективе, ее всестороннее и гармоничное развитие. *Системный подход* помогает определять, какие формы и способы решений должен применить исследователь для преодоления стоящих перед ним проблем и поиска лучших вариантов их решения, опираясь на системное рассмотрение предмета исследования.

На формирование у обучающихся ценностного восприятия профессии влияет социально-психологическая среда и ее роль в рассматриваемой ценностной системе. Проблема развития профессиональных ценностей проявляется в сочетании нескольких компонентов, в числе которых находятся социально-психологические условия образовательного заведения, степень профессиональной подготовленности, индивидуальные отношения в модели «педагог – обучающийся».

Целью нашего исследования является профессиональное формирование будущего специалиста, включая характерный для него набор ценностных отношений (объект изучения), а также систему и принципы, по которым формируются ценностные отношения.

Исследованию ценностных отношений уделяется серьезное внимание в социологии, психологии, истории, педагогике. Ценностные отношения складываются из ориентиров (идеалов, установок, регулятивов, императивов и пр.), которые личность либо принимает, либо отказывается от них. Таким образом,

ценностью является то, что имеет ключевое значение для человеческой жизни, то, что субъект понимает необходимым для себя, иногда о такой степени, что не видит собственную жизнь без этих показателей.

Выделяют два вида ценностей – объектные (предметные) и субъектные. Первые представляют собой объекты материального и духовного мира, позволяющие реализовать материальные или духовные потребности человека, применительно к профессиональной деятельности – это личности обучаемых, профессиональные взаимоотношения, знания и умения педагога, его инструменты. Субъектные ценности – это его личностные свойства (способность сопереживать, эмоциональная удовлетворенность, увлеченность профессиональной деятельностью, признании коллег и обучаемых, профессионализм и пр.), то, что приносит удовлетворение от профессии, делает человека счастливым в ней, стимулирует дальнейшее развитие в профессии. С исчезновением этих ценностей педагог «выгорает» [4]. Также к субъектным ценностям следует отнести и собственно ценности личности педагога (представления о добре и зле, правила поведения, взгляды на мир и других людей, потребности в красоте, успешности и пр.). Именно их он будет неосознанно транслировать как личность.

В основе жизни человека, реализующего свои потребности в современных реалиях, находятся проживаемые им отношения к жизни, формируется внутренний мир человека. Проживание отношения означает его анализ, возможность прочувствовать в реальности собственное «Я» во взаимосвязи с объектом действительности. Укрепление таких связей предполагает принятие, осмысление, оценку этой модели, понимание жизненной личностной сути «Я» [3]. Субъектные ценности очень важны для педагога, т. к. он имеет дело с людьми.

Рассмотрим факторы и условия формирования и развития ценностных отношений обучающихся к профессии. Под первыми понимаем агенты влияния, движущие силы, как правило, выходящие за пределы рассматриваемого процесса и не поддающиеся управлению. Под вторыми – то, что обеспечивает определенную среду протекания процесса в нужном направлении, то, что можно создать. Формирование необходимой социально-педагогической среды является фундаментом при закладывании ценностных отношений обучающихся к профессии.

Первоочередным фактором в формировании положительного отношения к профессии и профессиональным ценностям являются степень и потенциал социализации субъекта, которые по большей части опираются на закономерности психического развития личности.

Социализация является и процессом, и итогом принятия субъектом социального опыта с последующим его использованием в профессиональной жизни. Б.Г. Ананьев [1] понимает социализацию как процесс, который реализуется по двум направлениям: по пути формирования человека как личности и по пути формирования человека как субъекта деятельности.

Социализация личности бывает первичного и вторичного уровня. В первом случае происходит зарождение образа действительности, принятие норм

и идеалов общества, а во втором – становление идентичности личности, ее ценностей, проводится грань между трудом и знаниями [2].

В результате процесса социализации, в котором также выделяют культурный и социальный подуровни, происходит образование индивидуальных качеств, системы индивидуальных ценностей личности. Есть педагог, за которым идут дети, пусть даже он не владеет высокой профессионально компетентностью, и педагог, всю жизнь страдающий от «нелюбви» детей, хотя при этом он замечательный специалист, с большим опытом. Причина проста – детей не привлекают личностные качества второго (он «неинтересный», «всегда хмурый», «с ним трудно разговаривать»... все это особенности поведения человека в социуме, имеющие генетические основания и закладываемые в процессе допрофессионального развития). И это – важный фактор. Необходимые личностные качества педагога также являются профессиональной ценностью и выступают в качестве второго фактора.

Социализация зависит от окружения обучающегося, от тех участников процесса, которые определяют для него суть активности в профессиональном социуме, отношений, установок, норм поведения в профессиональной среде.

Первое условие – обстановка в образовательной организации, возможность получения достаточных профессиональных компетенций, возможность глубже понять профессию, ее привлекательные стороны, оценить трудности профессиональной деятельности, эмоционально включиться в нее. Первичный выбор вуза должен быть подкреплен появлением уверенности, что выбор верен, что профессиональная деятельность интересна и позволит субъекту реализовать себя.

К одним из главных направлений относится процесс межличностной аккультурации: в этом случае наблюдается взаимодействие двух индивидуальных культур – преподавателя и студента, при этом одна из сторон является более развитой и авторитетной. Межличностная аккультурация состоит не только из социальных научных исследований таких составляющих как социальные установки, общепринятые нормы, стандартизация поведения, но и переосмысление и принятие авторитетного опыта и мнения, идеалов личности преподавателей. Важное значение при такой модели взаимодействия уделяется явлению синкретизации – связи новых культурных ценностей во внутреннем мире обучающегося по внешним примечательным для усвоения параметрам. Не сливаясь в целом с ценностями и установками преподавателя, субъект присоединяет те из них, которые кажутся привлекательными, «примеряя» их на себя («смог бы я...», «нужно ли мне...»). В итоге первостепенное значение приобретает восприятие обучающимися личности преподавателя, которое формируется в ходе социального диалога при конкретных обстоятельствах [3].

Исследования в области базовой логики становления ценностных отношений помогают глубоко изучить значение личности педагога и его роль

в осуществлении деятельности, которая ведется не только с установкой на достижение конкретных целей, посредством определенных социально-педагогических технологий, но и косвенно – с помощью создания необходимой педагогической атмосферы, составляющей благоприятный фон для образовательной модели «педагог – студент» [7]. Во главе данного взаимодействия находится, безусловно, авторитет личности преподавателя и его качественная социальная адаптация в профессиональном и личностном плане.

Внешние проявления важнейших личностных отношений преподавателя, которые провоцируют соответствующие поведенческие реакции на возникающие ситуации, воспринимаются обучающимися, воздействуют на педагогические ситуации и, соответственно, на образовательную деятельность в целом. В итоге таких взаимосвязей происходит либо улучшение показателей личностной системы ценностей будущих специалистов, либо, в случае недостаточно положительного педагогического влияния, сохранение в неизменной форме имеющихся установок и ценностных отношений, сформированных внутри семьи.

Нужно понимать, что профессионально-личностные свойства преподавателя – это единство социально-психологической системы, которая позволяет предметно влиять на профессиональные показатели педагогического развития. При всей их уникальности и неповторимости эти показатели складываются в четкую структуру, состоящую из нескольких уровней активных отношений к ценностям профессионально-педагогического значения. Ключевым фактором здесь является отношение к обучающемуся как к личности, имеющей потребность расти, развиваться, приобретать опыт и проявлять творческий потенциал, находящийся в нем изначально, но пока не раскрытый и ждущий свое время. С точки зрения гуманистических идеалов педагогики личность студента является уникальной и неповторимой, а ключевое значение имеет модель педагогического сотрудничества «человек – человек», вместо вышеназванной – «педагог – студент» [5].

Важны еще две составляющие – преподаватели, с которыми субъект взаимодействует на первом курсе (взаимодействие должно быть комфортным), и места производственной практики (эмоции от нее должны быть положительны, нужна успешность и поддержка кураторов от организации). Положительность впечатлений стимулирует внутреннее принятие профессиональных ценностей.

Свойства профессиональной среды на этапе входа в нее будут вторым условием формирования ценностного отношения к профессиональной деятельности. К таким свойствам мы относим: комфортный морально-эмоциональный климат; наличие возможностей для профессионального развития (обмен опытом, наставничество, методическая поддержка коллег, в т. ч. из сетевых сообществ); доброжелательные и продуктивные взаимоотношения с обучающимися; поддержка руководства. В благоприятной профессиональной среде, при наличии успешной профессиональной деятельности ценностные

отношения субъекта к профессии, его стремление к профессиональному развитию будут только расти.

Наконец третьим условием является целеполагание и осознание субъектом себя как профессионала. Педагог должен серьезно и ответственно подходить к формированию собственной профессиональной деятельности, ориентируясь на личностное осознание себя, понимая свою роль и место в педагогической системе и обучении молодежи, духовном развитии будущих специалистов. В случае понимания высокого предназначения и личной ответственности за формирование личности обучающихся, у преподавателя формируется такая значимая личностная характеристика, как педагогическое достоинство, понимание ценности своей профессиональной подготовки, бережное отношение к участникам образовательного процесса и к собственной профессии, которая занимает первое место среди других областей его жизни.

Проявление высокой меры ответственности преподавателя к своей профессиональной деятельности – первоочередная цель самопознания и саморазвития личностных и профессиональных качеств. Для достижения высшей ступени профессиональной ответственности, нужно, в первую очередь, качественно выполнять свою работу и эффективно решать поставленные задачи, осуществлять творческий поиск нестандартных способов и методов решения профессиональных проблем. Названные показатели гарантируют высокий профессионализм педагогической деятельности и устанавливают векторы педагогических влияний, что, в первую очередь, проявляется в росте уровня методологии образовательной деятельности.

Достоинство преподавателя – важный критерий системы профессионально значимых характеристик, так как это свойство педагога напрямую влияет на установление взаимосвязей в работе с обучающимися, показывая им правильное отношение личности к самому себе, зарождая, тем самым, реальное понимание картины мира, взаимоотношения людей в коллективах, приветствующие свободные проявления личности, своего внутреннего «Я».

Развитие ценностных отношений – это процесс, который постоянно находится в динамике и осуществляется внутри социальной и культурной жизни молодого поколения. Ценностные отношения формируются, выстраиваются в современные модели взаимосвязей, определяют новые модификации общения, рожают новые причины и следствия ситуаций, происходящих внутри образовательной и профессиональной сред.

Потенциальная возможность воздействовать на ценностные отношения посредством разных проявлений внешних свойств открывает пути для трансформаций и формирования внутренних отношений, что, в свою очередь, выглядит как способ положительного влияния на личность педагога-профессионала через определенные поведенческие типы. Данная модель образовательной коммуникации является наиболее эффективной и позволяет максимально раскрыть индивидуальные личностные качества специалиста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с. – Текст : непосредственный.
2. Андреева, Г. М. Социальная психология : учебник для вузов / Г. М. Андреева. – Текст: электронный // Электронная библиотека социологического факультета МГУ. – URL: <http://lib.socio.msu.ru> (дата обращения: 14.05.2021).
3. Артюшина, М. Н. Социально-педагогические условия формирования ценностных отношений / М. Н. Артюшина. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 2. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2924.phtml> (дата обращения: 28.04.2021).
4. Коротаева, А. С. Ценностное отношение к профессии у будущих педагогов: проблемы и пути формирования / А. С. Коротаева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 3. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=4679> (дата обращения: 16.05.2021).
5. Косогова, А. Личностный и карьерный рост студента в контексте воспитания / А. Косогова, Н. Шишарина. – Текст: электронный // Высшее образование в России. – 2005. – № 12. – С. 36–40. – URL: <http://vovr.ru/upload/12-05.pdf> (дата обращения: 28.04.2021).
6. Рахимкулов, Ш. С. Формирование ценностного отношения к профессиональной деятельности у будущих учителей / Ш. С. Рахимкулов, К. Молдабек. – Текст : непосредственный // The Scientific Heritage. – № 26. – 2020. – С. 29–31.
7. Сулейменова, Ж. Б. Педагогические ценности и ценностные отношения как содержание воспитательного процесса в вузе / Ж. Б. Сулейменова. – Текст : непосредственный // Вестник Алтая : Барнаул: Алтайск. гос. техн. ун-т, 2007. – С. 300-303.

REFERENCES

1. Anan'ev, B.G. Chelovek kak predmet poznaniya / B.G. Anan'ev. – SPb.: Piter, 2001 – 288 s.
2. Andreeva, G.M. Social'naya psihologiya: Uchebnik dlya vuzov / Elektronnaya biblioteka sociologicheskogo fakul'teta MGU <http://lib.socio.msu.ru> (data obrashcheniya: 14.05.2021).
3. Artyushina, M.N. Social'no-pedagogicheskie usloviya formirovaniya cennostnyh otnoshenij / M.N. Artyushina. Tekst : elektronnyj // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2012. – № 2. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2924.phtml> (data obrashcheniya: 28.04.2021).
4. Korotaeva, A.S. Cennostnoe otnoshenie k professii u budushchih pedagogov: problemy i puti formirovaniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2011. – № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=4679> (data obrashcheniya: 16.05.2021).
5. Kosogova, A., SHisharina, N. Lichnostnyj i kar'ernyj rost studenta v kontekste vospitaniya / A. Kosogova, N. SHisharina. Tekst: elektronnyj // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2005. – № 12. – S. 36–40. URL: <http://vovr.ru/upload/12-05.pdf> (data obrashcheniya: 28.04.2021).
6. Rahimkulov, SH.S., Moldabek, K. Formirovanie cennostnogo otno-sheniya k professional'noj deyatel'nosti u budushchih uchitelej // The Scientific Heritage. № 26. S. 29–31.

7. Sulejmenova, ZH.B. Pedagogicheskie cennosti i cennostnye otno-sheniya kak sodержanie vospitatel'nogo processa v vuze / Vestnik Altaya : Barnaul: Altajsk. gos. tekhn. un-t, 2007. – S. 300–303.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дьякова, Е. А. Социально-педагогические условия формирования ценностного отношения обучающихся к профессиональной деятельности / Е. А. Дьякова, К. А. Филатов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 5–12.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dyakova E. A., Filatov K. A. Socio-pedagogical Conditions for Forming the Value Attitude of Students to Professional Activity / E. A. Dyakova, K. A. Filatov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 5–12. (In Russian).

УДК 378.14

**САМООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СТУДЕНТА ВУЗА**

А.Г. Кравченко, А.О. Артемова, Ю.С. Мандрыка

**SELF-EDUCATIONAL ACTIVITY
IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL COMPETENCE
OF A UNIVERSITY STUDENT**

A.G. Kravchenko, A.O. Artemova, Yu.S. Mandryka

Аннотация. В статье рассматривается самообразовательная деятельность как обязательная составляющая развития профессиональной компетентности. Выделены ключевые компетентности личности, сформированность которых указывает на то, что субъект готов самосовершенствоваться, познавать разные виды и сферы деятельности. Обозначены компоненты готовности к самообразованию – мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный, личностный и рефлексивный.

Abstract. The article considers self-educational activity as a mandatory component of the development of professional competence. The key competencies of the individual are highlighted; their formation that the subject is ready to improve himself, to learn different types and areas of activity. The following components of readiness for self-education are indicated: motivational-value, cognitive, activity, personal and reflexive ones.

Ключевые слова: самообразование, саморазвитие, самообразовательная деятельность, профессиональная компетентность, студенты вуза.

Keywords: self-education, self-development, self-educational activity, professional competence, university students.

В нынешних нестабильных условиях социума, когда остро стоит вопрос о конкурентоспособности специалиста на рынке труда и наблюдается ускоренное развитие и внедрение новых технологий, невозможно остаться востребованным специалистом без самостоятельного получения новых знаний. Профессиональная деятельность современного молодого специалиста не является предопределенной на весь период его трудовой активности, а предполагает непрерывное образование, готовность к постоянному повышению его уровня.

В Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» к основным целям и задачам образования отнесено разностороннее и своевременное развитие детей и молодежи, их творческих способностей, формирование навыков самообразования, личностной самореализации.

На достижение данной цели направлены действия системы высшего образования, связанные с переходом на кредитно-модульные системы обучения,

определяющие 60 процентов учебного времени студентов в виде самообразовательной деятельности. Данный подход кардинально меняет ценностный характер самообразовательной деятельности студентов, ее роль, функционал, содержание, используемые средства, и самое главное, мотивацию и целевые ориентиры профессиональной подготовки будущих специалистов, возможности их профессиональной самореализации [19].

Важной для решения проблемы самообразования является выработка у будущего специалиста стойкой привычки к постоянному самообучению.

Исследования современных педагогов доказывают, что общество, насыщенное информационных технологиями, должно опираться на самообразование, которое позволяет искать и разрабатывать не только технологические, но и социальные инновации. Именно поэтому происходит смещение соотношения «образование – самообразование» в направлении самообразования, которое в последнее время приобретает более конкретные, осознанные формы, последовательную и четкую организацию. Роль самообразования значительно расширяется и получает новые характеристики в рамках современного информационного общества, новой системы ценностей, которые предусматривают овладение знаниями, умениями и навыками не как окончательный результат образовательной деятельности, а как процесс постоянный и непрерывный. Современный человек должен ориентироваться в информационных потоках, владеть новыми технологиями работы с информацией, уметь самообучаться, искать отсутствующие знания и применять их на практике, обладать универсальностью мышления, динамизмом, мобильностью. Интенсивное развитие и обновление информационных и коммуникационных технологий, интеграция и усложнение задач социальной жизни требует от человека, который стремится к самореализации, владения такими ценностными ориентациями, личностными качествами и способностями, которые могут обеспечить ему непрерывное развитие и саморазвитие, наличие собственной творческой личностной позиции, социальной мобильности и гибкости в адаптации к разному роду социальных и профессиональных трансформаций [14].

Сегодня главной целью высшего образования является подготовка компетентных выпускников, мобильных, активных, инициативных, готовых к эффективным решениям профессиональных задач при любых внешних обстоятельствах и субъективных условиях, постоянному развитию своего профессионального мастерства. Компетентный специалист характеризуется сформированностью общекультурных и профессиональных компетенций.

В стандарте третьего поколения профессиональная компетентность выпускника представляется как сумма общекультурных и профессиональных компетенций. Среди этих компетенций готовность к самообразовательной деятельности выделена в отдельную позицию. Так, например, в основной образовательной программе высшего образования (бакалавриат) по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование (профиль –

«Психология и социальная педагогика»), это способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7); основной образовательной программе высшего образования (бакалавриат) по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профили – «Технология и Безопасность жизнедеятельности» – способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6); способность проектировать образовательные программы (ПК-8); способность проектировать индивидуальные образовательные маршруты обучающихся (ПК-9); способность проектировать траектории своего профессионального роста и личностного развития (ПК-10); основной образовательной программе высшего образования (магистратура) по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (профиль – Менеджмент в образовании) – способность к самостоятельному освоению и использованию новых методов исследования, к освоению новых сфер профессиональной деятельности (ОК-3); способностью осуществлять профессиональное и личностное самообразование, проектировать дальнейшие образовательные маршруты и профессиональную карьеру (ОПК-4); способностью к самостоятельному освоению и использованию новых методов исследования, к освоению новых сфер профессиональной деятельности (ОК-3); способностью самостоятельно приобретать и использовать, в том числе с помощью информационных технологий, новые знания и умения, непосредственно не связанные со сферой профессиональной деятельности (ОК-5) [15; 17; 18].

Как видим, способность к самоорганизации и самообразованию выделена в отдельные компетенции. При этом общекультурные компетенции (ОК) характеризуют качества личности выпускника, а профессиональные (ПК и ОПК), по формулировке Э.Ф. Зеера, характеризуют специалиста в профессиональной области [8].

В этой связи важно рассмотреть механизм взаимодействия умений и навыков самообразовательной деятельности и профессиональных компетенций у студентов вуза с целью определения того, как готовность к самообразованию способствует развитию профессионализма, принятию необходимости постоянного совершенствования и адаптации к изменениям, возникающим при освоении новых знаний и овладении компетенциями.

Распространено представление о профессиональной компетенции как о личностном качестве выпускника вуза – будущего специалиста, которое является совокупностью освоенных компетенций, предоставляющих возможность решать определенный комплекс профессиональных задач [24].

В настоящее время в педагогической науке профессиональная компетентность анализируется, во-первых, в виде цели образования или цели профессиональной подготовки, во-вторых, в виде промежуточного результата, характеризующего состояние специалиста, который осуществляет профессиональные действия. В большинстве исследований профессиональная компетентность считается многофакторной, интегральной личностной характеристикой специалиста, обеспечивающей высокий уровень трудовой

деятельности с опорой на знания и умения, владение различными способами ее выполнения [2; 3; 7].

Анализ зарубежных и российских исследований [4; 6; 7; 11; 13; 16; 22; 23; 25 и др.] показывает отсутствие единого и общепризнанного определения компетентности или профессиональной компетентности. Однако уже отработаны единые смысловые составляющие концептуального видения компетентности:

а) отнесение к личности студента;

б) компетентность проявляется в знаниях, умениях и навыках, но к ним не сводится (от знаний отличается тем, что существует в деятельности, а не только как информация о ней; от умений отличается возможностью применения при решении различных задач в разнообразных ситуациях, так называемым переносом; от навыков отличается осознанностью и неавтоматизированностью, предоставлением возможности действовать не только в типовых, но и нестандартных ситуациях);

в) компетентность развивается и диагностируется в специально организованной учебной деятельности студентов, соотнесенной с профессиональной.

Исследователи чаще всего называют родовыми понятиями по отношению к компетентности «способность» и «готовность».

Так, А.И. Забалуева указывает на то, что готовность человека к деятельности состоит из способности (умений) осуществлять эту деятельность и мотива (стремления) ее реализовывать. Профессиональная компетентность (как система знаний, умений, способностей и личностных качеств) позволяет мобилизовать личностные ресурсы, которые необходимы при эффективном решении профессиональных задач как в типовой, так и в нестандартной ситуации, состоит из специальных профессиональных компетенций и ключевых компетенций как интегрированного результата профессиональной подготовки. Профессиональные компетенции позволяют эффективно решать определенный класс профессиональных задач (проектировочных, диагностических и пр.) согласно требованиям конкретной профессиональной задачи, ключевые компетенции инвариантны по отношению к виду и типу профессиональной деятельности. Первые формируются и оцениваются в рамках одной или ряда учебных дисциплин, вторые считаются надпредметными и формируются при изучении всех дисциплин образовательной программы. И те и другие развиваются в процессе овладения субъектом способом деятельности (развития способности) [6].

Таким образом, профессиональная компетентность проявляется во владении человеком определенной совокупностью специальных и ключевых компетенций, а также в ценностном отношении к профессиональной деятельности, которую он выполняет.

Разграничивая понятия «компетенция» и «компетентность», И.А. Зимняя указывает на практическую составляющую компетенции, которая, по мнению ученого, проявляется в сфере отношений, существующих между знаниями

и действиями в человеческой практике. Поэтому компетентностный подход в образовании направлен на усиление его практической направленности. Понятие же компетентности связывается с интеллектуально и личностно обусловленным опытом социально-профессиональной деятельности субъекта, основывающимся на соответствующих знаниях [10; 11]. И.А. Зимней отмечено, что для компетенции как актуальной компетентности характерны: мотивационный аспект (а именно готовность к проявлению компетентности); когнитивный аспект (как наличие конкретного знания, содержание компетентности); поведенческий аспект (как имеющийся опыт реализации компетентности в стандартной или нестандартной ситуации); ценностно-смысловой аспект (как отношение к содержанию и проявлению компетентности); эмоционально-волевая регуляция реализации компетентности в совокупности всех ее компонентов [10].

С точки зрения Э.Ф. Зеера, компетенции являются интегративными конструктами, включающими совокупность знаний, умений, навыков, деятельностных способностей и ценностно-мотивационных компонентов. Специфика компетенций личности проявляется в вовлеченности в учебно-профессиональную деятельность как потребностно-мотивационной, так и эмоционально-волевой ее сторон [9].

Понятно, что термин «компетенция» более широкий, чем стандартные представления о знаниях или умениях, поскольку компетенция включает в себя не только их, но и эмоционально-волевую регуляцию поведенческого проявления знаний и умений, а также мотивационно-ценностный компонент. Содержание компетенции должно быть значимым для субъекта, ею обладающего. Активное проявление личностью компетентности в деятельности, поведении, говорит о готовности субъекта к ее реализации в определенных условиях как возможности реализации сформированных у личности профессиональных компетенций. Именно поэтому сформированность компетенции не оценивается в статичном состоянии. Уровень развития профессиональной компетенции проявляется в самой профессиональной деятельности, что говорит о необходимости включения в ее состав функциональных компонентов.

А.М. Новиков к ключевым компетенциям или базисным квалификациям относит «сквозные» умения – работа с компьютером, использование баз и банков данных; экологические знание и понимание экологии, экономики и бизнеса; владение финансовыми и правовыми знаниями, навыками маркетинга и сбыта; коммерческую смекалку; умение переносить технологии из одной области в другую; представления о нормативных условиях функционирования предприятий различных форм собственности; умение презентовать технологию или продукцию; знание иностранного или иностранных языков; знания санитарно-медицинского характера, принципов обеспечения безопасности жизнедеятельности; психологическая готовность к смене профессии и сферы деятельности и пр. [16].

В.И. Байденко и Б. Оскарссон используют понятие «базовые навыки», которым обозначают личностные и межличностные качества, способности,

навыки и знания, выраженные в разнообразных формах и реализуемые в различных ситуациях профессиональной деятельности и жизни. К таким базовым навыкам, или ключевым компетенциям, ученые относят совокупность коммуникативных навыков и способностей, творческих способностей, креативное мышление, приспособляемость, умение работать в команде, самостоятельность, самосознание и самооценку [1].

К ключевым компетенциям личности, исходя из главных целей образования, структурных представлений о социальном опыте личности, об основных видах деятельности обучающегося, предоставляющих возможность овладеть социальным опытом, приобретать жизненные навыки и опыт практической деятельности в современном обществе, исследователи [1; 5; 6; 21] относят следующее:

1. Компетенции в сфере мировоззрения, которые связаны с ценностной ориентацией обучающегося, со способностью к видению и пониманию окружающего мира, ориентацией в нем, осознанием своей роли и предназначения, умением делать выбор целевых и смысловых установок для выполнения действий и совершения поступков, принятия решений. Данные ценностно-смысловые компетенции обеспечивают механизм самоопределения субъекта в учебной и иных видах деятельности. От этих компетенций зависит индивидуальная образовательная траектория личности и ее жизненная программа в целом.

2. Общекультурные компетенции, которые позволяют личности быть осведомленной, обладать познанием и опытом деятельности в сфере национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственных основ жизни человека и общества, отдельного народа, культурологических основ семейной, социальной, общественной жизни, соответствующих явлений и традиций; понимать место науки и религии в жизни, иметь представление об их влиянии на мир, мировоззрение; обладать опытом освоения научной картины мира, начиная от культурологического и заканчивая всечеловеческим пониманием мира. В эту группу также относятся компетенции, реализующиеся в бытовой и культурно-досуговой сфере.

3. Компетенции обучающегося, применяемые в самостоятельной познавательной деятельности, включающей логические, методологические, общеучебные действия, соотнесенные с реально познаваемыми объектами, или учебно-познавательные компетенции, включают в себя знания и умения в целеполагании, планировании, анализе, рефлексии, самооценке успешности учебно-познавательной деятельности. По отношению к изучаемым объектам это креативные навыки продуктивной деятельности, а именно добывание знания непосредственно из реальной жизни, владение умением действовать в нестандартных ситуациях, эвристическими методами решения задач. Данные компетенции формируют так называемую функциональную грамотность, которая позволяет отличать факты от домыслов, владеть измерительными навыками, использовать вероятностные, статистические и иные методы познания.

4. Информационные компетенции, которые предполагают сформированность умений самостоятельного поиска, анализа и отбора необходимой информации, организации, преобразования, сохранения и ее передачи с помощью реальных инструментов (телефон, факс, компьютер, принтер, модем, копир и пр.) и информационных технологий (аудио- и видеозапись, e-mail, Интернет). Эти компетенции обеспечивают работу обучающегося с информацией, содержащейся в учебных дисциплинах и научно-образовательных сферах, а также в окружающей действительности.

5. Знания в области родного и иностранных языков, необходимых для жизни и выполнения профессиональной деятельности, способов взаимодействия с окружающими людьми, а также в дистанционном формате, навыки групповой работы, знания о нормах социального поведения и владение разнообразными социальными ролями при общении с другими людьми и в коллективе составляют блок коммуникативных компетенций. Для освоения данных компетенций и их развития в рамках образовательного процесса должно присутствовать необходимое количество реальных объектов коммуникации, площадки для развития отдельных коммуникативных компетенций, а также постоянная развивающая работа в рамках каждой изучаемой дисциплины или образовательной, научной и профессиональной области.

6. К социально-трудовым компетенциям относятся владение знаниями и опытом в рамках гражданско-общественной деятельности (когда субъект реализует себя как гражданин, наблюдатель, избиратель, представитель), социально-трудовой сферы (как потребитель, покупатель, клиент, производитель), семейных отношениях и обязанностях, профессионального самоопределения, в сфере экономики и права. Обучающиеся, обладающие данными компетенциями, должны уметь проводить анализ ситуации на рынке труда, решать поставленные задачи с учетом личной и общественной выгоды, знать основы этики трудовых и гражданских взаимоотношений и применять на практике соответствующие поведенческие формы, то есть владеть необходимыми для жизни в современном обществе и выполнения профессиональной деятельности социальной активностью и функциональной грамотностью.

7. Компетенции личностного самосовершенствования обеспечивают освоение способов саморазвития в физической, духовной и интеллектуальной сторон личности, эмоциональную саморегуляцию и самоподдержку. Интересно, что для данных компетенций объектом является их носитель, то есть сам субъект, в задачи которого входит овладение способами деятельности для реализации своих интересов и развития и использования возможностей, непрерывное самопознание, развитие личностных качеств, которые необходимы человеку на разных этапах его становления и развития, формирование психологической грамотности, мыслительной и поведенческой культуры [6; 11; 12; 20 и др.].

Общее для перечисленных компетенций проявляется в их обобщенности, обеспечивающей возможность перенести каждую компетенцию в разнообразные

сферы; видах деятельности и функциональности, отражающей включенность в процесс выполнения различных видов деятельности. *Сформированность любой из перечисленных компетенций указывает на то, что субъект готов самосовершенствоваться, познавать разные виды и сферы деятельности.*

Итак, развитие умений и навыков самообразовательной деятельности определяет *готовность к самообразованию*, которая формируется в ходе особым образом выстроенного образовательного процесса и *означает способность выявлять пробелы в своих знаниях и умениях, формулировать запрос на новое знание, осуществлять информационный поиск с использованием различных средств, оценивать адекватность той или иной информации своему запросу, извлекать необходимое знание из полученной информации, использовать знание в деятельности (учебной, проектной, исследовательской, организационной, управленческой, учебно-профессиональной)*, что подтверждает влияние готовности личности к самообразованию на успешность развития ее профессиональной компетентности, поскольку субъект понимает необходимость постоянного совершенствования своего профессионального уровня и организует самообучение с целью освоения нового знания, необходимого для осуществления профессиональных функций.

Компонентами готовности к самообразованию обозначим следующие:

Мотивационно-целевой, который выполняет стимулирующую функцию и оказывает непосредственное влияние на постановку цели и задач самообразовательной деятельности. Включает в себя принятие на личностном уровне самообразовательной деятельности как лично и профессионально развивающей; наличие и готовность к реализации потребности в освоении технологий, методов и форм самообразовательной деятельности; мотивацию познавательной и учебно-профессиональной деятельности; предвидение перспектив развития профессиональных компетенций с последующим их отражением в проектировании самообразовательной деятельности; умение ставить цели и определять задачи самостоятельной познавательной деятельности; осознание и стремление к самосовершенствованию.

Когнитивный – целостная и непротиворечивая система знаний и умений в построении самообразовательной деятельности. Уровень сформированности этого компонента проявляется через набор соответствующих знаний и практических умений самостоятельной познавательной деятельности, самообучения, работы с информационными источниками и технологиями, умением ориентироваться в больших объемах информации, фиксировать в ней самое существенное; умений формулировать цель и задачи и прогнозировать пути их решения, планировать освоение различных видов будущей профессиональной деятельности, а также через уровень готовности к постоянному обновлению знаний и умений.

Деятельностно-рефлексивный – способности студентов, позволяющие планировать и организовывать самостоятельную познавательную деятельность,

использовать современные методы познания, применять результаты самообразовательной деятельности в конкретных условиях учебной и учебно-профессиональной деятельности; способности к самоанализу, к адекватности в самооценке самообразовательной деятельности, к рефлексии ее результатов. Рефлексивная составляющая обеспечивает взаимосвязь всех вышеуказанных компонентов.

Таким образом, самообразовательная деятельность представляет собой целенаправленный процесс самостоятельного приобретения знаний в определенной области, мотивируемый внутренним желанием интеллектуального, личностного и духовного развития, а также совершенствования профессиональной компетентности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байденко, В. И. Базовые навыки, ключевые компетенции как интегрирующий фактор образовательного процесса / В. И. Байденко, Б. Оскарссон. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование и личность специалиста. – М., 2002. – С. 14–32.
2. Белкин, Е. Л. Педагогические основы организации самостоятельной работы студентов : учебное пособие / Е. Л. Белкин, Л. П. Корнев, Н. А. Требулина. – Орел : Изд-во Орлов. фил. Моск. ин-та приборостроения, 1989. – 65 с. – Текст : непосредственный.
3. Варданян, Ю. В. Строение и развитие профессиональной компетентности с высшим образованием : дис. ... д-ра пед. наук / Ю. В. Варданян. – М., 1999. – 353 с. – Текст : непосредственный
4. Георге, И. В. Формирование профессиональных компетенций студентов образовательных организаций высшего образования на основе организации самостоятельной работы : монография / И. В. Георге. – Тюмень : ТИУ, 2016. – 143 с. – Текст : непосредственный.
5. Дружинин, В. Н. Когнитивные способности. Структура. Диагностика. Развитие / В. Н. Дружинин. – М. ; СПб. : Per Se, Иматон, 2001. – Текст : непосредственный.
6. Забалуева, А. И. Формирование учебно-познавательной компетенции студентов вуза : дис. ... канд. пед. наук / А. И. Забалуева. – Таганрог, 2010. – 201 с. – Текст : непосредственный.
7. Зеер, Э. Ф. Компетентностный подход к образованию / Э. Ф. Зеер. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2005. – № 3 (33). – С. 6.
8. Зеер, Э. Ф. Модернизация профессионального образования / Э. Ф. Зеер. – М. : МПСИ, 2005. – 216 с. – Текст : непосредственный.
9. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2007. – 20 с. – Текст : непосредственный.
10. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя. – URL: www.rsvh.ru/article.html?id=50758. – Текст : электронный
11. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – М. : ИЦ ПКПС, 2004. – Текст : непосредственный.
12. Кибальченко, И. А. Психологические основы организации учебно-познавательного опыта обучающихся : монография / И. А. Кибальченко ; под ред. А. В. Непомнящего. – М. : КРЕДО, 2010. – 414 с. – Текст : непосредственный.

13. Козырев, В. А. Компетентностный подход в педагогическом образовании / В. А. Козырев. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2004. – 391 с. – Текст : непосредственный.
14. Лавриненко, Е. В. Готовность к самообразованию как ключевое личностное качество ученика вечерней школы в контексте организации самообразовательной деятельности / Е. В. Лавриненко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 18 (77). – С. 595–601.
15. Новая образовательная программа высшего образования – программа бакалавриата: направление подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, направленность (профиль) – «Психология и социальная педагогика», квалификация – бакалавр, форма обучения – очная, заочная. – Армавир, 2018. – 15 с. – Текст : непосредственный.
16. Новиков, А. М. Профессиональное образование в России / А. М. Новиков. – М., 1997. – Текст : непосредственный.
17. Основная образовательная программа высшего образования – программа бакалавриата: направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) – «Технология и Безопасность жизнедеятельности», квалификация – бакалавр. – Армавир, 2018. – 15 с. – Текст : непосредственный.
18. Основная образовательная программа высшего образования – программа магистратуры: направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, направленность (профиль) – Менеджмент в образовании, квалификация – магистр. – Армавир, 2018. – 15 с. – Текст : непосредственный.
19. Скрипкина, А. В. Педагогические условия и компоненты формирования готовности студентов к организации учебного времени в процессе самообразовательной деятельности [Электронный ресурс] / А. В. Скрипкина, А. Ю. Бойко. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/4/pedagogika/skripkina-boyko.pdf. – Текст : электронный.
20. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции: технология конструирования / А. В. Хуторской. – Текст : непосредственный // Народное образование. – 2003. – № 5.
21. Яковлева, Н. В. Психологическая компетентность и ее формирование в процессе обучения в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Яковлева. – Ярославль, 1994. – Текст : непосредственный.
22. Competency profile, Association for financial professionals // www.afponline.org/pub/pdf/competencyrpt.pdf.
23. Cupp S., Moore P., Fortenberry N. Linking student learning outcomes to instructional practices // Proceeding of the 2004 American society for engineering education annual conference and exposition, session 1630, 2004.
24. Globalizaciya obrazovaniya: kompetencii i sistemy kreditov // Pod red. Prof. Rubina Yu.B. – М.: ООО «Market DS Korporeishn», 2005. – 490 s.
25. Implementation of education and training 2010. Work programme. European commission, 2004, 20 p. // ec.europa.eu/education/policies/2010/doc.

REFERENCES

1. Baydenko V. I. Basic skills, key competencies as an integrating factor in the educational process. *Professional'noe obrazovanie i lichnost' specialist = Professional Education and Personality of a Specialist*, 2002, pp. 14–32. (In Russian).
2. Belkin E. L., Kornev L. P., Trebulina N. A. *Pedagogicheskie osnovy organizacii samostoyatel'noj raboty studentov* [Pedagogical Foundations of the Organization of Independent Work of Students]. Orel, Publishing House of Orel Branch of Moscow Institute of Instrumentation, 1989. 65 p.

3. Vardanyan Yu. V. *Stroenie i razvitie professional'noj kompetentnosti s vysshim obrazovaniem* [Building and Developing Professional Competence with Higher Education]: doctoral diss. M., 1999. 353 p.
4. George I. V. *Formirovanie professional'nyh kompetencij studentov obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya na osnove organizacii samostoyatel'noj raboty* [The Formation of Professional Competencies of Students of Higher Education Institutions Based on the Organization of Independent Work]. Tyumen, TIU, 2016. 143 p.
5. Druzhinin V. N. *Kognitivnye sposobnosti. Struktura. Diagnostika. Razvitie* [Cognitive Abilities. Structure. Diagnostics. Development]. M.; SPb, Per Se, Imaton, 2001.
6. Zabalueva A. I. *Formirovanie uchebno-poznavatel'noj kompetencii studentov vuza* [The Formation of Educational and Cognitive Competence of University Students]: Candidate's diss. Taganrog, 2010. 201 p.
7. Zeyer E. F. The competence approach to education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2005, No. 3(33), p. 6. (In Russian).
8. Zeyer E. F. *Modernizaciya professional'nogo obrazovaniya* [Modernization of Vocational Education]. M., MPSI, 2005. 216 p.
9. Zeyer E. F. *Psihologiya professional'nogo razvitiya* [The Psychology of Professional Development]. M., Publishing Center «Akademiya», 2007. 20 p.
10. Zimnyaya I. A. *Klyuchevye kompetencii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya* [Key competencies – a new paradigm of educational outcomes]. Available at: www.rsvh.ru//article.html/id=50758. (In Russian).
11. Zimnyaya I. A. *Klyuchevye kompetencii kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii* [Key Competencies as an Effective-Target Basis of a Competence-Based Approach in Education]. M., PC PKPS, 2004.
12. Kibalchenko I. A. *Psihologicheskie osnovy organizacii uchebno-poznavatel'nogo opyta obuchayushchihhsya* [Psychological Foundations of Organizing Educational and Cognitive Experience of Students]. M., Publishing House KREDO, 2010. 414 p.
13. Kozyrev V. A. *Kompetentnostnyi podhod v pedagogicheskom obrazovanii* [Competence-Based Approach in Pedagogical Education]. SPb., Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2004. 391 p.
14. Lavrinenko E. V. Readiness for self-education as a key personal quality of an evening school student in the context of organizing self-educational activities. *Molodoj uchenyi = Young Scientist*, 2014, No. 18 (77), pp. 595–601. (In Russian).
15. *Novaya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya – programma bakalavriata: napravlenie podgotovki 44.03.02. Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie, napravlennost' (profil') – «Psihologiya i social'naya pedagogika»* [New Educational Program of Higher Education – a bachelor's program: Field 44.03.02. Psychological-Pedagogical Education, Profile "Psychology and Social Pedagogy"]. Armavir, 2018. 15 p.
16. Novikov A. M. *Professional'noe obrazovanie v Rossii* [Professional Education in Russia]. M., 1997.
17. *Osnovnaya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya – programma bakalavriata: napravlenie podgotovki 44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie (s dvumya profilyami podgotovki), napravlennost' (profil') – «Tekhnologiya i Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti»* [The Main Educational Program of Higher Education – a bachelor's program: Field 44.03.05 Pedagogical Education (with Two Training Profiles), Profile "Technology and Life Safety"]. Armavir, 2018. 15 p.

18. *Osnovnaya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya – programma magistratury: napravlenie podgotovki 44.04.01 Pedagogicheskoe obrazovanie, napravlennost' (profil') – Menedzhment v obrazovanii, kvalifikaciya – magistr* [The Main Educational Program of Higher Education – a master's program: Field 44.04.01 Pedagogical Education, Profile "Management in Education"]. Armavir, 2018. 15 p.

19. Skripkina A. V., Boyko A. Yu. *Pedagogicheskie usloviya i komponenty formirovaniya gotovnosti studentov k organizacii uchebnogo vremeni v processe samoobrazovatel'noy deyatel'nosti* [Pedagogical conditions and components of the formation of students' readiness for organizing study time in the process of self-educational activity]. Available at: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/4/pedagogika/skripkina-boyko.pdf. (In Russian).

20. Hutorskoy, A. V. Key competencies: design technology. *Narodnoe obrazovanie = National Education*, 2003, No. 5.

21. Yakovleva N. V. *Psihologicheskaya kompetentnost' i ee formirovanie v processe obucheniya v vuze* [Psychological Competence and its Formation in the Process of Studying at a University]. Diss. abstract. Yaroslavl, 1994.

22. Competency Profile, Association for Financial Professionals. Available at: www.afponline.org/pub/pdf/competencyrpt.pdf.

23. Cupp S., Moore P., Fortenberry N. Linking student learning outcomes to instructional practices. Proceeding of the 2004 American society for engineering education annual conference and exposition, session 1630. 2004.

24. *Globalizaciya obrazovaniya: kompetencii i sistemy kreditov* [Globalization of Education: Competencies and Credit Systems] Ed. by. Rubin Yu. B. M., Market DS Korporeishn, 2005. 490 p.

25. Implementation of Education and Training 2010. Work Programme. European Commission, 2004, 20 p. Available at: ec.europa.eu/education/policies/2010/doc.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кравченко, А. Г. Самообразовательная деятельность в структуре профессиональной компетентности студента вуза / А. Г. Кравченко, А. О. Артемова, Ю. С. Мандрыка. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 13–24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kravchenko A. G., Artemova A. O., Mandryka Yu. S. Self-educational Activity in the Structure of Professional Competence of a University Student / A. G. Kravchenko, A. O. Artemova, Yu. S. Mandryka // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 13–24. (In Russian).

УДК 796.3

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗАНЯТИЙ БАСКЕТБОЛОМ
С ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

В.С. Мерабян, В.А. Косьян, Б.И. Бондарь

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF ORGANIZING
BASKETBALL LESSONS
WITH OLDER PRESCHOOL CHILDREN**

V.S. Merabyan, V.A. Kosyan, B.I. Bondar

Аннотация. В статье представлены теоретические основы и результаты внедрения рекомендаций по проведению занятий баскетболом с детьми 5–7 лет. Показана эффективность использования мячей разного размера при обучении двигательных навыков в баскетболе. Установлено, что ребенок на занятии большую часть времени (70–85 %) должен находиться в контакте с мячом. Это обеспечивает формирование чувства мяча.

Abstract. The article presents theoretical basis and results of the implementation of recommendations for conducting basketball lessons with the children of 5–7 years old. The effectiveness of using balls of different sizes in the training of motor skills in basketball is shown. It was found out that a child should be in contact with the ball in the classroom most of the time (70–85 %). This provides a sense of the ball.

Ключевые слова: дети 5–7 лет, баскетбол, игровые действия, устройства.

Keywords: 5–7 years old children, basketball, game activities, devices.

Согласно нормативно-правовым документам, регламентирующим систему образования, в том числе физкультурно-спортивную деятельность в нашей стране, дети старшего дошкольного возраста, при переходе из детского сада в школу должны: владеть культурными способами деятельности; уметь проявлять инициативу и самостоятельность в разных видах деятельности; адаптироваться к условиям жизни на основе высокого уровня здоровья, развития физических, интеллектуальных и личностных качеств [9; 14].

Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО) в содержание образовательной области «Физическое развитие» основной образовательной программы (ООП) говорится о необходимости применения средств, форм, методов, направленных на приобретение детьми двигательного опыта, необходимого для дальнейшей жизнедеятельности. Рекомендовано в систему физкультурно-оздоровительной работы с дошкольниками включать различные группы упражнений, направленные на: развитие координации, в том числе движений крупной и мелкой моторики обеих рук, гибкости, равновесия; способствующие, правильному формированию опорно-двигательной системы и не наносящие

вреда организму; развитие локомоций (ходьбы, бега, мягких прыжков, повороты в обе стороны); формирование начальных представлений о некоторых видах спорта; овладение подвижными играми с правилами [4; 7; 14].

В этом плане, уникальным средством решения этих задач выступают занятия игровыми видами спорта. В исследованиях ряда авторов показано, что у детей можно, и нужно формировать основные компоненты школы мяча. Для этого рекомендовано использовать баскетбол, футбол и волейбол [1–6; 11]. Доказано, например, что занятия, организованные на основе элементов игры в футбол способствуют повышению уровня физической подготовленности дошкольников, эффективности в обучении двигательным действиям, возможно добиться занятиями, построенными на основе применения средств волейбола, и гандбола [13]. Однако, как отмечается в исследованиях М.А. Правдова и Л.Н. Волошиной, обучение элементам спортивных игр с дошкольниками в детских садах носит фрагментарный характер и, как следствие, уровень овладения элементами спортивных игр не соответствует должной норме, программным требованиям и возрастным возможностям детей старшего дошкольного возраста [4; 10].

В настоящее время накоплен определенный научно-исследовательский опыт организации занятий баскетболом с детьми старшего дошкольного возраста. Показано, что баскетбол в полной мере является средством физического и социального воспитания детей. Командный характер этой игры обладает большим воспитательным потенциалом. Занятия баскетболом приучают детей преодолевать трудности, воспитывают выдержку, характер.

Действия детей с мячом в системе физического воспитания дошкольников занимают существенное место. При этом анализ содержания программ позволяет констатировать, что сложность упражнений, начиная со второй младшей группы, постоянно повышается. В частности в возрастной группе 6–7 лет дети наряду с такими действиями как подбрасывание мяча разными способами, броски на дальность и в цель, включаются упражнения для формирования навыков отбивания, ведения на месте и в движении, передач и ловля мяча, а также бросков мяча в корзину [2–6; 12].

Данные научных исследований показывают, что упражнения с мячом из арсенала баскетбола способствуют развитию координационных способностей, равновесия, точности, согласованности движений и дифференцировке мышечных усилий [7; 8; 11; 12].

Наряду с этим у детей формируются навыки пространственной ориентировки и глазомера. Применение элементов игры в баскетбол в форме как отдельно взятых упражнений, так и игровых ситуаций в значительной мере способствуют развитию быстроты движений, гибкости, силы и скоростно-силовых способностей.

Применение на занятиях упражнений с мячами разного веса и размеров направленно воздействуют на развитие не только крупных мышечных групп, но и что особенно важно, на мелкие мышцы кисти рук.

Упражнения с мячом в баскетболе позволяют симметрично воздействовать на все звенья опорно-двигательного аппарата детей [2; 4–6]. Баскетбол обладает значительным потенциалом не только для гармоничного физического развития, физической подготовленности, но и способствует воспитанию у детей дисциплинированности, соблюдению правил, сотрудничеству в командных действиях, самостоятельности, инициативности, развивает творческие способности [2–10; 17]. Несмотря на множество позитивных характеристик, свойственной баскетболу, а также рекомендаций к ее внедрению в практику физического воспитания детей дошкольного возраста данная игра не получила широкого распространения в системе физкультурно-оздоровительной работы дошкольных организаций.

В системе учреждений дополнительного физкультурно-спортивного образования, а также в спортивных школах, педагоги и тренеры активно привлекают к занятиям детей дошкольного возраста, в том числе и к занятиям баскетболом. Однако возникает противоречие между высоким развивающим потенциалом командной спортивной игры баскетбол и недостаточной научной разработанностью методики занятий в системе дополнительного физкультурно-спортивного образования с детьми старшего дошкольного возраста.

Цель исследования – выявление теоретических основ и разработка методических рекомендаций организации занятий баскетболом с детьми 5–7 лет в системе учреждений дополнительного физкультурно-спортивного образования.

С целью выявления фактического состояния занятий баскетболом с детьми дошкольного возраста было проведено анкетирование 17 тренеров по баскетболу Новокубанского района Краснодарского края.

Анализ первичных данных позволил установить, что большинство опрошенных тренеров не знакомы с содержанием программы по физическому воспитанию в детских садах. Установлено, что тренерские предпочтения лежат в плоскости тренировочной работы.

Определено, что 45,7 % опрошенных тренеров ранее не занимались с дошкольниками, и не знают особенностей их психофизического развития.

Мнения тренеров о необходимости более широкого привлечения детей к систематическим занятиям баскетболом оказались различными. Больше половины (54,9 %) согласны с этим, 33,8 % – затруднились ответить на данный вопрос, а 11,3 % считают, что занятия с детьми спортивными играми являются травмоопасными. Несмотря на то, что большинство педагогов согласны с тем, что баскетболом могут заниматься дошкольники 5–7 лет, только 40 % считают, что готовы к этой деятельности. При этом 60 % считают, что для этого нужно пройти курсы повышения квалификации и, естественно, разработать специальную методику занятий. При этом установлено, что тренеры испытывают трудности в работе с детьми по формированию умений и навыков владения мячом в баскетболе. Связано это прежде всего

с тем, что размеры и вес мяча не всегда соответствуют антропометрическим параметрам детей.

Опираясь на данные ранее проведенных исследований, рекомендации специалистов по баскетболу были разработаны методические рекомендации по организации и проведению занятий баскетболом с детьми 5–7 лет, которые были внедрены в практику работы МАУ спортивной школы «Крепыш» им. К.Х. Тамазова г. Новокубанска.

В качестве основных рекомендаций для организации и проведения занятий с дошкольниками баскетболом было предложено проводить их на начальном этапе в индивидуальной и индивидуально-групповой форме, а по мере освоения детьми действий с мячом в малых командах от 2–3-х человек до 3–4-х. Время проведения 35–40 минут. При этом занятия должны носить игровой характер. Использовать мячи разных размеров – от малых теннисных до мячей соответствующих антропометрическим размерам кисти детей.

Распределение времени на виды подготовки на занятиях представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Соотношение видов подготовки
на занятиях баскетболом с детьми 5–7 лет в году**

Разделы подготовки программы по баскетболу	Общее количество часов	
	1-й год	2-й год
	<i>5–6 лет</i>	<i>6–7 лет</i>
Теоретическая	1	2
ОФП	39	44
СФП	26	24
Техническая	7	20
Тактическая	–	20
Контрольные испытания	3	4
Всего	76	114

На каждом занятии у ребенка должен быть свой игровой мяч. В среднем объем времени, когда ребенок выполняет действия с мячом на занятии, составляет 70–85 % от общего времени выполнения упражнений. Это является одним из ключевых условий организации занятий. Этот подход обеспечивает условия для формирования у детей чувства мяча или так называемой, своеобразной «схемы тела с мячом» и осознание ребенком мяча как части руки («схема звена с мячом»).

Специальные подводящие упражнения с мячом выполнялись на устройствах изготовленных аспирантами и магистрами АГПУ на базе спортивной школы Крепыш.

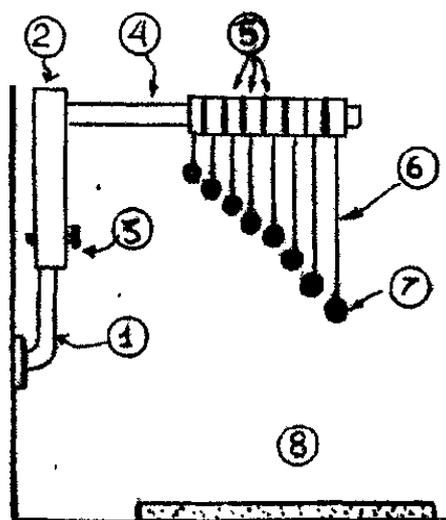

Рис. 1 – Тренажер для прыжков вверх:

1 – кронштейн; 2 – поворотная втулка с фиксатором;
3 – фиксатор; 4 – стержень; 5 – шайбы; 6 – спицы разной длины;
7 – разноцветные шарики; 8 – мягкий коврик

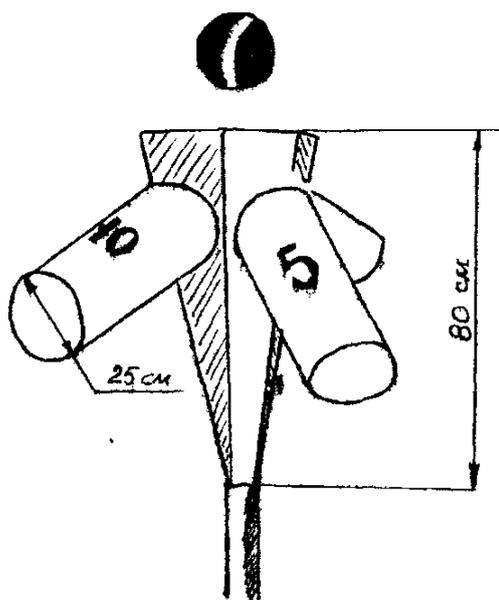

Рис. 2 – Игровое устройство для тренировки бросков мяча

Данное устройство располагается на высоте от 80 до 170 см от земли. Цель игры – попасть мячом в верхнее отверстие и набрать наибольшее количество очков, написанных на трубе, из которой выкатится мяч.

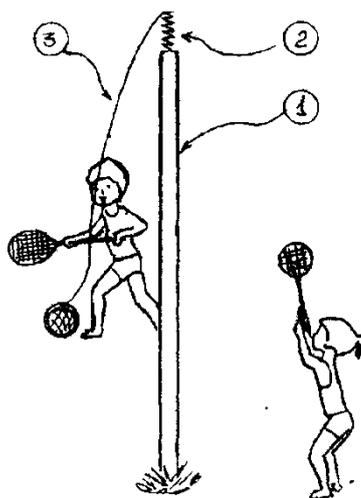

Рис. 3 – Стойка с подвешенным мячом:

1 – стойка (шест) высотой до двух метров; 2 – пружина; 3 – капроновый шнур

Снаряд используется для игры с мячом.

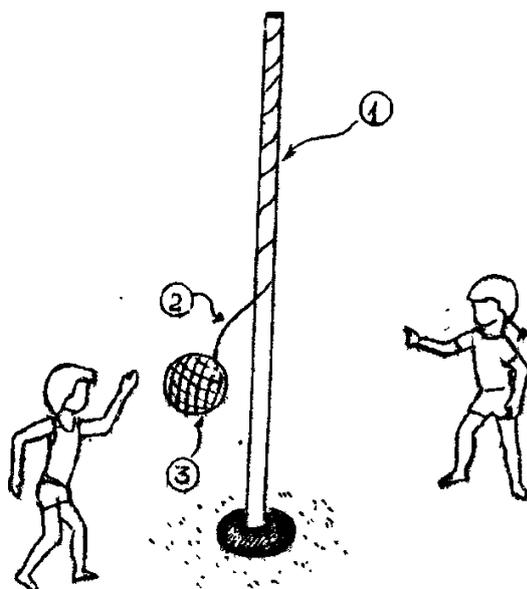

Рис. 4 – Шест-стойка для игры с мячом:

1 – шест (высота – 170 см); 2 – веревка (длина – 155 см); 3 – мяч

В игре могут принимать участие 2 или 4 человека. Задача игроков – закрутить мяч при помощи бросков или ударов на шесте в сторону противоположную ударам партнера.

Положительные, достоверно значимые изменения в уровне сформированности двигательных навыков у детей ЭГ по сравнению с дошкольниками

КГ подтвердили эффективность предложенных методических рекомендаций, апробированных в ходе педагогического эксперимента.

В таблице 2 приведены экспертные оценки, характеризующие изменения в показателях техники двигательных действий детей при выполнении действий с мячом в баскетболе у детей ЭГ и КГ.

Таблица 2

Экспертная оценка сформированности двигательных действий в баскетболе у детей в ходе педагогического эксперимента (в баллах)

Двигательные задания	Сроки	Возраст, группы			
		5–5,9 лет		6–6,8 лет	
		ЭГ (7 чел.)	КГ (7 чел.)	ЭГ (8 чел.)	КГ (8 чел.)
Ведение мяча одной рукой (5 м)	До	1,1±0,2	1,3±0,2	2,3±0,2	2,3±0,2
	После	3,5±0,3	2,9±0,3	4,65±0,3	3,2±0,3
Подбрасывание мяча вверх и его ловля (10 раз)	До	1,5±0,2	1,2±0,2	2,4±0,2	2,3±0,2
	После	3,2±0,3	2,2±0,3	4,7±0,3	3,1±0,3
Броски мяча двумя руками от груди в цель (5 раз)	До	1,1±0,2	1,1±0,2	2,4±0,2	2,4±0,2
	После	3,7±0,3	1,7±0,2	4,8±0,3	3,1±0,2

В экспериментальной группе итоговые оценки превышают показатели детей контрольной группы. Анализ экспертных оценок, полученных в ходе видеоанализа движений, показывает, что за время занятий баскетболом у детей экспериментальной группы произошли значительные изменения в качестве выполнения упражнений. Объяснение данному факту кроется в систематичности применения данных упражнений на тренировочных занятиях и в целенаправленном развитии координационных способностей с помощью применения специальных подводящих упражнений с мячом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адашквичене, Э. И. Спортивные игры и упражнения в детском саду / Э. И. Адашквичене. – М. : Просвещение, 1992. – 160 с. – Текст : непосредственный.
2. Батанцев, Н. И. Развитие физических качеств в процессе физического воспитания детей 6–7 лет на основе использования элементов спортивных игр / Н. И. Батанцев. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. – 2015. – № 1–2. С. 9–14.
3. Дремуха, Н. В. Использование элементов игры в баскетбол как средство развития действий с мячом у детей старшего дошкольного возраста / Н. В. Дремуха. – Текст : непосредственный // Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сфера : материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, учителей, студентов, аспирантов и учёных / Институт экономики, управления и права. – М., 2013. – С. 333–335.

4. Волошина, Л. Н. Игры с элементами спорта в системе физического воспитания дошкольников : монография / Л. Н. Волошина. – Екатеринбург, 2004. – 160 с. – Текст : непосредственный.

5. Гаськов, А. В. Овладение элементами игры в баскетбол детьми дошкольного возраста / А. В. Гаськов, Э. Э. Мендот, И. Э. Мендот – Текст : непосредственный // Вестник Тувинского государственного университета. – 2012. – № 4 (15). – С. 96–99.

6. Ермакова, Ю. Н. Методика физкультурных занятий с детьми 5–7 лет на основе использования элементов игры в футбол : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Ермакова Юлия Николаевна. – Шуя, 2010. – 182 с. – Текст : непосредственный.

7. Змановская, Е. А. Особенности обучения старших дошкольников игре баскетбол / Е. А. Змановская. – Текст : непосредственный // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета физической культуры и спорта Нижневартковского государственного университета. – Нижневартовск, 2015. – С. 100–103.

8. Учет индивидуальных особенностей паспортного и биологического возраста при организации занятий с юными баскетболистками / Ю. Б. Никифоров, Е. Ю. Никифорова, С. В. Михель, М. А. Правдов. – Текст : непосредственный // Физическая культура и спорт: воспитание гражданина России : материалы научной (национальной) конференции / отв. ред. М. А. Правдов. – Шуя, 2018. – С. 116–118.

9. Покладов, А. А. Структура и содержание занятий баскетболом фристайлом / А. А. Покладов, М. А. Правдов. – Текст : непосредственный // Физическое воспитание в условиях современного образовательного процесса : сборник материалов национальной научно-практической конференции. – Шуя, 2020. – С. 177–180.

10. Правдов, М. А. Интеграция двигательной и познавательной деятельности детей на физкультурных занятиях в дошкольных образовательных учреждениях : дис. ... д-ра пед. наук / М. А. Правдов. – Шуя, 2003. – 419 с. – Текст : непосредственный.

11. Правдов, М. А. Баскетбол в детском саду: позиция родителей / М. А. Правдов, С. К. Латина. – Текст : непосредственный // Научный поиск. – 2016. – № 2. – С. 75–77.

12. Взаимодействие семьи и детского сада в физкультурно-спортивной деятельности дошкольников : монография / М. А. Правдов, Ю. Б. Никифоров, Д. М. Правдов, А. А. Щепелев. – Пенза, 2020. – С. 45–56. – Текст : непосредственный.

13. Правдов, М. А. Развитие точности движений у детей дошкольного возраста : монография / М. А. Правдов, Д. М. Правдов. – Шуя, 2008. – С. 15. – Текст : непосредственный.

14. Приказ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=154637;div=LAW;dst=1000000012,0;rnd=189271.16551999972759202>. – Текст : электронный.

15. Проблемы физического воспитания детей дошкольного возраста и подходы к их решению / А. А. Горелов, И. М. Козлов, М. А. Правдов, Я. К. Коблев. – Текст : непосредственный // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2002. – № 4. – С. 57.

16. Финогенова, Н. В. Построение физического воспитания детей дошкольного возраста на основе элементов спортивных игр / Н. В. Финогенова, С. Сухда, Л. Н. Волошина. – Текст : непосредственный // Современные проблемы физического воспитания подрастающего поколения: перспективы и пути решения : сборник мат. с межд. участием науч.-практ. конференции. – Волгоград : ФГБОУ ВО «ВГАФК», 2017. – С. 132–136.

17. Ярославцева, Е. С. Физическое развитие детей дошкольного возраста при обучении игре в баскетбол / Е. С. Ярославцева. – Текст : непосредственный // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 1. – С. 283–285.

REFERENCES

1. Adashkyavichene E.I. *Sportivnye igry i uprazhneniya v detskom sadu* [Sports Games and Exercises in Kindergarten]. М., Prosveshchenie, 1992. 160 p.

2. Batantsev N.I. The development of physical qualities in the process of physical education of 6–7 years old children based on the use of elements of sports games. *Problemy sovershenstvovaniya fizicheskoy kul'tury, sporta i olimpizma = Problems of Improving Physical Culture, Sports and Olympism*, 2015, No. 1–2, pp. 9–14. (In Russian).

3. Dremukha N.V. The use of elements of basketball as a means to develop actions with a ball in older preschool children. *Tendencii izakonomernosti razvitiya sovremennogo rossijskogo obshchestva: ekonomika, politika, social'no-kul'turnaya i pravovaya sfera = Trends and Patterns of the Development of Modern Russian society: Economics, Politics, Social, Cultural and Legal Spheres*, 2013, pp. 333–335. (In Russian).

4. Voloshina L.N. *Igry s elementami sporta v sisteme fizicheskogo vospitaniya doshkol'nikov* [Games with Sports Elements in the system of Physical Education of Preschoolers]. Ekaterinburg, 2004. 160 p.

5. Gaskov A. V., Mendot E.E., Mendot I.E. Mastering the elements of basketball by preschool children. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tuvan State University, Pedagogical Sciences*, 2012, No. 4 (15), pp. 96–99. (In Russian).

6. Ermakova Yu.N. *Metodika fizkul'turnyh zanyatij s det'mi 5–7 let na osnove ispol'zovaniya elementov igry v futbol* [The Methods of Physical Education with 5–7 Years Old Children Based on the Use of Elements of Football]. Candidate's diss. Shuya, 2010. 182 p.

7. Zmanovskaya E.A. Features of teaching older preschoolers to play basketball. *Perspektivnye napravleniya v oblasti fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma = Promising Directions in the Field of Physical Culture, Sports and Tourism*, 2015, pp. 100–103. (In Russian).

8. Nikiforov Yu.B., Nikiforova E.Yu., Mikhel S.V., Pravdov M.A. Taking into account individual characteristics of passport and biological age when organizing classes with young basketball players. V sbornike: *Fizicheskaya kul'tura i sport: vospitanie grazhdanina Rossii = Physical Culture and Sports: Education of a Citizen of Russia*, 2018, pp. 116–118. (In Russian).

9. Pokladov A.A., Pravdov M.A. The structure and content of basketball freestyle classes. *Fizicheskoe vospitanie v usloviyah sovremennogo obrazovatel'nogo processa = Physical Education in the Context of the Modern Educational Process*, 2020, pp. 177–180. (In Russian).

10. Pravdov M.A. *Integratsiya dvigatel'noy i poznavatel'noy deyatel'nosti detey na fizkul'turnyh zanyatiyah v doshkol'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah* [The Integration of Motor and Cognitive Activity of Children in Physical Culture Classes in Preschool Educational Organizations]. Doctoral diss. Shuya, 2003. 419 p.

11. Pravdov M.A., Latina S.K. Kindergarten basketball: parents' attitude. *Nauchnyi poisk = Scientific Search*, 2016, No. 2, pp. 75–77. (In Russian).
12. Pravdov M.A., Nikiforov Yu.B., Pravdov D.M., Shchepelev A.A. *Vzaimodejstvie sem'i i detskogo sada v fizkul'turno-sportivnoj deyatel'nosti doshkol'nikov* [The Interaction of Family and Kindergarten in Physical Culture and Sports Activities of Preschoolers]. Penza, 2020. P. 45–56.
13. Pravdov M.A., Pravdov D.M. *Razvitie tochnosti dvizheniy u detey doshkol'nogo vozrasta* [The Development of Movement Accuracy in Preschool Children]. Shuya, Shuya State Pedagogical University, 2008. P. 15.
14. *Prikaz ot 17 oktyabrya 2013 g. № 1155. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya* [Order of October 17, 2013 No. 1155. On Approval of the Federal State Educational Standard for Preschool Education]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r>. (In Russian).
15. Gorelov A.A., Kozlov I.M., Pravdov M.A., Koblev Ya.K. Problems of physical education of preschool children and approaches to their solution. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka = Physical Culture: Upbringing, Education, Training*, 2002, No. 4, p. 57. (In Russian).
16. Finogenova N.V., Sukhda S., Voloshina L.N. Organizing physical education of preschool children based on the elements of sports games. *Sovremennye problemy fizicheskogo vospitaniya podrastayushchego pokoleniya: perspektivy i puti resheniya = Modern Problems of Physical Education of the Younger Generation: Prospects and Solutions*, 2017, pp. 132–136. (In Russian).
17. Yaroslavtseva E.S. Physical development of preschool children when learning to play basketball. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Proceedings of the Bratsk State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2017, No. 1, pp. 283–285. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мерабян, В. С. Теоретические основы организации занятий баскетболом с детьми старшего дошкольного возраста / В. С. Мерабян, В. А. Косьян, Б. И. Бондарь. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 25–34.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Merabyan V. S., Kosyan V. A., Bondar B. I. Theoretical Foundations of Organizing Basketball Lessons With Older Preschool Children / V.S. Merabyan, V.A. Kosyan, B.I. Bondar // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 25–34. (In Russian).

УДК 371.124:378.276

**СФОРМИРОВАННОСТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
КУРСОВЫХ ОФИЦЕРОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ**

Д.А. Рубан, В.Е. Гладченко

**PROFICIENCY
INPROFESSIONAL PEDAGOGICAL COMPETENCE
OF COURSE OFFICERS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

D.A. Ruban, V.E. Gladchenko

Аннотация. В статье раскрываются структурные характеристики профессионально-педагогической компетентности курсовых офицеров вузов МВД России. Выделены критерии сформированности профессионально-педагогической компетентности у курсовых офицеров вузов МВД России. Для оценки сформированности у курсовых офицеров профессионально-педагогической компетентности предложен оценочный инструментарий, представляющий комплекс диагностических материалов.

Abstract. The article reveals the structural characteristics of professional pedagogical competence of course officers of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The criteria for the level of proficiency in professional pedagogical competence of course officers of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia have been identified. To assess the level of proficiency in professional pedagogical competence of course officers an evaluation tool that is a set of diagnostic materials is proposed.

Ключевые слова: компетентность курсовых офицеров, профессионально-педагогическая компетентность, курсовые офицеры МВД России.

Keywords: competence of course officers, professional-pedagogical competence, course officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Профессионально-педагогическая деятельность курсовых офицеров предполагает формирование специфических требований, из которых складывается обширный перечень качеств, влияющих на профессиональную компетентность кадров. У них на высоком уровне должны быть сформированы не только теоретическая база, практические навыки, но и умение развиваться в профессиональном плане, проявлять педагогический креатив и т. д. Постоянные коммуникации в среде курсантов ведут к применению в учебной деятельности методов личностно-ориентированного характера и разграничению подходов к воспитанию и взаимосвязей участников коллектива. Однако нередко перед курсовыми офицерами возникают проблемы, связанные с неумением воздействовать и координировать вверенный личный состав кадров в процессе решения задач, целью которых является достижение качественных результатов. Помимо этого присутствуют сложности по организации учебной деятельности и воспитания.

Особенности ведомственного учебного заведения, регулирование профессиональной деятельности, установленная иерархия, входящие в структуру взаимосвязей между участниками процесса обучения, не позволяют курсовым офицерам на необходимом уровне изучить и применять тот профессиональный ресурс, с которым они сталкиваются повседневно. Это приводит к тому, что они затрудняются при выборе необходимых механизмов для понимания индивидуально-психологических качеств курсантов, выстраивания оптимальной системы работы с каждым из них, а также сохранения и укрепления психического состояния членов коллектива.

В связи с этим образовалась необходимость исследовать профессиональную и педагогическую части системы знаний курсовых офицеров, которые позволяют им производить качественный анализ и оценку своей активности и активности своего подразделения, планировать собственную деятельность и деятельность других кадров, мотивировать их морально на решение поставленных задач в процессе общей работы, определять педагогически эффективные сценарии общения между курсантами и остальными участниками учебной деятельности.

Опираясь на то, что внутренние характеристики курсовых офицеров вузов МВД России определяют ключевой аспект продуктивности при взаимосвязях с курсантами в рамках воспитательно-педагогической деятельности, формирующей профессиональный подход и технику в процессе воспитательно-педагогической работы вуза МВД России, профессионально-педагогическая грамотность курсовых офицеров вузов МВД России может выполнять основную функцию при выборе возможных методов личностного и профессионального роста.

Детальное изучение содержания профессионально-педагогического уровня курсовых офицеров, а также регламентация ее высокого значения в личностно-профессиональном формировании кадров позволяет нам установить следующие параметры образования профессионально-педагогической компетентности у курсовых офицеров вузов МВД России.

Таблица 1

**Критерии сформированности
профессионально-педагогической компетентности
у курсовых офицеров вузов МВД России**

Знаниевый аспект (знания и представления по части организации учебно-воспитательной деятельности, коммуникаций с кадрами, иными участниками процесса обучения в вузе)		
Оптимальный уровень	Допустимый уровень	Критический уровень
- объем профессионально-педагогических знаний: знает о приемах и методах формирования личностно-	- сформировано представление о построении учебно-воспитательной деятельности, коммуникаций	- недостаточно сформированы знания по части организации учебно-воспитательной

<p>развивающего учебно-воспитательного процесса, взаимосвязей с курсантами, остальными участниками учебной деятельности в вузе;</p> <ul style="list-style-type: none"> - понимает особенности использования приемов и методов педагогической деятельности и воспитания курсантов; - владеет техниками использования распространенных методов учебно-воспитательной деятельности, умеет объединять личностные, коллективные и общественные разновидности; - твердо владеет знаниями и навыками соединения различных видов организации коммуникаций с кадрами и другими членами педагогической деятельности при преодолении всевозможных трудностей учебно-воспитательного характера; - умеет применять знания на практике. 	<p>с участниками обучения, другими членами коллектива в вузе, техниках, применяемых при взаимодействии, осознает значение их применения в динамичной среде профессионально-педагогической деятельности, но на слабом уровне находятся методические знания;</p> <ul style="list-style-type: none"> - при проявлении собственной позиции не всегда ссылается на научные теоретические знания; - знает о ведущих разновидностях и приемах образовательного процесса, но на слабом уровне находятся знания по целесообразному совмещению индивидуальных форм взаимодействия с коллективными, общественными и их применения для достижения всевозможных учебно-воспитательных целей; - тяготеет к скорейшему применению усвоенных знаний на практике. 	<p>работы, коммуникаций с кадрами, другими членами образовательного процесса в вузе;</p> <ul style="list-style-type: none"> - ориентируется на внутреннее чутье, не понимая результаты своей педагогической деятельности; - не получается использовать полученный опыт о видах и приемах учебно-воспитательной работы, объединения личностных, коллективных, общественных в ходе преодоления трудностей учебно-воспитательного характера; - недостаточно умеет соотносить собственные действия и возможные ответы на вопросы с полученными знаниями и навыками.
<p>Мотивационный критерий (мотивация освоения технологий и методов деятельности, способствующих организации учебно-воспитательного процесса, взаимодействия с курсантами, иными участниками образовательного процесса в вузе)</p>		
<p>Оптимальный уровень</p>	<p>Допустимый уровень</p>	<p>Критический уровень</p>
<ul style="list-style-type: none"> - активен и положительно настроен на познание и применение личностно формирующих методов и приемов образовательного процесса в вузе, изучению и использованию принятых техник обучения; - постоянно интересуется предложенной деятельностью; 	<ul style="list-style-type: none"> - нейтрально относится к действиям, направленным на познание и применение личностно развивающих методик и сценариев образовательного процесса в вузе; - не проявляет заинтересованность такой сферой профессионально-педагогической работы 	<ul style="list-style-type: none"> - полностью отсутствует заинтересованность к данному направлению; - отрицательно смотрит на необходимость формирования профессионально-педагогической грамотности и применению личностно развивающих

<ul style="list-style-type: none"> - способен самостоятельно оценивать свои действия при создании индивидуального образовательного сценария, продвижением в ходе его реализации, а также за целесообразностью педагогического процесса; - формируется внутренняя, а не внешняя мотивация, не требуется стороннее стимулирование на действия; - позитивное отношение к познанию личноно развивающих методов, видов и техник учебной деятельности и воспитания кадров; - настроен на постоянное познание современных практик в образовании. 	<p>или наблюдается частичная заинтересованность;</p> <ul style="list-style-type: none"> - необходимость подготовки персонального учебного сценария осознается, но наблюдается недостаточное тяготение к участию в нем; - нейтрально, даже пассивно относится к личноно развивающим методикам, видам и техникам учебной деятельности и воспитания кадров и их применению в профессиональной деятельности. 	<p>подходов и методов учебной деятельности и воспитания кадров.</p>
<p>Операциональный критерий (опыт использования технологий и методов обучения и воспитания курсантов в своей учебно-воспитательной деятельности)</p>		
<p>Оптимальный уровень</p>	<p>Допустимый уровень</p>	<p>Критический уровень</p>
<ul style="list-style-type: none"> - высокая степень заинтересованности в познании и применении личноно развивающих подходов и методов образовательного процесса и воспитания курсантов; - сформированы навыки к личноно-профессиональному росту на базе полученных знаний и приобретенного опыта; - при обосновании своей позиции исходит из субъективных знаний и навыков; - высокая степень заинтересованности и креативный подход к формированию в учебном заведении личноно развивающего учебно-воспитательного процесса; - применяет в своей деятельности показатели других членов педагогического процесса. 	<ul style="list-style-type: none"> - наблюдается рост уверенности в необходимости освоения и использования приемов и техник образовательной деятельности и воспитания курсантов, но активность в применении своих знаний находится на слабом уровне; - частично применяет распространенные методы обучения и воспитания; - наблюдается рост уверенности в необходимости использования личноно развивающих приемов и методов образования и воспитания, но активность в данной области проявляется не каждый раз. 	<ul style="list-style-type: none"> - не используют в реальности знания о личноно развивающих приемах и методах образования и воспитания кадров, не наблюдается даже частичное использование; - осознанно не применяют методы и приемы образования и воспитания, влияющие на формирование в вузе личноно развивающего учебно-воспитательного процесса.

Для контроля образования у курсовых офицеров профессионально-педагогической грамотности был сформирован механизм оценки, состоящий из сочетания диагностических компонентов.

Таблица 2

**Критерии и диагностики анализа сформированности
у курсовых офицеров
профессионально-педагогической компетентности**

Критерии сформированности	Характеристики	Диагностический инструментарий
Знаниевый	<ul style="list-style-type: none"> - владеет приемами и методиками формирования личностно-развивающего учебно-воспитательного процесса, коммуникации с участниками образования, другими членами учебной деятельности в вузе; - осознает особенности использования техник и подходов образования и воспитания курсантов; - владеет механизмами использования распространенных методов учебно-воспитательной работы, умеет комбинировать персональные, коллективные, общественные виды; - сформированы твердые знания и умения по совмещению различных видов организации коммуникаций с курсантами и иными участниками учебной деятельности при достижении учебно-воспитательных целей. 	Диагностическая карта самооценки знаний
Мотивационный	<ul style="list-style-type: none"> - наблюдается активный интерес к познанию и реализации на практике личностно развивающих методов и техник образовательного процесса в вузе, изучению и использованию распространенных методов образования; - интерес к данному направлению не исчезает; - присутствует внутренняя, а не внешняя мотивация. 	Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) [6]. Методика определения рефлексивности мышления (О.С. Анисимов) [1].

Критерии сформированности	Характеристики	Диагностический инструментарий
Операциональный (практический)	<ul style="list-style-type: none"> - высокий уровень понимания необходимости осваивать и использовать на практике методы и приемы образования, обучения и воспитания кадров; - сформированы умения к личностно-профессиональному росту с опорой на приобретенные знания и опыт; - наблюдается высокая заинтересованность и креативный подход к формированию в учебном заведении личностно развивающего учебно-воспитательного процесса; - основывается в собственной деятельности на показателях других участников обучения. 	Карта оценки и самооценки способностей к творческой и инновационной деятельности (по В.А. Сластенину, Л.С. Подымовой) [5].

В исследовательской работе использовались практические показатели 52 курсовых офицеров Краснодарского университета МВД России.

Анализ знаниевого компонента сформированности профессионально-педагогической грамотности привел к выводам, что для изученного состава курсовых офицеров свойственны сжатость и размытость понимания методов и приемов выстраивания личностно-развивающего учебно-воспитательного процесса, коммуникаций между участниками, другими членами педагогической деятельности. 34,6 % курсовых офицеров находятся у критической отметки подготовленности к данному направлению.

Детальное рассмотрение мотивационного аспекта сформированности профессионально-педагогической компетентности курсовых офицеров выявило, что у большей части участников исследования (43,7 %) на высоком и уровне «выше среднего» находятся элементы коммуникативной, пессимистической и ментальной готовности к самосовершенствованию. Средние показатели исходят из составляющих мотивационной и нравственно-волевой подготовки. 37 % участников исследования выставили невысокие оценки (от 35 до 54) по формулировкам «повышать свое самообразование в области педагогики и психологии», «повышать свою потребность в самопознании» и «стремиться получить высокую оценку своей самообразовательной деятельности». Максимальное количество баллов наблюдается у 17,3 % кадров по всем трем факторам: степень мыслительной деятельности, степень самокритичности, степень своего осознания в коллективе, 38,5 % – среднее количество баллов по тем или отдельным характеристикам, 44,2 % – минимальное количество баллов.

Рассмотрение операционального компонента сформированности профессионально-педагогической компетентности курсовых офицеров привело

к выводам, что не все курсовые офицеры могут отказаться от установленных стереотипов в образовательном процессе, не способны произвести самоанализ и осмыслить его результаты. Важно понимать, что критерий личной значимости творческой деятельности не достиг высоких показателей.

Ввиду вышеизложенного, развитие знаниевого, мотивационного и операционального факторов построения профессионально-педагогической компетентности курсовых офицеров позволяет согласиться с высоким уровнем личностно-профессиональной подготовки курсовых офицеров в вузах МВД России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, О. С. Основы общей и управленческой акмеологии / О. С. Анисимов, А. А. Деркач. – М., 2006. – 272 с. – Текст : непосредственный.
2. Рубан, Д. А. К вопросу об особенностях профессиональной компетентности курсовых офицеров вузов МВД России / Д. А. Рубан. – Текст : непосредственный // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 10 (91). – С. 44–47.
3. Рубан, Д. А. Педагогическое сопровождение личностно-профессионального развития курсовых офицеров в университетах МВД России : дис. ... канд. пед. наук / Д. А. Рубан. – Армавир, 2019. – 180 с. – Текст : непосредственный.
4. Рубан, Д. А. Профессиональная подготовка в образовательных учреждениях МВД России: культурологические предпосылки / Д. А. Рубан. – Текст : непосредственный // Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice : materials of the IV international scientific conference on March 20–21, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ". – С. 38–42.
5. Слостенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Слостенин, Л. С. Подымова. – М., 1997. – 224 с. – Текст : непосредственный.
6. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Институт психотерапии, 2005. – 496 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Anisimov O. S. *Osnovy obshchey i upravlencheskoy akmeologii* [The Fundamentals of General and Management Acmeology]. M., 2006. 272 p.
2. Ruban D. A. On the issue of the peculiarities of professional competence of course officers of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Global'nyy nauchnyy potentsial = Global Scientific Potential*, 2018, No. 10 (91), pp. 44–47. (In Russian).
3. Ruban D. A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie lichnostno-professional'nogo razvitiya kursovyyh oficerov v universitetah MVD Rossii* [Pedagogical Support of Personal and Professional Development of Course Officers at the Universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Candidate's diss. Armavir, 2019. 180 p.
4. Ruban D. A. Professional training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: cultural prerequisites. *Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice*, Prague, 2015, pp. 38–42. (In Russian).
5. Slastenin V. A., Podymova L. S. *Pedagogika: innovacionnaya deyatel'nost'* [Pedagogy: innovative activity]. M., 1997. 224 p.

6. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M. *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp* [Socio-Psychological Diagnostics of the Development of Personality and Small Groups]. M., Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2005. 496 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рубан, Д. А. Сформированность профессионально-педагогической компетентности курсовых офицеров вузов МВД России / Д. А. Рубан, В. Е. Гладченко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 35–42.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ruban D. A., Gladchenko V. E. Proficiency Inprofessional Pedagogical Competence of Course Officers of Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / D. A. Ruban, V. E. Gladchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 35–42. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК 94 (470.6)

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЧЕЧНЯ. ЧАСТЬ 2. ВЗЯТИЕ АРГУНСКОГО УЩЕЛЬЯ (ЗИМНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1858 г.)

А.А. Головлёв

GENERAL NIKOLAY IVANOVICH EVDOKIMOV AND CHECHNYA. PART 2. CONQUERING THE ARGUN GORGE (WINTER EXPEDITION OF 1858)

A.A. Golovlyov

Аннотация. Вторая часть из серии статей о генерале Н.И. Евдокимове посвящена знаменательному военно-историческому событию, произошедшему на Кавказе зимой 1858 г.: штурму русскими войсками сильно укрепленного имамом Шамилем Аргунского ущелья. В статье показано, как благодаря глубоко продуманным, расчётливым и нестандартным действиям командующего войсками генерала Н.И. Евдокимова, почти неприступное Аргунское ущелье было взято с ничтожной потерей. Прослежены дальнейшие действия генерала Н.И. Евдокимова, направленные на создание в Чёрных горах (вблизи Аргунского ущелья) укрепленного плацдарма, необходимого для проведения активных наступательных действий русских войск в ущелье Чанты-Аргуна.

Abstract. The second part of a series of articles about General N.I. Evdokimov is dedicated to a significant military-historical event that took place in the Caucasus in the winter of 1858, the assault by Russian troops of the Argun gorge, heavily fortified by Imam Shamil. The article shows how, thanks to the deeply thought-out, prudent and non-standard actions of the commander of the troops, General N.I. Evdokimov, the almost impregnable Argun gorge was conquered with negligible loss. The article traces the further actions of General N.I. Evdokimov aimed at creating a fortified bridgehead in the Black Mountains (near the Argun Gorge), which was necessary for conducting active offensive actions of Russian troops in the Chanty-Argun gorge.

Ключевые слова: генералы Н.И. Евдокимов, П.Н. Загорянский, П.И. Кемферт, В.К. Мищенко, Л.П. Рудановский, имам Шамиль, наибы Батока и Кази-Магома, Чечня, Аргунское ущелье.

Keywords: generals N.I. Evdokimov, P.I. Kemfert, V.K. Mishchenko, L.P. Rudanovsky, P.N. Zagoryansky, Imam Shamil, Batoka and Kazi-Magoma naibs, Chechnya, Argun gorge.

Пускай с мюридами бежит
Шамиль на новоселье,
Его от нас не защитит
Аргунское ущелье

(из кавказской песни)

В.А. Потто [1, с. 164].

Как заняли мы ущелье,
Что аргунским-то зовут,
То-то было нам веселье,
То-то пели песни тут. . .

(из солдатской песни)

Н.А. Волконский [2, с. 406].

Первый, подготовительный этап плана ген.-л. Н.И. Евдокимова по овладению Чечнёй, успешно завершился взятием под полный российский контроль плоскостной части Чечни и низкогорий Ауха, и вытеснением вооружённых сил имамата в горы¹. На организацию в плоскостной Чечне и Аухе прочного тыла, необходимого для прорыва русских войск в горы Чечни и проведения наступательных действий в горных условиях, Н.И. Евдокимов потратил 1856–1857 гг. С завершением подготовительного этапа, открылась возможность для осуществления второго этапа плана, нацеленного на овладение Аргунским и Чанты-Аргунским ущельями и замирение аргунских горцев. В настоящей статье рассмотрим лишь начальную часть второго этапа плана, связанную с взятием русскими войсками Аргунского ущелья.

Вначале подчеркнём, что ген.-л. Н.И. Евдокимов был убеждён в том, что военные действия в Чёрных горах нельзя открывать до тех пор, пока плоскость Чечни не будет очищена от неприятеля. Бывший командир 79-го пехотного Куринского полка Г.Н. Казбек [4] видел в таком подходе следствие давно усвоенного Н.И. Евдокимовым мудрого правила: ничем не рисковать в делах даже с кажущимся слабым противником.

Очистив плоскость Чечни и Аух от неприятеля, ген.-л. Н.И. Евдокимов не сразу определил место для прорыва русских войск в горы Чечни. Сопоставительный военно-географический анализ нескольких местностей, пригодных для массированного вторжения войск в горы Чечни, позволил остановить выбор на Аргунском ущелье. Справедливости ради заметим, что на необходимость занятия Аргунского ущелья Н.И. Евдокимову прежде не раз указывал главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский. Однако осторожный Н.И. Евдокимов, вплоть до 1858 г., не считал это дело вполне подготовленным для того, чтобы прорвавшись в Аргунское ущелье, безостановочно работать в горах [4]. Когда же в 1857 г. многочисленное население Большой Чечни покорилось и перешло от власти имама Шамиля

¹ См. первую часть из серии наших статей [3].

в подданство России, а подконтрольные ей территории со стороны гор Чечни и Ауха стали вполне защищёнными, настало время для открытия боевых действий в Аргунском ущелье.

Какими же соображениями руководствовался ген.-л. Н.И. Евдокимов при выборе труднодоступного и охраняемого многочисленным войском Аргунского ущелья как места предстоящего прорыва русской армии в горы Чечни? Ведь *a priori* грозное Аргунское ущелье не подходило для вторжения не только из-за своей неприступности, но и ещё потому, что оно открывало доступ к совершенно неизведанным и бездорожным лесным и скалистым горам Чечни. В котловинах и долинах, расположенных южнее Чёрных гор, проживало многолюдное и чрезвычайно воинственное население. Значительная часть вооружённых сил имамата Шамиля комплектовалась аргунскими горцами.

Согласно Г.Н. Казбеку [4], решение Н.И. Евдокимова о прорыве в горы Чечни через Аргунское ущелье основывалось не на военных приоритетах, а на политико-стратегических соображениях. Об этом Г.Н. Казбек писал: «Отнять Аргунское ущелье у Шамиля – значило отнять у него половину царства, потому что мы у него отрезывали все пути сообщения с малой Чечней и Западным Кавказом, а сами еще в одном месте входили в связь с Закавказьем и, таким образом, уже замыкали сферу влияния Шамиля» [4, с. 400].

Выбрав Аргунское ущелье в качестве места для прорыва в горы Чечни, ген.-л. Н.И. Евдокимов озаботился вопросом о способе достижения поставленной цели. По свидетельству Н.А. Волконского [2, с. 381], немало передумал Н.И. Евдокимов о том, как бы «надуть Шамиля» и отвлечь его силы в такое место, откуда он уже не успел бы в ущелье, а самому, тем временем, нагрянуть на Дачу-Барзой. В рапорте военному министру Российской империи ген.-ад. Н.О. Сухозанету от 18.01.1858 г., ген.-л. Н.И. Евдокимов изложил суть плана по взятию Аргунского ущелья, в основе которого и было намерение оттянуть неприятельские силы на какой-либо другой пункт, а затем совершить неожиданный бросок в ущелье [5].

Подготовку к занятию Аргунского ущелья ген.-л. Н.И. Евдокимов начал с работы по дезинформации противника. Необходимость такой работы обуславливалась двумя причинами. Во-первых, Н.И. Евдокимов знал, что чеченцы зорко следят за всеми перемещениями русских войск, и сведения об их передислокациях немедленно доставляют имаму Шамилю. Во-вторых, генерал знал также о том, что через посредство чеченцев и других горцев, служивших в милиции и воевавших на стороне России, известия о предстоящих военных действиях каким-то таинственным образом передавались имаму Шамилю. Поэтому залогом успешных военных действий в Чечне являлась работа по введению неприятеля в полное заблуждение относительно цели и задач, поставленных войскам.

Н.А. Волконский [2], пребывая в окружении ген.-л. Н.И. Евдокимова, наблюдал резкую перемену в его поведении. Всегда тихий, сосредоточенный

и замкнутый по натуре генерал, отдававший приказы таким образом, что осознать их истинный, конечный смысл никто не мог, неожиданно преобразился. Офицеры, знавшие генерала, не могли поверить ни своим ушам, ни глазам. Н.И. Евдокимов, не в свойственной ему манере, стал громко рассуждать о том, что следовало бы снова пойти с войсками в Большую Чечню и заложить вблизи аула Автуры сильное укрепление, или же проследовать с войсками к укр. Кишень-Ауху. Наиглавнейшее состояло в том, что своими сообщениями генерал охотно делился с некоторыми представителями татарской милиции и приближенными к нему начальственными лицами из числа горцев, которым он (по своей скрытности и опытности) меньше всего доверял. Разумеется, что высказанные генералом намерения быстро распространились среди чеченских милиционеров, и через их посредство стали известны имаму Шамилю.

Ложный слух ген.-л. Н.И. Евдокимов подтверждает практическими действиями, отвлекающими внимание неприятеля от Аргунского ущелья. Он приказывает перевезти часть фуража из кр. Воздвиженской в укр. Шали, подрядить подводы для перевозки сена в Автуры, а большую часть войск и все обозы 15.01.1858 г. сосредоточить на правом берегу Аргуна, приказав одновременно ген.-м. В.К. Мищенко вывезти из Воздвиженской обоз на правый берег Аргуна [5]. Всё это переключило внимание имама Шамиля от Аргунского ущелья и кр. Воздвиженской к укреплениям Бердыкель и Шалинскому, и заставило его спешно заняться усилением обороны другого стратегически важного направления (аул Автуры, проходы в ущелья рек Хулхулау и Басс).

Согласно М.Я. Ольшевскому [6], для убеждения имама Шамиля в истинности намерения ген.-л. Н.И. Евдокимова двигаться к аулу Автуры, а оттуда по ущелью Хулхулау на Ведено, войска, стоявшие в Бердыкеле, 15 января совершили ложную демонстрацию, направившись в сторону Автуры.

О действиях ген.-л. Н.И. Евдокимова перед штурмом Аргунского ущелья сообщают также участники аргунской экспедиции, фронтовые корреспонденты и военные историки. В их публикациях представлены сведения, в основном совпадающие с таковыми из лаконичного рапорта командующего войсками Левого фланга Кавказской линии. Однако авторы публикаций об экспедиции Н.И. Евдокимова с большей подробностью описывают действия, предпринятые генералом перед штурмом ущелья. В тоже время в их публикациях встречаются отдельные нестыковки относительно деталей военных событий. Например, в военной корреспонденции [7] с места событий упоминается о том, что Н.И. Евдокимов распорядился не только о перевозке части фуража из кр. Воздвиженской в укр. Шалинское, но и о найме подвод для перевозки строительного леса к укрепленному неприятельскому аулу Автуры. Н.А. Волконский [2] уточняет месторасположение лагеря русских войск, стоявших напротив укрепления Бердыкель, на правом берегу р. Аргун и оседлавших главную дорогу в Большую Чечню. Этот же автор поясняет,

что привезённый в укр. Шалинское фураж требовался для удобства снабжения кавалерии, на случай движения русских войск к аулу Автуры, лежавшему у места выхода р. Хулхулау с гор на равнину, и от которого существовал прямой путь по ущелью этой реки к столице имамата Ведено. По Н.А. Волконскому [2], Н.И. Евдокимов распорядился о найме подвод для перевозки строительных материалов.

Участник военных действий К. Дидимов [8, с. 91] утверждал, что ген.-л. Н.И. Евдокимов «...своими маневрами держит Чеченцев в постоянном заблуждении относительно плана действий. Так он маневрировал пред занятием Аргунского ущелья». По К. Дидимову [8], Н.И. Евдокимов собрал в Бердыкеле, недалеко от аула Автуры, большой отряд под начальством ген.-м. Л.П. Рудановского¹. Для подтверждения ложного слуха о движении русских войск в Большую Чечню, Н.И. Евдокимов подрядил у мирных чеченцев несколько сот арб для доставки в войска, якобы предназначенные для наступления на Автуры, провианта, спирта, инженерного инструмента и других принадлежностей.

Г.Н. Казбек [4] также сообщал о ложном слухе и большом сборе русских войск около Бердыкеля. По Г.Н. Казбеку, Н.И. Евдокимов приказал подрядить арбы для перевозки сена к Автурам. Он же приказал ген.-м. В.К. Мищенко в полдень 15 января 1858 г. направить обоз из кр. Воздвиженской в военный лагерь под Бердыкелем, расположенный на правом берегу Аргуна. Однако истинную цель распоряжений командующего войсками никто не знал. Тем не менее, имам Шамиль почувствовал приближение серьёзной опасности.

Не только имам Шамиль и чеченцы, но и военнослужащие русских войск (от простых солдат и до генералов) не сомневались в том, что Н.И. Евдокимов в скором времени из-под Бердыкеля начнёт наступление на Автуры [7].

Поддавшись на ложный слух, имам Шамиль начал передислокацию своих войск, о чем ген.-л. Н.И. Евдокимов сообщил военному министру [5].

Для взятия Аргунского ущелья ген.-л. Н.И. Евдокимов разработал специальный план [5]. Войска Чеченского отряда Кавказской армии должны были двигаться к Аргунскому ущелью по обоим берегам Аргуна с трёх позиций несколькими отрядами. Когда командирам частей, дислоцированных под Бердыкелем, объявили приказ Н.И. Евдокимова о выступлении, они изумились и не хотели верить услышанному. Вместо ожидавшегося всеми движения для занятия аула Автуры, войскам предлагалось выступить в 9 часов вечера 15 января 1858 г. вверх по правому берегу Аргуна к входу в Аргунское ущелье.

¹ Полагаем, что К. Дидимов находился в отряде ген.-м. Л.П. Рудановского. Русская группировка в Бердыкеле состояла из двух отрядов. Как мы увидим позже, передовым, ударным отрядом командовал ген.-м. П.И. Кемферт, а вспомогательным, резервным отрядом – ген.-м. Л.П. Рудановский.

Согласно плану ген.-л. Н.И. Евдокимова [5; 7], 15 января в 9 часов вечера к входу в Аргунское ущелье по правому берегу Аргуна выступил отряд ген.-м. П.И. Кемферта, составивший левую колонну Чеченского отряда из 4 батальонов Навагинского пехотного полка и сводного батальона Апшеронского пехотного полка, 4 горных орудий 19-й артиллерийской бригады и 4 лёгких орудий 18-й артиллерийской бригады. В резерве левой колонны 15 января в 10 часов вечера выступил отряд ген.-м. Л.П. Рудановского в составе 2 батальонов Тенгинского пехотного полка, 2 батальонов Виленского пехотного полка, батальона Белостокского пехотного полка и 20-го стрелкового батальона, 2 сотен Моздокского казачьего полка, 2 орудий 18-й артиллерийской бригады и 2 горных орудий 20-й артиллерийской бригады.

На следующий день, 16 января в 3 часа утра, из кр. Воздвиженской по левому берегу Аргуна к его теснине выступил отряд ген.-м. В.К. Мищенко, составивший правую колонну Чеченского отряда. В правой колонне находились 3 батальона Куринского пехотного полка, две сотни Донского № 76-го казачьего полка, 4 лёгких и 2 горных орудия 20-й артиллерийской бригады. В резерве правой колонны был отряд из пехоты, кавалерии и артиллерии, выступивший 15 января в 10 часов вечера из кр. Грозной в Воздвиженскую. Пехотой в этом отряде командовал полк. Н.А. Тиммерман, а кавалерией – полк. М.А. Кундухов. Резерв правой колонны состоял из батальона Апшеронского пехотного полка, сводного линейного стрелкового батальона и роты Кавказского сапёрного № 2-го батальона при 2 орудиях 20-й артиллерийской бригады. Кавалерия состояла из 2 дивизионов 44-го драгунского Нижегородского полка, 2 сотен 1-го и 2 сотен 2-го Сунженских казачьих полков, 2 сотен Владикавказского казачьего полка, 3 сотен Чеченской милиции, 1¹/₂ сотен Назрановской, Галашевской и Галгаевской милиции и 4 конных орудий казачьей 15-й батареи [5].

По приказу ген.-л. Н.И. Евдокимова, огромный обоз, собранный под Бердыкелем для обмана неприятеля, 15 января в 10 часов вечера начал переправляться на левый берег Аргуна и затем направился в кр. Воздвиженскую. Движение обоза к Аргунскому ущелью прикрывал особый отряд, состоявший из 4-го батальона Тенгинского пехотного полка, 1-го батальона Белостокского пехотного полка, 1-го батальона Виленского пехотного полка, 2 сотен Донского № 66-го казачьего полка и 4 орудий 18-й артиллерийской бригады.

Общая численность войсковых колонн Чеченского отряда, участвовавших в штурме Аргунского ущелья, составляла 14 202 чел. (пехота – 11 502 чел., кавалерия – 2 700 чел.), при 30 артиллерийских орудиях [4].

Ген.-л. Н.И. Евдокимов 16 января, задолго до рассвета, прибыл в закрытом экипаже в кр. Воздвиженскую и при выдвижении войск в Аргунское ущелье находился со штабом при правой колонне ген.-м. В.К. Мищенко.

По свидетельству Н.А. Волконского [2], ночь с 15 на 16 января 1858 г. выдалась тёмной и суровой. Подтаявший в дневное время снег ночью

оледенел, моросило, и порывы ветра обдавали войска мокрой пеленой густого тумана.

Ночное движение отрядов русских войск в условиях дискомфортной зимней погоды требовало от них высочайшего напряжения сил, стойкости и выносливости. Тяжелейшее испытание пришлось преодолеть левой колонне ген.-м. П.И. Кемферта. На протяжении почти 25 вёрст колонна продвигалась без дороги, по снежной целине, утопая по колено в снегу. Вспоминая о той морозной ночи, К. Дидимов [8] писал, что глубокий и твёрдый снег чрезвычайно затруднял движение пехоты, и потому впереди неё поставили кавалерию (лошади разбивали копытами ледяную корку, растапывали и проторяли дорогу).

Левая колонна ген.-м. П.И. Кемферта 16 января в 5 часов утра вышла к предмостной башне [5], сооружённой солдатами на правом берегу Аргуна напротив кр. Воздвиженской, и без остановки проследовала к входу в Аргунское ущелье. Вслед за колонной П.И. Кемферта, перед рассветом, на одну линию с кр. Воздвиженской прибыла колонна ген.-м. Л.П. Рудановского.

Сделав короткий привал, колонна ген.-м. Л.П. Рудановского тронулась к Аргунскому ущелью. По свидетельству К. Дидимова [8], только оказавшись рядом с предмостной башней, в резервной колонне узнали цель ночного марш-броска, и увидели, что по левому берегу Аргуна, по направлению к Аргунскому ущелью, движется правая колонна ген.-м. В.К. Мищенко. По Н.А. Волконскому [2], в правой колонне также вначале не знали о том, что где-то поблизости от неё находятся другие войска. В то самое время, когда из кр. Воздвиженской к Аргунскому ущелью выступила правая колонна ген.-м. В.К. Мищенко, ведомая ген.-л. Н.И. Евдокимовым, к этой крепости подошла резервная колонна из Грозной. Часть прибывшего резерва последовала за колонной В.К. Мищенко.

Аробная дорога к Аргунскому ущелью была скользкой, но ровной и бесснежной. Несмотря на это, правая колонна двигалась довольно медленно, делая остановки. Ген.-л. Н.И. Евдокимов тревожно всматривался в правый берег Аргуна. Как выяснилось позднее, всё это происходило не случайно. Для успешного штурма Аргунского ущелья важно было согласовать движение обеих колонн с тем, чтобы они достигли входа в теснину одновременно. Начиная от казачьего поста, батальоны развернулись в цепи и двигались в боевом порядке, с орудиями в голове и на левом фланге отряда [2].

Тем временем, левая колонна ген.-м. П.И. Кемферта преодолевала огромный чинаровый лес, росший перед входом в Аргунское ущелье. Сюда же подтягивалась и колонна ген.-м. Л.П. Рудановского. Изнурённые ночным переходом по утопавшей в снегу равнине Большой Чечни и бессонницей, солдаты выбивались из сил, падали. Лошади спотыкались на каждом шагу. Однако продвигаться по лесу стало ещё труднее: во многих местах снег здесь лежал высотой по пояс [2; 8].

Когда авангард правой колонны в 9 часов утра подошёл к входу в Аргунское ущелье, «...раздались первые неприятельские сигнальные

выстрелы и вслед за тем завалы левого и правого берега Аргуна покрылись толпами горцев...» [5, с. 1066]. Сразу же завязалась жаркая перестрелка, сопровождавшаяся страшными гиками чеченцев. Левая колонна ген.-м. П.И. Кемферта в это время ещё не вышла из чинарового леса к самому проходу в Аргунское ущелье, а резервная колонна ген.-м. Л.П. Рудановского только втянулась в лес.

Что же представляло собой Аргунское ущелье? В рапорте ген.-л. Н.И. Евдокимова [5] и военной корреспонденции [7] приводится описание Аргунского ущелья. Оно образуется двумя крутыми, покрытыми дремучим лесом возвышенностями Чёрных гор. Между этими возвышенностями проложил себе русло Аргун, текущий в глубокой трещине протяжённостью почти в 2 вёрсты. Скалистые берега этой трещины представляют отвесные стены высотой 10–15 сажень. По левому берегу Аргуна в горы Чечни проходила единственная аробная дорога, которая в теснине тянулась по краю обрыва, под пушечным выстрелом с правого берега реки. В самом узком месте Аргунского ущелья аробную дорогу пересекал глубокий овраг. В виду тёмного слуха, ходившего между горцами с осени 1857 г. о намерении русских овладеть Аргунским ущельем, имам Шамиль значительно усилил оборону этой малодоступной природной местности искусственными преградами.

Понимая стратегическую значимость Аргунского ущелья, имам Шамиль построил в ущелье фортификационные сооружения. На правой стороне Аргуна, параллельно левобережной аробной дороге, вдоль всего берегового обрыва был оборудован завал, из-за которого горцы могли беспрепятственно обстреливать аробную дорогу пушечным огнём. Перпендикулярно этому завалу, при выходе ущелья на плоскость Большой Чечни, был возведён второй завал, протянувшийся от вершины лесной горы до края правобережного обрыва. Подход ко второму завалу с плоскости Большой Чечни преграждал широкий и глубокий ров. На левой стороне Аргуна была уничтожена переправа через глубокий овраг, обеспечивавшая проезд по аробной дороге. На правом берегу этого оврага сооружены два завала. На крутых скатах массива Чехкар-Арц, один над другим, были созданы три ряда завалов из толстых брёвен, из-за которых можно было прицельно обстреливать аробную дорогу и место, где находилась переправа через глубокий овраг. По оценке ген.-л. Н.И. Евдокимова, имам Шамиль принял все меры, необходимые для самой отчаянной защиты Аргунского ущелья [5].

К. Дидимов [8] упоминает ещё о том, что самую узкую часть левого берега Аргунского ущелья пересекал громадный земляной вал, простиравшийся за глубоким оврагом от высокой и крутой горы почти до берегового обрыва. В вале имелся проход – узкий коридор шириной в 2 аршина ($\approx 1,5$ м). Оборонял этот вал многочисленный гарнизон, укрывшийся за земляными турами.

Благодаря действиям ген.-л. Н.И. Евдокимова, штурм Аргунского ущелья Чеченским отрядом облегчили важные тактические преимущества: внезапность наступления русских войск и ослабление горской обороны вследствие переброски имамом Шамилём из ущелья значительных военных сил под Автуры.

Начиная с момента боевого соприкосновения авангарда правой колонны ген.-м. В.К. Мищенко с засевшими за завалами горцами, события разворачивались следующим образом [2; 5]. Ген.-л. Н.И. Евдокимов лично осмотрел местность и позицию противника. Удостоверившись в том, что фронтальная атака завалов, размещённых на левом берегу Аргуна, даже при поддержке левой колонны ген.-м. П.И. Кемферта, приведёт к тяжёлым потерям, Н.И. Евдокимов сделал несколько распоряжений. На аробной дороге и справа от неё были поставлены 4 лёгких и 4 горных орудия для обстрела завалов, преграждавших вход в ущелье и защищавших с фланга правую гору, и для действия по верхним завалам, защищавшим эту гору с фронта. На поляне слева от дороги поставили 2 конных орудия из резерва, которые должны были действовать по завалам правого берега Аргуна, для облегчения взятия их левой колонной ген.-м. П.И. Кемферта. По левому берегу Аргуна сосредоточились 4 роты сводного линейного стрелкового батальона. Особая колонна из 200 охотников и 2 батальонов Куринского полка под начальством полк. О.Б. Рихтера направилась по крутым снежным склонам лесистых Чёрных гор в обход завалов неприятеля. Остальная пехота расположилась по флангам и сзади орудий.

До получения известий о результатах движения колонн ген.-м. П.И. Кемферта и полк. О.Б. Рихтера, Н.И. Евдокимов распорядился производить артиллерийский обстрел укреплённой позиции противника, длившийся 2 часа.

По сообщению К. Дидимова [8], обе колонны (надо полагать, колонны П.И. Кемферта и Л.П. Рудановского. – А.Г.) в 7 часов утра 16 января вступили в прежде почти недоступное Аргунское ущелье.

В 11 часов утра 16 января 1858 г. Н.И. Евдокимов увидел, что неприятель стал покидать завалы на правой стороне Аргуна, к которым приблизилась колонна ген.-м. П.И. Кемферта. Затем горцы начали поспешно оставлять завалы левого берега [5]. Однако отсутствие переправы через глубокий овраг не позволило осуществить преследование бегущего неприятеля.

Сухие строки рапорта ген.-л. Н.И. Евдокимова совсем не передают той напряжённой атмосферы, царившей во время штурма Аргунского ущелья. Красочное описание ее представлено в воспоминаниях Н.А. Волконского [2]. Когда колонна куринцев полк. О.Б. Рихтера выдвинулась на штурм правой горы¹ и завалов из толстых брёвен (главного оплота неприятельской позиции) подп. П.В. Тверитинов приказал вести огонь из единорога по правым завалам, через головы штурмовой колонны, поднимавшейся в гору.

По мере поднятия колонны полк. О.Б. Рихтера в гору, обстрел из единорога усилился до крайнего предела. Гранаты падали удачно, взрываясь

¹ Безымянная господствующая вершина, расположенная в восточной части горного массива Чехкар-Арц.

в тылу завала. Огонь горцев постепенно слабел и почти прекратился вовсе. Скрываясь от орудийного обстрела, горцы не заметили приближение штурмовой колонны. Когда единорог смолк, куринцы с громкими криками «Ура!», друг за другом взобрались на завал. Горцы моментально очистили всё его пространство.

В то время, когда колонна полк. О.Б. Рихтера занимала верхние завалы на левой стороне Аргуна, на правой стороне реки колонна ген.-м. П.И. Кемферта, угрожая обходом позиции горцев, атаковала их завалы. Вдобавок, завалы правого берега попали под перекрёстный огонь артиллерии левой колонны и конных орудий с левого берега. Всё это принудило горцев быстро отступить.

Таким образом, русские войска взяли завалы на обеих сторонах Аргуна. О том, какие невероятные лишения претерпели войска на марше, свидетельствовал факт, приведённый в рапорте Н.И. Евдокимова: колонна ген.-м. П.И. Кемферта затратила 7 часов на прохождение по глубокому снегу восьмивёрстного пути от предмостной башни вблизи кр. Воздвиженской до места выхода Аргуна из теснины.

Почти неприступное Аргунское ущелье, при штурме которого иной военачальник легко мог положить пол-армии, ген.-л. Н.И. Евдокимов занял 16 января с минимальной потерей (1 убитый нижний чин, 1 раненый офицер, 6 раненых рядовых, 2 лошади погибли и 2 лошади ранены) [5].

После занятия Аргунского ущелья, колонны Чеченского отряда стали лагерями в следующих местах. Правая колонна В.К. Мищенко и её резервы расположились на пространстве от Аргунских ворот до Чишкинского оврага (= р. Гойчу). Левая колонна П.И. Кемферта и резервная колонна Л.П. Рудановского – на поляне правого берега Шаро-Аргуна при его устье. Первый день пребывания в Аргунском ущелье осложнился для русских войск из-за погодных условий. Стоял трескучий мороз, и войска под открытым небом обогревались у костров, разведённых посреди глубокого снега [8].

Утром 17 января 1858 г. левая колонна ген.-м. П.И. Кемферта заняла без боя аул Дачу-Барзой, расположенный на возвышенности в междуречье Чанты- и Шаро-Аргуна, и укреплённый 2–3 башнями. Остальные войска занялись вырубкой просеки вдоль Аргунского ущелья и разработкой колёсной дороги. Ген.-л. Н.И. Евдокимов с частью кавалерии отправился на рекогносцировку ущелий Шаро-Аргуна (Чёрная река) и Чанты-Аргуна (Белая река), которые ниже Дачу-Барзоя соединялись и образовывали Аргун. При возвращении Н.И. Евдокимова в лагерь, на левом берегу Чанты-Аргуна появились конная партия неприятеля (до 500 чел.) и артиллерия. Тогда горская милиция, поддержанная 2 сотнями казаков Владикавказского полка, атаковала противника и заставила его отступить за Чишкинский овраг. Как вспоминал Н.А. Волконский, милиционеры с храбростью «...бросились в атаку и в несколько минут сбили горцев с позиции, вместе с их артиллерией, и прогнали их к аулу Чишки» [2, с. 405].

Вечером 17 января, несмотря на дневные ратные и трудовые дела, в отряде с размахом отпраздновали историческую для Левого фланга Кавказской линии военную победу. Солдаты собирались группами возле палаток и пылающих костров, весело распевали песни, плясали, шутили и острили. Варили в котелках неприятельскую кукурузу, которой отдавали предпочтение даже перед традиционной едой – борщом и кашей. В песнях, сложенных в честь взятия Аргунского ущелья и выученных солдатами, назывались подвиги генералов Н.И. Евдокимова и В.К. Мищенко, полк. О.Б. Рихтера и других командиров [2].

Расположение сил неприятеля после занятия Аргунского ущелья показано в рапорте ген.-л. Н.И. Евдокимова от 29.01.1858 г. [9]. Шатоевский наиб Батока со своими партиями находился в ущелье Чанты-Аргуна. В аул Улус-Керт, лежащий на правом берегу ущелья Шаро-Аргуна, по приказанию имама Шамиля 18 января 1858 г. явился его сын, наиб Кази-Магома, с 2 полевыми орудиями и партией тавлинцев (17 значков). К тавлинцам примкнули жители аулов Улус-Керт и Дутин. По Н.А. Волконскому [2], Кази-Магома занял также ближайшие к расположению Чеченского отряда аулы Чалги-Ирзау и Измаил-Юрт¹ в ущелье Шаро-Аргуна. Свою резиденцию он учредил в Измаил-Юрте.

Главная задача, поставленная ген.-л. Н.И. Евдокимовым перед Чеченским отрядом после овладения Аргунским ущельем, заключалась в создании укрепленного плацдарма в Чёрных горах, надёжно связанного колёсной дорогой с кр. Воздвиженской, для последующего наступления вглубь гор Чечни. Горцы поначалу не осознавали конечную цель действий Чеченского отряда в Аргунском ущелье, и полагали, что рано или поздно русские войска покинут ущелье. Ожидая отступления, горцы собирались использовать свою излюбленную тактику: стягивали свежие подкрепления, ежедневно обстреливали русские войска и готовились обрушить на них при отходе из ущелья всю мощь своего оружия.

Создание укрепленного плацдарма в Чёрных горах происходило следующим образом [2; 4; 8; 9; 11]. Пространство, на котором расположились русские войска, возводившие фортификационные объекты и разрабатывавшие пути сообщения, окружила густая цепь стрелков. Находясь под защитой стрелков, державших неприятеля вдали от лагерных стоянок и участков строительных работ, войска расчистили занятую территорию от леса и кустарника, обустроили лагерь, сделали засеки. Затем батальоны, вооружившись топорами, ломами, кирками и лопатами, преобразили ещё совсем недавно дикую местность.

¹ 1 значок соответствует сотне воинов. Дутин (в разных источниках Дутен, Дуютень, Дуютин, Дютин, Дуйтина) и Измаил-Юрт – ныне не существующие аулы, находившиеся на правом берегу Шаро-Аргуна между Улус-Кертом и Аргунским ущельем. Эти аулы показаны на десятивёрстной карте Кавказа, изданной в Тифлисе в 1847 г. [10]. Ныне не существующий аул Чалги-Ирзау находился на левом берегу Шаро-Аргуна.

К 29 января 1858 г. войска расчистили от леса узкий проход в левобережной части Аргунского ущелья и снесли все преграды, созданные здесь горцами. По обеим сторонам дороги, начиная от кр. Воздвиженской и до места выхода Аргунского ущелья на плоскость Малой Чечни, на дальность ружейного выстрела были вырублены лес и кустарник. Для безопасности сообщения между кр. Воздвиженской и Аргунским ущельем при его выходе на плоскость устроен Чахкиринский пост с казаками. От всех военных лагерей солдаты проложили спуски к рекам и сделали переправы через них. Для сообщения между лагерями правой колонны и резервной колонны через Аргун был переброшен пешеходный мост. На Чанты-Аргуне построили временный деревянный мост на козлах для движения повозок, и тет-де-пон (предмостное укрепление с оборонительной башней) на левом берегу реки. Из Аргунского ущелья к тет-де-пону проложили удобный спуск для проезда колёсного транспорта. На правом берегу Чанты-Аргуна началось возведение двух башен, а на возвышенности, где располагался аул Дачу-Барзой, было заложено сильное земляное укрепление, названное Аргунским. От временного деревянного моста к месту строительства укр. Аргунского разработан удобный подъём. В итоге вся дорога по левому берегу Аргунского ущелья и далее по направлению к строящемуся укр. Аргунскому стала приспособленной для провоза артиллерии и обозов. Масштабные фортификационные работы продолжались безостановочно вплоть до 5 февраля.

Тем временем имам Шамиль сосредоточил в Аргунском ущелье крупные силы. Многочисленные партии горцев маневрировали вне зоны выстрелов Чеченского отряда, и всячески пытались противодействовать войскам. Пешие партии неприятеля ежедневно перестреливались со сторожевыми цепями стрелков, и почти каждый день стреляли горские орудия. Больше всего горцы тревожили лагерь передовой колонны ген.-м. П.И. Кемферта. Два раза (31 января и 1 февраля) Кази-Магома подвозил орудия к лагерям генерал-майоров П.И. Кемферта и Л.П. Рудановского, пытаясь их атаковать. Однако цепь стрелков, открывшая огонь штуцерными ружьями, предотвратила вражеское нападение.

Желая избавиться от угрозы нападений на военные лагеря Чеченского отряда, ген.-л. Н.И. Евдокимов, начиная с 3 февраля, стал посылать колонны в соседние немирные аулы, в которых обосновались партии имама Шамиля. Ближайшим к авангардному лагерю ген.-м. П.И. Кемферта был неприятельский аул Чалги-Ирзау, служивший местом сбора горских партий перед нападениями на войска. Поэтому Н.И. Евдокимов направился в Чалги-Ирзау с колонной под начальством полк. И.М. Старицкого, состоявшей из 2 батальонов пехоты и 4 сотен моздокских и владикавказских казаков, при 6 орудиях. Аул, поспешно оставленный противником, был занят войсками и уничтожен¹.

¹ Уничтожение аулов, особенно взятых с боя, диктовалось следующими причинами. Во-первых, при оставлении в целости жилищ в аулах, их тотчас, после отвода войск, заняли бы горцы, которым в зимнее время негде было жить. Во-вторых, наносился экономический ущерб немирному населению, а воины из разорённых аулов вынуждены были думать не о сражениях, а о расселении и обеспечении своих семейств.

Во время движения к Чалги-Ирзау командующий войсками Левого фланга Кавказской линии ген.-л. Н.И. Евдокимов осмотрел местность и расположение неприятельских позиций, и убедился в том, что имам Шамиль сосредоточил главные силы в аулах Измаил-Юрт, Улус-Керт и Дутин. Для обеспечения безопасности Чеченского отряда и успешного ведения строительных работ следовало вытеснить неприятеля из правобережных шаро-аргунских аулов.

Общее наступление против немирных аулов на Шаро-Аргуне ген.-л. Н.И. Евдокимов открыл 5 февраля. Оставив правую колонну ген.-м. В.К. Мищенко на строительных работах, Н.И. Евдокимов направил колонны Л.П. Рудановского и П.И. Кемферта к аулам Измаил-Юрт и Дутин. Резервная колонна Л.П. Рудановского на марше срыла огромный земляной завал и, преодолев 2 версты по узкой тропе, оказалась на широкой равнине, покрытой глубоким снегом. Находившийся на этой равнине аул Измаил-Юрт был взят с боя и уничтожен.

Одновременно левая колонна ген.-м. П.И. Кемферта, выступившая из Дачу-Барзоя под командованием ген.-л. Н.И. Евдокимова, переправилась через Шаро-Аргун и атаковала аул Дутин. Его жители не покинули свои жилища, полагаясь на защиту стоявшей в ауле огромной горской партии. Когда же после взятия Измаил-Юрта дутинцы оценили ситуацию, то бросились не защищать свой аул, а спасать личное имущество. Под прикрытием огня артиллерийской батареи, поставленной на левом берегу Шаро-Аргуна ген.-м. П.Н. Загорянским, кавалерия полк. М.А. Кундухова (казаки и горская милиция, ведомые майором Д.А. Гендриковым) и батальоны Навагинского пехотного полка во главе с полк. И.М. Старицким форсировали реку и выбили противника из Дутина.

Колонна ген.-м. Л.П. Рудановского, после жаркой перестрелки, взшла на скалистый хребет Шимберд, защищаемый многочисленными партиями горцев. Авангард колонны П.И. Кемферта, возглавляемый полк. И.М. Старицким, преодолел глубокий овраг и реку, и с боя занял крупнейший шаро-аргунский аул Улус-Керт. Рассеяв неприятеля по лесам, Н.И. Евдокимов расположил в Улус-Керте 2 батальона пехоты с 2 горными орудиями, а в Дутине – колонну Л.П. Рудановского, а остальные войска вернул на исходную позицию.

Пока войска ген.-л. Н.И. Евдокимова вели боевые действия в ущелье Шаро-Аргуна, оставленные в лагерях солдаты выполняли сапёрные и инженерные работы. Несмотря на трескучие зимние морозы, в Аргунском ущелье постепенно возникла хозяйственная деятельность. К. Дидимов [8] писал, что тысячи арб мирных чеченцев двигались в Аргунское ущелье за срубленным лесом; жители кр. Воздвиженской спешили сюда и за лесом, и для сбыта продуктов и всего потребного для отряда. В ущелье появились лавки, различные харчевни, пирожницы, сбитенчики, прянишники и прочие мелочные торгаши. Грозное ущелье, в кратчайший срок, приняло живой и веселый вид большого рынка с движением толп торгующего и покупающего народа, вереницами

торговых обозов. Посмотреть на некогда страшное и дикое Аргунское ущелье из Воздвиженской и Грозной приезжали даже светские дамы.

После того как ген.-л. Н.И. Евдокимов обезопасил лагерь Чеченского отряда и места проведения строительных работ, создание укрепленного плацдарма продолжилось с новой энергией. В рапорте Н.И. Евдокимова от 27.02.1858 г. сообщалось о строительстве укрепления при ауле Дачу-Барзой, вырубке леса на правом берегу Шаро-Аргуна, работах на просеках левого и правого берега Чанты-Аргуна и прокладке дорог. По мнению командующего, строительные работы в Аргунском ущелье пришли в такое положение, которое в скором времени позволит большей части войск приступить к военным действиям [12].

В то же время колонна ген.-м. Л.П. Рудановского, переданная под начальство командира Виленского пехотного полка полк. З.Н. Алтухова, разоряла жилища Дутина и Улус-Керта. Защитники этих аулов вынуждены были переместиться в ущелье р. Басс, где расселились по хуторам [12]. Когда 10 февраля разорение Дутина и Улус-Керта завершилось, Н.И. Евдокимов приказал полк. З.Н. Алтухову с 4 батальонами пехоты, сотней казаков и 2 горными орудиями перейти на позицию у Измаил-Юрта для прикрытия работ, производившихся на правом берегу Шаро-Аргуна. Батальоны Тенгинского пехотного полка должны были вернуться в лагерь на правом берегу Аргуна, чтобы увеличить число рабочих рук на строительных работах. Неприятель, усилившийся партиями 4 набов, прибывшими из отдаленных горных обществ, вознамерился атаковать русские войска при их обратном движении к Аргунскому ущелью.

Многочисленные партии неприятеля отчаянно нападали на русские войска, хладнокровно отбивавшие все атаки. Несколько раз горцы неистово бросались в шашки, вели сильнейший ружейный огонь со склонов лесистых гор, однако так и не достигли желаемого результата [8]. Представляется, что именно под Измаил-Юртом наступил своего рода кульминационный момент, моральный перелом в сознании неприятеля: горцы окончательно убедились в том, что отступление русских войск из Аргунского ущелья на сей раз не состоится.

На занятой русскими войсками территории располагались обширные пахотные угодья чеченцев, ожидавших начала посевных работ. Желая хоть как-то заставить русские войска уйти, чеченцы, особенно по ночам, беспокоили лагерь полк. З.Н. Алтухова: делали ружейные залпы, гикали и ругались. Не имея сил принудить русские войска к отступлению «...и, зная, что у нас в то время был великий пост, по временам, каким-то голосом отчаяния, кричали к нам: Иван! Иван! Ступай скорее домой... Твоя Мулла кричит» [8, с. 99].

До конца февраля Чеченский отряд находился в базовых лагерях, без особых тревог со стороны неприятеля [2]. В это время произошла кардинальная перемена погоды: вместо морозов и огромных сугробов, из-за которых едва выглядывали верхи палаток, пришла грязь по колено, и образовались гигантские лужи, по которым впору было плавать хоть на лодках.

Сделав на пространстве от входа в ущелье Шаро-Аргуна до аула Дутин удобные пути сообщения и распустив по окрестностям большую часть кавалерии, ген.-л. Н.И. Евдокимов 28 февраля 1858 г. двинулся с Чеченским отрядом вверх по ущелью через аул Улус-Керт в горы. Н.А. Волконский [2] вспоминал, что в третьем часу пополудни войска в лагерях были подняты по тревоге. Отряд, ведомый самим командующим, состоял из 13 ¹/₂ батальонов пехоты Навагинского, Тенгинского, Виленского, Белостокского, Куринского и Апшеронского полков, сводно-линейного стрелкового батальона, 2 рот 20-го стрелкового батальона, роты Кавказского сапёрного 2-го батальона, 3 сотен 1-го и 2-го Сунженских линейных казачьих полков и горской (Назрановской, Чеченской и Кабардинской) милиции, при 10 горных орудиях. Остальные войска Чеченского отряда (5 батальонов пехоты, 2 сотни казаков, вся батарейная и лёгкая артиллерия) под начальством командира Навагинского пехотного полка полк. М.П. фон-Кауфмана были оставлены в военных лагерях для достройки укр. Аргунского и двух мостов через Чанты- и Шаро-Аргун [13].

Отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова выступил в поход по правому берегу Шаро-Аргуна на рассвете. В авангарде двигалась колонна ген.-м. П.И. Кемферта, а в 2 верстах сзади следовала колонна под начальством ген.-м. В.К. Мищенко, с вьючным обозом (с запасом провианта на 10 дней). Как вспоминал К. Дидимов, пройдя разорённый аул Улус-Керт, «...мы шли вперед, сами не зная, куда; мы недоумевали о пути нашего следования...» [8, с. 100]. Войска двигались кпереди лежавшему высокому хребту Даргендук, покрытому дремучим лесом и утопавшему в глубоком снегу. Когда главная колонна ген.-м. В.К. Мищенко, под выстрелами чеченцев, только спустилась с кручи в Гимеринский гинд¹, передовая колонна ген.-м. П.И. Кемферта уже подходила к подошве Даргендука.

Вместе с Чеченским отрядом все тяжести опасного и длинного перехода по труднодоступным и недостижимым прежде горам разделил ген.-л. Н.И. Евдокимов, выходец из простого народа, по происхождению полукрестьянин и полуказак. Будучи уже в немолодом, 54-летнем возрасте, израненный русский генерал со своими солдатами поднимался к заоблачной вершине Даргендука².

Тяжелейшее двадцатичасовое движение Чеченского отряда к заоблачным высотам Даргендука, по труднопроходимым снегам лесных трущоб, в которые не проникал луч света, описал также Н.А. Волконский [2], который с взводом горных орудий находился в хвосте главных сил ген.-м. В.К. Мищенко.

¹ По Г.Н. Казбеку [4], в Шаро-Аргун с правой стороны впадают два притока: Гамарин и Вашиндара. Гамарин (= Гимеринский гинд, Гамаринский овраг, по-чеченски Гамаран-Иин) протекает вдоль самой подошвы Даргендука, а Вашиндара (= Вашиндур, Ваштар, на современных картах Абазулгол) – у аула Улус-Керт.

² Заметим, что к этому времени Н.И. Евдокимов имел пулевое ранение, полученное в 1831 г. в левую сторону лица навывлет с повреждением скуловой кости, ещё одно ранение пулей в лицо, полученное в 1837 г., и две кинжальные раны, нанесённые ему в 1842 г. в левый бок и правое плечо [14; 15].

Весьма опасный и длинный безостановочный марш-бросок (протяжённостью около 30 вёрст) отряд совершил скрытно и быстро для того, чтобы имам Шамиль не успел вовремя собрать большие силы на пути движения отряда.

Почти бескровно овладев Даргендуком¹, ген.-л. Н.И. Евдокимов, не давая отряду отдыха, ранним утром 1 марта продолжил претворение своего замысла. Началась рубка векового чинарового леса на склонах Даргендука с целью устройства широкой просеки и колёсной дороги для круглогодичного движения войск, артиллерии и транспорта к Аргунскому ущелью и кр. Воздвиженской.

Безопасная для движения русских войск просека (шириной 300–500 саженей) была в основном готова к 21 марта. От Гамаринского оврага до вершины Даргендука солдаты проложили 9¹/₂ вёрст дороги, удобной для проезда полевой артиллерии. Оставалось расчистить от срубленного леса и взорванных порохом пней небольшую часть даргендукской просеки [13].

В виду приближения Святой Пасхи², в Чеченский отряд на Даргендук было завезено всё необходимое для встречи великого праздника. Пасхальные торжества состоялись в большой, расчищенной от леса котловине, лежащей почти на середине хребта. Радостное пасхальное пиршество длилось 3 дня. После невероятных трудов, ген.-л. Н.И. Евдокимов дал войскам отдых: повсюду были пляски, игры, слышались песни, а барабаны и бубны не смолкали ни днём, ни ночью. На четвёртый день праздника начались строительные будни.

«Журнал военных действий...» от 02.04.1858 г., представленный ген.-л. Н.И. Евдокимовым, содержит сведения о строительных работах Чеченского отряда [16]. К 29 марта войска сожгли или сбросили в крутые балки весь срубленный лес, мешавший движению по просеке к вершине Даргендука. Закончилась прокладка удобной дороги от Улус-Керта через ущелья рек Гамарин и Вашиндара к вершине Даргендука. Войска ген.-м. П.И. Кемферта сооружали постоянный мост на Чанты-Аргуне и завершали постройку укр. Аргунского.

Поскольку дорожно-строительные работы, проводившиеся в ущелье Шаро-Аргуна, подошли к концу, ген.-л. Н.И. Евдокимов решил обезопасить тылы Чеченского отряда перед запланированным в апреле движением в Малую Чечню. Колонна полк. А.А. Баженова, посланная в набег 29 марта, заняла крепкую неприятельскую позицию близ аула Зазерган в верховье ущелья Вашиндара. По приказу Н.И. Евдокимова, 30 марта войска, стоявшие в лагерях на Даргендуке и рядом с бывшими аулами Улус-Керт и Дутин, перешли на Чанты-Аргун.

В последний день марта колонна полк. З.Н. Алтухова из 4 батальонов Виленского, Навагинского и Тенгинского пехотных полков, 2 рот стрелкового

¹ За период с 28 февраля по 21 марта 1858 г. Чеченский отряд имел следующие потери: 2 убитых и 11 раненых нижних чинов, 1 раненый милиционер, 9 убитых и 7 раненых лошадей [13].

² Православная Христова Пасха в 1858 г. приходилась на 23 марта по ст. ст., или на 4 апреля по н. с.

батальона и 2 сотен Моздокского казачьего полка при 4 горных орудиях, во главе с ген.-л. Евдокимовым, выступила на рекогносцировку вверх по Чанты-Аргуну. В ходе набега был занят без боя и разорён немирный аул Чишки. На этом тяжёлая и изнурительная зимняя кампания 1858 г. успешно завершилась.

Знаменитое Аргунское ущелье покорилось русскому оружию. Титаническим трудом солдат в Чёрных горах был создан укреплённый плацдарм, возведены укрепления, дороги, пологие съезды и подъёмы, переправы и мосты. По удобной колёсной дороге открылся проезд от кр. Воздвиженской до самой вершины Даргендука. Ген.-л. Н.И. Евдокимов переключил внимание имама Шамиля от Аргунского ущелья на Даргендук и веденское направление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потто, В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. VIII / В. А. Потто. – С.-Петербург, 1895. – 172 с. – Текст : непосредственный.
2. Волконский, Н. А. 1858 год в Чечне / Н. А. Волконский. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – 1879. – Т. III. – С. 377–591.
3. Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 1. Введение. Большая и Малая Чечня, Аух (1856–1857 гг.) / А. А. Головлёв, С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 31–49.
4. Казбек, Г. Н. Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834–1861 г. : очерк истории 79-го пехотного Куринского Его Императорского Высочества Великого князя Павла Александровича полка / Г. Н. Казбек. – Тифлис, 1885. – 535 с. – Текст : непосредственный.
5. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 18-го января 1858 года, № 99. Лагерь в Аргунском ущелье. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1065–1067.
6. Ольшевский, М. Я. Кавказ и покорение восточной его части. Князь А. И. Барятинский (1856–1861) / М. Я. Ольшевский. – Текст : непосредственный // Русская старина. – Т. 27. – № 2. – СПб., 1880. – С. 289–318.
7. Из Чечни. – Текст : непосредственный // Кавказ. – 1858. – № 11 (6 февраля). – С. 55–56.
8. Дидимов, К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15 января по 18 апреля 1858 года / К. Дидимов. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1859. – Т. VIII. – Отд. II. – С. 89–112.
9. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 29-го января 1858 года, № 107. Лагерь в Аргунском ущелье. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1067–1068.

10. Крачковский, И. Ю. Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии / И. Ю. Крачковский, А. Н. Генко. – Текст : непосредственный // Советское востоковедение. – 1945. – Т. III. – С. 36–58.

11. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 6-го февраля 1858 года, № 126. Лагерь в Аргунском ущелье. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1068–1069.

12. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 27-го февраля 1858 года, № 170. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1072–1073.

13. Журнал военных действий Чеченского отряда с 28-го февраля по 21-е марта 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Н.И. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 21-го марта 1858 года, № 210. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1073–1075.

14. Биографический очерк генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Н. И. Евдокимова. – Текст : непосредственный // Кавказский календарь на 1878 год, изданный Главным управлением Наместника Кавказского. – Отд. II. – Ч. 1. – Тифлис, 1877. – С. I–VI.

15. Гизетти, А. Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Составлено по архивным документам : в 2 ч. Ч. I: Кавказские кавалеры императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия всех четырех степеней / А. Л. Гизетти. – Тифлис, 1901. – 287 с. – Текст : непосредственный.

16. Журнал военных действий и занятий Чеченского отряда с 21-е марта по 2-е апреля 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Н.И. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 2-го апреля 1858 года, № 223. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1075–1076.

REFERENCES

1. Potto V. A. *Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha polka* [The History of the 44th Dragoon Nizhny Novgorod Regiment of His Imperial Highness Sovereign Heir to the Tsarevich]. SPb., 1895, vol. VIII. 172 p.

2. Volkonskiy N. A. 1858 in Chechnya. *Kavkazskiy sbornik = Caucasian Collection*, 1879, vol. III, pp. 377–591. (In Russian).

3. Golovlev A. A., Dudarev S. L. General Nikolai Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 1. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2020, No. 4, pp. 31–49. (In Russian).
4. Kazbek G. N. Kurinty v Chechne i Dagestane. 1834–1861 g. Ocherk istorii 79-go pekhotnogo Kurinskogo Ego Imperatorskogo Vyschestva Velikogo knyazya Pavla Aleksandrovicha polka [Kurinty in Chechnya and Dagestan. 1834–1861. Essay on the History of the 79th Kurinty Infantry Regiment of His Imperial Highness Grand Duke Pavel Alexandrovich]. Tiflis, 1885. 535 p.
5. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 99. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1065–1067. (In Russian).
6. The Caucasus and the conquest of its eastern part. From the notes of M. Ya. Olshevsky. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1880, vol. XXVII, No. 2 (February), pp. 289–318. (In Russian).
7. From Chechnya. *Kavkaz = The Caucasus*, 1858, No. 11, pp. 55–56. (In Russian).
8. Didimov K. Expedition to the Argun Gorge from January 15 to April 18, 1858. *Voyenny sbornik = Military Collection*, 1859, vol. VII, sect. II, pp. 89–112. (In Russian).
9. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 107. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1067–1068. (In Russian).
10. Krachkovskiy I. Yu., Genko A. N. Shamil's Arabic letters in North Ossetia. *Sovetskoye vostokovedeniye = Soviet Oriental Studies*, 1945, vol. III, pp. 36–58. (In Russian).
11. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 126. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1068–1069. (In Russian).
12. Raport komanduyushchego voyskami Levogo Kryla Kavkazskoy Linii. gen.-l. Evdokimova voyennomu ministru, gen.-adyut. Sukhozanetu, ot 27-go fevralya 1858 goda, No. 170 [Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 170] // *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1072–1073. (In Russian).
13. The journal of military operations of the Chechen detachment from February 28 to March 21, 1858, No. 210. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1073–1075. (In Russian).
14. Biographical sketch of the Adjutant General, General of Infantry, Count N.I. Evdokimov. *Kavkazskiy kalendar na 1878 god = Caucasian Calendar for 1878*, Tiflis, 1877, part II, sect. 1, pp. I–VI. (In Russian).
15. Gizetti A. L. *Sbornik svedeniy o georgiyevskikh kavalerakh i boyevykh znakakh otlichiy Kavkazskikh voysk. Chast 1. Kavkazskiy kavalery imperatorskogo voyennogo ordena Svyatogo Velikomuchenika i Pobedonostsa Georgiya vsekh chetyrekh stepeney* [Collection of information about the Knights of St. George and military insignia of the Caucasian troops. Part 1. Caucasian Knights of the Imperial Military Order of the Holy Great Martyr and Victorious George of all four degrees]. Tiflis, 1901, 287 p.

16. The Journal of military operations and activities of the Chechen detachment from March 21 to April 2, 1858, No. 223. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1075-1076. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 2. Взятие Аргунского ущелья (зимняя экспедиция 1858 г.) / А. А. Головлёв // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 43–62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovlyov A. A. General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 2. Conquering the Argun Gorge (Winter Expedition of 1858) / A. A. Golovlyov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 43–62. (In Russian).

УДК 947.06/08 (470.6)

УСЛОВИЯ И ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ

Е.А. Гурова, О.Г. Каранкова

CONDITIONS AND BASES OF INTERCULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX CENTURY

E.A. Gurova, O.G. Karapkova

Аннотация. Статья раскрывает способы и особенности взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа в XIX веке. Россия предлагала или навязывала такие условия и формы социокультурных отношений, которые вынуждали все прежние устои жизни постепенно корректироваться. Насыщаемость прежнего обитаемого пространства Кавказа инокультурными феноменами постоянно возрастала и вынуждала автохтонов к определенной реакции. Сотрудничество и соотечество за пределами этнической локальности с трудом проникали в менталитет и картину мира горских народов. Но там, где этого достигали, происходил прорыв архаических обыкновений, и люди поднимались на новые ступени цивилизации, значительно расширяли свое жизненное пространство, открывали для себя социокультурные горизонты, которых никогда ранее не предполагали увидеть, пребывая в самодостаточности незыблемого и неизбывного архаизма.

Abstract. The article reveals the methods and features of the interaction of the Russian Empire with the peoples of the North Caucasus in the XIX century. Russia proposed or imposed such conditions and forms of sociocultural relations that forced all previous foundations of life to gradually adjust. The saturation of the former inhabited space of the Caucasus with foreign cultural phenomena constantly increased and forced autochthons to a certain reaction. Cooperation and homeland beyond ethnic locality hardly penetrated the mentality and worldview of mountain peoples. But where this was achieved, a breakthrough of archaic customs took place, and people ascended to new stages of civilization, significantly expanded their living space, discovered sociocultural horizons that they had never expected to see before, being in the self-sufficiency of unshakable and inescapable archaism.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, взаимодействие, устои жизни, новации, этническая локальность, архаика, адаптация имперское сообщество.

Keywords: Russian Empire, the Caucasus, interaction, foundations of life, innovations, ethnic locality, archaic character, adaptation, imperial community.

Российская империя в рамках своей социокультурной динамики (за редким исключением) никогда не стремилась развиваться в жестко непримиримой и имманентно конфликтной версии в отношении к перифериям и народам, находящимся за её пределами или народами, переживавшими этап адаптации к имперскому сообществу. Приближаясь к Кавказу и проникая на Кавказ, помимо всех видов и всякого набора действий, Россия могла оказывать помощь тем, кто нуждался в её покровительстве. Со временем такие социальные

группы или индивиды становились соотечественниками [13, с. 199; 9; 10]. Более того, Россией проводилось расширение имперского государственного поля, «функционирующего на основе интеграционного принципа» [13, с. 199], а не на принципах апартеида или ксенофобии. Имперский универсализм был не только идеей или принципом, но повседневной практикой, постоянно укреплял свои позиции.

Об этом можно, например, судить по процессам, связанным с постепенным падением интереса в местной кавказской среде к проповеди конкурировавших с имперской идеей в крае идеям панисламизма или пантюркизма. Хотя они никогда окончательно не исчезали из социокультурного или политического пространства Кавказа, но «влияние сопредельного мусульманского Востока» как носителя и мотора их, проявлялась в ослабевающей тенденции [12, с. 116]. Их место заполнялось имперскими сущностями, приспособленными в той или иной мере к местным устоям, по крайней мере, они бесцеремонно не ломали существовавшего ранее, предлагая обновленческую перспективу за пределами привычного мира.

Часто сама реализация имперского способа существования в кавказских условиях демонстрировала большую эффективность, которую прочувствовать и испытать никому не возбранялось. Более того, часть представителей горских сообществ – элита или изгой – в силу разных обстоятельств, вставших на путь восприятия имперских новаций, служили наглядным доказательством позитивности происходивших трансформаций, выступали агитаторами в пользу империи.

Здесь важно отметить такую тенденцию, подтверждающую растущую приемлемость имперского проекта для Кавказа, когда одна из наиболее консервативных и настороженных к предлагавшемуся Россией социальная группа – мусульманское духовенство – все более дистанцировалась от традиционной подчиненности и вовлеченности в систему всемирности исламизма, актуализируя для себя все более устойчивые признаки имперской российской идентичности [12, с. 116].

Постепенно, по мере укрепления своих позиций в том или ином регионе, империя прибегала к разнообразным механизмам инкультурации, т. е. включала процесс приобщения новоприобретаемых этносоциальных пространств к доминирующей в империи системе культурных ценностей, смыслам и образу жизни. Для облегчения развертывания данного процесса весьма часто прибегали к разного рода интерпретациям, когда доминантные культурные сущности подавались в формах и на языке, понятных и приемлемых реципиентам. К данному инструментарию прибегали не столько и не столько из-за сложности донорской культуры, но прежде всего, из-за резистентных свойств и исторического сценария культур-реципиентов. Приходилось совмещать правовые нормы локальных структур с правовыми нормами империи, разворачивать их функционирование и развитие таким образом, чтобы прежние санкционирование должного и обязательного не вступало в противоречие с имперскими

новациями. В этом случае требовалось терпение, осторожность, знания и опыт [6; 11; 14].

На первоначальных этапах межкультурного взаимодействия с перифериями империя могла использовать устоявшиеся традиции местных этносов в своих интересах. Так, на Кавказе российские военные власти, столкнувшись со склонностью местных сообществ к милитарным формам взаимодействия с внешним миром, в которых человеческое и личностное достоинство определялось воинской славой, стали формировать кавказские милицейские контингенты в качестве вспомогательных сил, согласных не только на взаимодействие с империей, но служить её интересам на определенных условиях. Каждодневно разделяя, военный быт и службу царю вместе с коренными представителями Российской империи, горские милиции постепенно привыкали видеть в русских своих сослуживцев, а их культурные особенности переставали быть раздражающим фактором для уроженцев Кавказских гор. Более того, постепенно происходила взаимная аккультурация, участники которой охотно перенимали друг у друга наиболее эффективные способы и формы военной и гражданской жизни. Так косвенным образом те или иные образчики имперского происхождения проникали в жизнь этнических культурных локаций, предопределяя возможность их мирного сосуществования.

Часть представителей горской элиты направлялась в столичные центры России для несения службы в горских эскадронах и обучения в кадетских корпусах. Пребывая в данных условиях достаточно продолжительное время, они воспринимали имперский образ жизни, утверждались в своей новой высокой статусности, которая не только подтверждалась имперскими властями, но и находила свою реализацию в имперском пространстве, обширность которого значительно расширяла возможности как социального престижа, так и удовлетворенности личностных притязаний.

В силу понимания того обстоятельства, что культурные фундаменты закладываются воспитанием и обучением, имперские власти активно задействовали потенциал имперской образовательной системы, распространяя действие своих учебных округов на пространства имперских периферий. Создавая систему просветительных и культурных учреждений в ареале присоединяемых территорий, имперские власти и соответствующие организационные структуры производили отбор и вовлечение местных элит в систему русско-европейской цивилизации, давая возможность познакомиться и узнать не только с достоинствами жизни России, но и Европы, бывшей в XIX веке лидером глобального успеха и прогресса.

Люди, прошедшие такой путь, переживали значительную интеллектуальную перенастройку и уже безоговорочно не соглашались с постулатами своих прежних социокультурных парадигм. Они становились добровольными и активными ретрансляторами имперской культуры и образа жизни в пространства своего этнического происхождения, желая ему выхода на широкий простор прогресса и освобождения от оков архаики.

Другим способом усилить влияние имперской социокультурной парадигмы на локальные сообщества присоединяемых периферий был иницилируемый империей приток новопоселенцев [2; 4; 5; 8; 9, с. 187–231; 10, с. 190–227]. Переселенцы нужны были для того, чтобы изменить соотношение акторов социального поля в пользу тех, кто связывал своё будущее с империей и одновременно расширить социальную базу своего присутствия в том или ином регионе. Прежде всего Российской империи на окраинных фронтах требовался славяно-русский элемент или, на худой конец, элемент европейский и христианский, особенно для пространств с преобладанием культуры исламского или иного восточноазиатского генеза.

Насыщая тот или иной периферийный регион лояльными людьми, являвшимися носителями имперской или сходной культуры, российские власти изменяли демографическую ситуацию таким образом, что поле имперского пространства расширялось и уплотнялось настолько, что автохтоны не могли укрываться в своей локальности и вынуждались к каждодневному взаимодействию с теми или иными формами имперского быта.

В условиях, когда пространство социального и географического существования наполнялось новой для регионов хозяйственной, административной, архитектурной и иной атрибутикой, новыми по форме антропоморфными преобразованиями окружающей среды, прежняя система социокультурного бытия постепенно ослабевала и теряла свою функциональную действенность [3]. По крайней мере, все прежние способы жизни подвергались коррекции из-за установившихся новых условий и обстоятельств. Постепенно корректировались даже глубинные основания локальных обыкновений [7].

Насыщаемость прежнего обитаемого пространства периферий инокультурными феноменами постоянно возрастала и вынуждала автохтонов к соучастию, которое делалось возможным для них только после обновления привычных способов взаимодействия с социальным окружением. Горским сообществам Кавказа приходилось подавлять привычку видеть во всяком ином врага или добычу. Сотрудничество и соотечество за пределами этнической локальности с трудом проникали в менталитет и картину мира горских народов. Но там, где этого достигали, происходил прорыв архаических твердынь, и люди поднимались на новые ступени цивилизации, значительно расширяли свое жизненное пространство, открывали для себя социокультурные горизонты, которых никогда ранее не предполагали видеть и знать, пребывая в самодостаточности незыблемого и неизбывного архаизма.

Вторжение инокультурности и создание ею прочных основ своего существования, потрясали незыблемость локальности периферий и доказывали невозможность обращения событий вспять. После жестокой борьбы с внешними силами (в данном случае Российской империей), невозможность их вытеснения за пределы привычного мира стала объективной реальностью и потребовала саморефлексии. Следствием в большинстве случаев стали рационализм и здравый смысл, а новые возможности имперской глобальности

только укрепляли тенденции самообновленчества, постепенно насыщавших явно или латентно структуры этнической локальности имперских периферий, направив генеральное социокультурное развитие к сосуществованию и соучастию, постепенно (иногда через поколения) к соотечеству в рамках империи.

Наибольших успехов имперские власти в своей социокультурной деятельности добивались там, где процессы межкультурного взаимодействия приобретали форму эмпатии, т. е. подразумевали использование системы «выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на этико-эстетическую рационализацию мира и бытия человека в мире – на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего, эстетически выдержанного сознания и поведения» [1, с. 95].

Важной точкой отсчета продвижения имперской культуры и имперского образа жизни в инокультурное поле локальной социокультурности становился момент перехода от использования преимущественно силовых инструментов и любых других форм жесткой модальности к диалоговым. Когда империя, понимая свою силу и опираясь на материальные основы своего присутствия в ареале той или иной локальной периферии, которой предлагалось сделаться неотъемлемой частью пространства империи, постепенно, не отказываясь от комплексности своих преобразовательных усилий, расширяла диалоговую сферу взаимодействия со своими перифериями. Это требовало усилий с двух сторон: локальный социум должен был пройти определенную дистанцию и подготовиться к восприятию имперских новаций, перейти от защитной непримиримости против имперской инокультурности, взламывающей его традиционное существование, найти приемлемые для себя способы восприятия и сосуществования с привносимыми извне феноменами; Россия также вынуждалась к переменам в межкультурном взаимодействии, она должна была так настроить своё отношение к периферийным сущностям, чтобы перестать видеть в контрагентах только объекты для преобразовательной деятельности, т. е. согласиться на определенную долю их субъектности, выделяя сферы и лиц, с которыми и в рамках которых собиралась вести диалог.

С другой стороны, нельзя утверждать, что российский опыт социокультурного освоения полиэтнического пространства имперских периферий проходил однозначно гладко уже в силу того, что в каждой культуре существует система защитных механизмов, которые предохраняют их от слишком интенсивного инокультурного воздействия. К таким защитным механизмам относятся исторический опыт, традиции, ценности. Никогда не удавалось свести воедино несовпадающие ценности различных культур, чтобы произошло окончательное и завершённое объединение народов и навсегда бы преодолевалась ситуация «столкновения цивилизаций». В ареале имперских периферий оставался непреодоленной преградой социокультурный фронт, разный по своим сущностям, масштабам и динамике.

Ядром всякой этнической культуры является определенный набор «правил игры» [15, с. 26], сложившихся в процессе исторического существования данной социальной общности. В силу того, что такие «правила игры» не наследуются генетически, а могут усваиваться в процессе социализации, империя могла надеяться на сокращение культурных дистанций в системе существовавших периферийных фронтиров по мере сближения коллективного сосуществования в рамках имперской парадигмы с периферийными этническими сообществами. Направляя их развитие по пути общей совместной деятельности, вовлекая в реализацию различных по форме имперских проектов, она могла концентрировать этническое внимание периферий не на остававшихся в наличии отличающихся культурных сущностях, а на формировании в общем для них пространстве задач и продуктов, становящихся достоянием и славой всех.

Ментальные и инструментальные особенности этнических локаций и их исторических практик в данном случае вплетались в социально-культурную структурность империи в качестве конкурентного преимущества каждой локации, выступающей составной частью общего единства, или хотя бы приближались к такому порядку вещей.

Появление и существование локальных культур невозможно предотвратить в силу объективных причин – географического полиморфизма, который в определенной жесткой степени задает параметры социокультурной локальности. Только насильственное переформатирование окружающего пространства на уровне экологической катастрофы или депортация этносов могли повлиять на структуру социокультурной локальности данной этнической группы. А так как Российская империя не ставила перед собой таких способов преодоления социокультурной локализации в своих пределах, то и сосуществование имперской культуры и образа жизни совместно с локальными этно-социальными формами в пределах фронтиров объективны.

В то же время существовавшие в имперском пространстве система ценностей, культура, законы и все иные цивилизационные основания определяли его интересы и характер. Доминирующий центр, его язык, религия и стиль жизни могут отличаться от всех иных локальностей, попадавших в сферу его влияния. Но, поскольку империи являются социокультурными сообществами составного характера, концентрирующимися вокруг имперского центра, то наличествующие особенности периферийных локаций не препятствуют формированию их единства, если преодолеваются разногласия по поводу общих ценностей, когда исходным ресурсом для достижения межкультурного консенсуса в рамках имперского пространства выступает наличие в системе культур этнических локаций и центра «позитивных общечеловеческих ценностей» [16, с. 267].

Живучесть и доминантный характер российской имперской культуры проявляется в том, что в центре её всегда стоит вопрос о власти. Сохраняя власть в своих руках, имперский центр посылает властные импульсы своим перифериям, формулирует для них соответствующие их возможностям цели.

Культурные достижения всех имперских периферийных локаций, в силу открытости имперской культуры навстречу к ним обогащаются общим для них имперским достоянием и постоянно получают импульсы к саморазвитию. Изоморфность социокультурного и политико-правового устройства империи придает гибкость её государственному устройству.

Особенность существующего положения состоит в том, что вне поля имперской культуры, имперской власти и имперского образа жизни, все периферийные общности, если они по той или иной причине начинают противостоять центру, утверждая приоритетность своей культурной традиционности, неизбежно скатываются в изоляционизм и теряют способность поступательного развития. Исторический опыт здесь беспощадный судья. Почти все осколки Российского имперского единства существуют в системе координат лимитрофов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бгажноков, Б. Х. Культура эмпатии / Б. Х. Бгажноков. – Текст : непосредственный // Толерантность и культурная традиция / под ред. М. Ю. Мартыновой. – М. : ИЭА РАН, 2002. – С. 95–108.
2. Гинс, Г. К. Переселение и колонизация. Выпуск 2 / Г. К. Гинс. – СПб., 1913. – 65 с. – Текст : непосредственный.
3. Гранкин, Ю. Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. / Ю. Ю. Гранкин. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2011. – 403 с. – Текст : непосредственный.
4. Долгушин, А. А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России / А. А. Долгушин. – Владикавказ, 1907. – 73 с. – Текст : непосредственный.
5. Кабузан, В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках : этностатистическое исследование / В. М. Кабузан. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. – 224 с. – Текст : непосредственный.
6. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с. – Текст : непосредственный.
7. Карпов, Ю. Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2011. – 448 с. – Текст : непосредственный.
8. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России / А. А. Кауфман. – М. : Либроком, 2012. – 440 с. – Текст : непосредственный.
9. Клычников, Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. – 494 с. – Текст : непосредственный.
10. Лазарян, С. С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. / С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГЛУ, 2014. – 398 с. – Текст : непосредственный.

11. Маремкулов, А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект / А. Н. Маремкулов. – Ростов н/Д. : Северо-Кавказская академия государственной службы, 2005. – 316 с. – Текст : непосредственный.

12. Матвеев, В. А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. (управленческие аспекты) / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Омега-Принт, 2010. – 336 с. – Текст : непосредственный.

13. Матвеев, В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Омега Паблишер, 2012. – 560 с. – Текст : непосредственный.

14. Мисроков, З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе / З. Х. Мисроков. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 256 с. – Текст : непосредственный.

15. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2004. – 288 с. – Текст : непосредственный.

16. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2011. – 352 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bgazhnokov B. Kh. The culture of empathy. *Tolerantnost' i kul'turnaya tradiciya = Tolerance and Cultural Tradition*, M., IEA RAS, 2002, pp. 95–108. (In Russian).

2. Gins G.K. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and Colonization]. SPb., 1913, Iss. 2, 65 p.

3. Grankin Yu.Yu. *Namestnichestvo i realizaciya strategii ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v 1844–1881 gg.* [Viceroyalty and Implementation of the Strategy of Economic Development of the North Caucasus in 1844–1881]. Pyatigorsk, Publishing House of PSLU, 2011. 403 p.

4. Dolgushin A.A. *O pereselenii v Terskuyu oblast' iz vnutrennih gubernij Rossii* [About the Resettlement to the Terek Region from the Inner Provinces of Russia]. Vladikavkaz, 1907. 73 p.

5. Kabuzan V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. Etno-statisticheskoe issledovanie* [The Population of the North Caucasus in the XIX–XX Centuries. The Ethnic and Statistic research]. SPb., Russian-Baltic Information Center "BLITS", 1996. 224 p.

6. *Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv.* [The Caucasus and the Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality. The Beginning of the XIX – Early XX Centuries]. SPb., Publishing House of Journal "Zvezda", 2005. 20 p.

7. Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. *Gortsy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ih social'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Gortsy after the Mountains. Migration Processes in Dagestan in the XX – Beginning of the XXI Century: Social and Ethno-Cultural Consequences and Prospects]. SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 448 p.

8. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizaciya. Gosudarstvennaya politika i krest'yan-skoje zemlevladienie v poreformennoj Rossii* [Resettlement and Colonization. State Policy and Peasant Land Ownership in Post-Reform Russia]. M., Librokom, 2012. 440 p.

9. Klychnikov Yu.Yu. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian Policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk, Publishing House of PSLU, 2002. 494 p.

10. Lazaryan S.S. *Ekonomicheskaya, social'naya i etno-konfessional'naya politika knyazyu M.S. Voroncova v Kavkazskom krae 1845–1854 gg.* [Economic, Social, and Ethno-Confessional Policy of Prince M. S. Vorontsov in the Caucasus Region. 1845–1854]. Pyatigorsk, Publishing House of PSLU, 2014. 398 p.

11. Maremkulov A.N. *Yuridicheskie formy politiki Rossijskoy imperii na Severnom Kavkaze v XVIII–XIX vv.: istoriko-pravovoj aspekt* [Legal Forms of the Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XVIII–XIX Centuries: Historical and Legal Aspects]. Rostov-on-Don, North Caucasus Academy of State Service, 2005. 316 p.

12. Matveyev V.A. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (upravlencheskie aspekty)* [Russian Policy in the North Caucasus in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries (Management Aspects)]. Rostov-on-Don, Omega-Print, 2010. 336 p.

13. Matveyev V.A. *Rossijskaya universalistskaya transformaciya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (the Second Half of the XIX Century – 1917)]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2012. 560 p.

14. Misrokov Z. Kh. *Adat i shariat v rossijskoj pravovoy sisteme: istoricheskie sud'by yuridicheskogo plyuralizma na Severnom Kavkaze* [Adat and Sharia in the Russian Legal System: the Historical Fate of Legal Pluralism in the North Caucasus]. M.: Publishing House of MSU, 2002. 256 p.

15. Sadokhin A.P. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication]. M., Al'fa-M; INFRA-M, 2004. 288 p.

16. Sadokhin A.P. *Etnologiya* [Ethnology]. M., Al'fa-M; INFRA-M, 2011. 352 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гурова, Е. А. Условия и основы межкультурного взаимодействия России и Северного Кавказа в XIX веке / Е. А. Гурова, О. Г. Карапкина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 63–71.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gurova E. A., Karapkova O. G. Conditions and Bases of Intercultural Interaction Between Russia and the North Caucasus in the XIX Century / E. A. Gurova, O. G. Karapkova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 63–71. (In Russian).

УДК 93.94

**РОССИЙСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В.А. Матвеев

**RUSSIAN SELF-DETERMINATION
OF MUSLIMS THE NORTH CAUCASUS
DURING THE FIRST WORLD WAR**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье представлен результат исследования интегрированности исповедовавших ислам соотечественников Северного Кавказа в российское согражданство. Анализу подвергаются некоторые аспекты ее формирования накануне Первой мировой войны, а также проявления общегражданской солидарности с ее началом в 1914 г. и по ходу последующего противостояния.

Abstract. The article presents the results of the study of the integration of the North Caucasus compatriots who professed Islam into the Russian citizenship. Some aspects of its formation on the eve of the First World War are analyzed as well as the manifestations of general civil solidarity with its beginning in 1914 and in the course of the subsequent confrontation.

Ключевые слова: интеграционные процессы, исламское вероучение, отечественное мусульманство, Первая мировая война, российское самоопределение, северокавказское преломление, цивилизационное совмещение.

Keywords: integration processes, Islamic faith, Russian Islam, World War I, Russian self-determination, North Caucasian refraction, civilizational alignment.

Накануне Первой мировой войны геополитические противоречия вокруг Кавказа резко обострились. Активизировала свою подрывную деятельность и турецкая агентура. Прикрываясь существовавшими якобы намерениями «исламского просвещения» и объединения «всех мусульман для прогресса» она всячески стремилась привлечь симпатии единоверцев. Занимавшиеся этим специальные комитеты не ограничивались в своей пропаганде пределами Османской империи и стремились к тому, чтобы способствовать «возрождению ислама в России» [1, л. 1], как важнейшего фактора для разрушения ее целостности. Противоборство за пересмотр сложившихся ранее государственных границ и передел зависимых владений в 1914 г. вступило в наиболее острую фазу. Затрагивало оно и территориальную целостность Российской империи.

В Турции с началом Первой мировой войны, по наблюдению министерства внутренних дел, активизировали деятельность религиозные движения, намеревавшиеся вместе с тем способствовать «возрождению ислама... в других

странах» и, в частности, на ее окраинах. На них возлагалась также обязанность «развивать панисламскую и пантюрокскую идею» в среде российских мусульман [1, л. 1]. Проникновение подготовленных для осуществления этих целей проповедников, по данным Министерства внутренних дел, происходило в значительных размерах. Засылались они во все губернии и области Российской империи «со значительным... мусульманским населением» [1, л. 1]. Привлекались для этого под разными прикрытиями и начитанные ходжи [1, л. 1], то есть те, кто в соответствии с предписаниями исламского вероучения совершил паломничество в «святые места». Посетившие их пользовались, как правило, высоким авторитетом у верующих. При совершении хаджа российскими подданными турецким спецслужбам только в отдельных случаях удавалось в их среде проводить вербовку.

На тех, кого все-таки удавалось привлечь к сотрудничеству, возлагалась обязанность после возвращения в Россию проповедовать идею «единства всего мусульманского мира» [1, л. 1]. Попытки проведения такой агитации как раз и фиксировались специализированными подразделениями Министерства внутренних дел в Петрограде, куда поступала информация с мест, и филиалами в субъектах с мусульманским населением. Завербованные возвращавшиеся в Россию паломники после совершения в соответствии с предписаниями ислама хаджа в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета» тем не менее встречались редко. Засылавшаяся с подрывными целями в период Первой мировой войны в пределы Российской империи агентура имела преимущественно зарубежное, как правило, турецкое, происхождение [2, л. 17].

Натолкнувшись на медленное распространение связанных с идеей панисламизма догматов на российских окраинах, и на Кавказе тоже, координаторы этой деятельности стали собирать сведения «для детального изучения образа жизни, религиозных и политических» настроений проживавших там народов. Главное внимание при этом уделялось возбуждению в массах фанатизма через «исламское просвещение» [3, л. 1–1-об.]. Содержание же его являлось всецело своеобразной технологией разрушения. Религиозные ценности являлись для нее лишь прикрытием. Составленный панисламистами проект «просвещения» использовался для возбуждения в массах фанатизма и разрушения государственной целостности России. На Кавказ завозились большие партии оружия и тем самым провоцировались восстания [4, л. 23]. Фактор «исламского просвещения» в проводимой политике задействовался и причастными к ее оформлению представителями русской администрации. Но оно имело нацеленность на цивилизационное совмещение.

В октябре 1914 г., турецкими панисламистами было составлено специальное воззвание мусульманам всего мира «Священная война обязательна», в котором утверждалось со ссылками на выдержки из Корана, что «все мусульмане, без различия национальности и подданства, являются, согласно велениям их религии, братьями и потому должны, под опасением небесной кары, всячески помогать друг другу» [3, л. 1]. В воззвании провозглашалась

борьба «за освобождение... народов, исповедующих ислам» [3, л. 1–1-об.]. Поднимался в этой связи в своеобразной постановке и территориальный вопрос [3, л. 3–5].

В распространявшихся турецкой агентурой пропагандистских прокламациях содержалось предписание, что «каждый верующий мусульманин должен считать себя воином, ибо настало время освободить мусульманские земли от неверных» [3, л. 3]. К ним были отнесены Астрахань, Казань, Крым, Туркестан и местности расселения российского казачества. В этих притязаниях обозначался и Кавказ. Необходимость отторжения данных территорий обосновывалась тем, что «они находятся в подчинении у неверных, хотя мусульманское население в них составляет большинство» [3, л. 3]. Текст заканчивался призывом «к немедленному объявлению священной войны» за их возвращение, к неподчинению «распоряжениям христианских правительственных властей», неуплате повинностей и регулярному истреблению иноверцев. Россия, как и ее союзники (Англия, Франция), обвинялась в этой связи в стремлении «погасить дивный свет магометанской религии» [3, л. 5].

Враждебную агитацию на ее территории активно проводили и иные зарубежные организации. Так, образованный в Германии «Союз для охраны германизма за границей» разослал по немецким колониям на окраинах империи, в том числе и на Кавказе, своих эмиссаров, которые порицали все русское и предпринимали усилия распространить в среде колонистов настроения пангерманизма [5, л. 1]. Опасность этих разновидностей агитации, в особенности панисламистской, для стабильности и целостности государства была очевидна [1, л. 1].

В ноябре 1914 г. «султан-халиф» объявил «джихад», вложив при этом особый смысл в его характер. Он заключался в том, что вооруженная борьба на истребление должна быть направлена не против всех иноверцев вообще, а только в связи со сложившимся моментом против одной группы держав, враждебных Османской империи и ее союзникам. В развитие этой инициативы мусульманский первосвященник («шейх-уль-ислам») сформулировал пять фетв, канонических толкований происходящих событий на основе Корана [6, с. 48]. «Россия, Англия и Франция, – утверждалось в них, – проявляют все старания – да упасет от этого Аллах – погасить высокий свет ислама» [6, с. 48]. Исходя из этого все мусульмане, проживавшие в пределах государств Антанты, призывались выступить против своих правительств, и это вменялось им в обязанность [6, с. 48]. Особый смысл в фетвах придавался и употребляемым понятиям. Выступали они не как правовые и политические заключения, а имели прежде всего направленность на формирование религиозной мотивации верующих за пределами Османской империи [7, с. 231].

Обращение с фетвами «шейх-уль-ислама» придавало призыву наиболее важное значение. Обладавшее этим титулом лицо в Османской империи воспринималось в качестве наделенного высшими религиозными и политическими полномочиями «старейшины ислама», призванного освещать решения

султана [7, с. 254]. Приписка к титулу «халиф» представляла последнего как «главу мусульманской общины», замещающего, как считалось у верующих, «пророка Муххамеда» [7, с. 237]. На окраинах отечественного Востока, в отличие от Османской империи, сложилась практика присваивать звание «шейх-уль-ислама» лишь шиитским и суннитским муфтиям [7, с. 254]. И, наконец, если в обычном применении «джихад» имеет более широкое толкование, включавшее в том числе духовное совершенствование, в тексте анализируемого воззвания он сводился лишь к борьбе за веру [7, с. 57]. Выделение смыслов с такой направленностью в самом Коране осуждалось: «вы верите в одни слова сей Книги и отвергаете другие...» [8, с. 42].

В дальнейших разъяснениях в фетвах указывалось на то, что «неверными следует считать только державы Антанты». Напротив, «Германия и Австрия» объявлялись «опорой... ислама». Наряду с этим утверждалось, что в наметившемся противостоянии ими обеспечивается и его «защита» [6, с. 48]. Однако данное обращение «султан-халифа» к мусульманам, содержавшее для усиления воздействия на верующих своеобразные теософские обоснования, не получило сколько-нибудь значительной поддержки в странах зарубежного Востока, в том числе даже таких, как Египет и Индия, где население имело в тот промежуток времени повышенную предрасположенность к восприятию веры в качестве важнейшего условия существования. На российских окраинах этот призыв встретил еще большую невосприимчивость [6, с. 48].

Столкнувшись с этой реальностью, панисламистские комитеты в Турции разослали в 1914 г. во все страны с мусульманским населением своих агентов для детального изучения образа жизни, религиозных и политических взглядов единоверцев с целью выработки мер для их последующего объединения и выявления возможностей возбуждения фанатизма, который к тому времени, по наблюдениям охранного отделения, на российских окраинах неуклонно ослабевал [3, л. 1–1-об.]. Пропаганда на этом направлении велась и отдельными сторонниками панисламистской и пантюркистской идей из среды российских мусульман и особенно при посредстве специально подготовленных лиц, проникавших в Россию из Турции под видом купцов, странствующих мулл, возвращавшихся из Мекки богомольцев после совершения паломничества (хаджа) и т. д. [3, л. 3].

Наряду с проповедями «о духовном и национальном единстве мусульман всего мира» велась агитация за признание руководящего значения для них единоверной Турции и ее халифа «в качестве духовного главы всего мусульманства» [3, л. 3]. Подрывная деятельность турецкой агентуры попадала в поле зрения соответствующих подразделений Министерства внутренних дел, но специальные разработки неизменно показывали устойчивость мусульманского населения на окраинах отечественного Востока к невосприятию агитации, направленной на разрушение целостности Российской империи [3, л. 1]. Исключения не воспринимались сотрудниками этого ведомства как представлявшие угрозу, и этим скорее всего объясняется то, что оперативные наблюдения не сопровождались принятием решительных мер, хотя они были, безусловно, необходимы.

На Северном Кавказе, например, отдельные представители мусульманского духовенства, преимущественно имевшие низший сан, проводили целенаправленную враждебную агитацию, способствовавшую насаждению в массах религиозной нетерпимости [9, с. 10]. В начале XX в. еще встречались эффендии и муллы, в частности, в Кубанской области, продолжавшие возбуждать население против России, «существующего строя... и правительства» [10, л. 229]. Они всячески стремились поддержать вражду к православным там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду [10, л. 229, 252]. Под ее воздействием появлялись и сепаратистские настроения.

После вступления в 1914 г. Османской империи в первую мировую войну на стороне Тройственного союза некоторые муллы заканчивали молитвы в мечетях призывами: «Да изгинет род русского царя!» В пророчествах они предсказывали, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «людей с черным флагом» [9, с. 10]. По его утверждению, у какой-то части мусульманского населения Терской области, преимущественно в чеченских селениях в горных районах, объявление войны было встречено «с тайным ликованием, с ожиданием всяких бед русскому начальству». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции» [9, с. 10].

Однако в преобладающей степени мусульманское духовенство на том сложном и не определенном для будущего страны этапе старалось все же всячески формировать настрой на единство с Россией. Это проявилось и при встречах Николая II с его представителями во время поездки на Кавказский фронт во всех населенных пунктах края, где происходили остановки. Состоялась такая встреча, например, в Петровске 20 ноября 1914 г. По прибытии монарха 25 ноября в Дербент, с приветствием к нему в присутствии депутации от Дагестанской области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился один из представителей исламского богословия З.Б. Тарковский. Речь была произнесена на кумыкском языке, с которого был сделан перевод. В ней З.Б. Тарковский, выражая преобладавшие настроения в среде исповедовавшего ислам населения Дагестанской области, особо подчеркнул: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры» [11].

Находясь на Кавказе, со своей стороны глава российского государства своим поведением подчеркивал личное уважение к этой религии. В Тифлисе, выполнявшем роль централизованного управления регионального центра империи, он встретился с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке [12, л. 11, 22–23]. В его присутствии закавказский муфтий свою молитву закончил словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим» [13, л. 90-х-об].

Изложенные высказывания представителей мусульманского духовенства свидетельствуют о том, что оно могло создать пророссийские толкования (тарикаты) ислама.

Но богословы данной конфессии не были сориентированы на это государственной властью. Приверженность сохранению целостности России как единого отечества демонстрировала при встречах с монархом и подавляющая часть мулл. Поездка Николая II на Кавказ в данный промежуток времени, судя по всему, неслучайна. Она явилась своеобразным откликом на цивилизационный вызов, который явился одним из немаловажных факторов противостояния в условиях начавшейся Первой мировой войны. «Султан-халиф», воспринимавшийся как обладатель верховных прав в среде всех мусульман не только Османской империи, объявил «джихад» в том числе и против России. Появились и канонические толкования происходящих событий на основе Корана «шейх-уль-ислама», имевшие по отношению к ней враждебную направленность [6, с. 48].

В события тем самым привносился с турецкой стороны духовный аспект, который мог сыграть деструктивную роль. Однако по шариату российский монарх тоже считался обладателем верховных прав на своих подданных, исповедовавших ислам. На Кавказе Николай II получил благословление всех высших представителей мусульманского духовенства, с пожеланиями «победы над врагами» [12, л. 11, 22–23; 13, л. 90-х-об], что также имело глубокий сакральный смысл. Но в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала враждебные по отношению к ней позиции. Отмеченная двойственность продолжала сохраняться и, как показывали события, постепенно происходило ее углубление. Оно носило скрытый характер, и специальные службы империи не смогли, видимо, в должной мере оценить потенциал нарастающей угрозы.

Во внимание принималось преимущественно то, что устойчивость к деструктивным сепаратистским воздействиям, в том числе основанным на идее исламской исключительности и религиозного единства, демонстрировали и российские мусульмане. Получаемые оперативные сведения неизменно вскрывали эту тенденцию, имевшую в реальности явное преобладание. Само явление, как можно судить по их содержанию, не было осмыслено. Вместе с тем в среде исповедовавшего ислам населения Российской империи существовали и враждебные настроения. Инспирировались они и из-за рубежа. Этим старались воспользоваться соответствующие группировки.

В 1915 г. в Стамбуле создается Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России, распространявший слухи о якобы их «бедственном положении» [14, с. 162]. С этой целью его организаторы посещали европейские страны, где старались навязать свои представления. Информация направлялась и ряду правительств. В программу Комитета были включены и сепаратистские требования об образовании независимого от России Туркестана, а также воссоздания Казанского и Крымского ханств.

В 1916 г. на встрече активистов в Стокгольме был подписан меморандум, в котором содержались положения об угнетении народов России, нарушении их прав, в том числе в религиозных вопросах. Сообщение об этом по телеграфу было направлено президенту США Вильсону [14, с. 162]. Обвинения между тем не имели ничего общего с действительностью.

Восстания 1916 г. в Туркестанском крае исключением не являлись. С влиянием оппозиционных исламских группировок они, во всяком случае, не были связаны. Протестные движения в тот период, как можно судить по источникам, вызывались не клерикальными движениями, а реквизициями, введенными и на восточных окраинах Российской империи в период Первой мировой войны. Не прослеживается и какая-либо роль «идеологии тюркизма» в акциях недовольства. От реальности оторваны также утверждения о наличии «вооруженной освободительной борьбы» в мусульманских регионах. Опровергаются они, например, донесениями Министерства внутренних дел, в которых указывалось на то, что протесты не выходят за пределы общегосударственных задач и не имеют сепаратистской окраски.

В 1916 г. стало нарастать недовольство населения Казанской губернии мусульманской фракцией Государственной думы. В его среде возникли опасения, что получившая избирательные полномочия группа депутатов «не отражает и не отстаивает интересов многомиллионного мусульманского населения империи» [15, л. 35]. Проявлялись такие настроения и на Кавказе. Недовольство провоцировалось распространившимися слухами, что на предстоящей сессии Государственной думы «будут затронуты весьма важные для инородцев вообще и, в частности, для мусульман вопросы» [15, л. 35]. Велась агитация за необходимость командировать «в помощь членам фракции опытных и образованных общественных деятелей из различных местностей с мусульманским населением» [15, л. 38]. В этой связи Особый отдел канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе предпринял усилия взять под контроль это движение.

Начальникам губернских и областных жандармских управлений Кавказского края был разослан циркуляр с просьбой «уведомить, не предполагается ли командирование уполномоченных с указанной целью в Петроград... и, в утвердительном случае, сообщить подробные данные о личности командированных, политическом их направлении и тех... директивах, какие будут ими получены от местных мусульман, выяснив также... какие отдельные домогательства мусульман они намерены поддержать» [15, л. 38]. После изучения обстановки последовало разъяснение, что широкий размах это недовольство на Кавказе не обрело [15, л. 41].

К началу Первой мировой войны край продолжал оставаться зоной цивилизационного разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся тяготением к Востоку. Несмотря на это его ареалы превратились в составную часть российского государственного пространства. Воздействие происходивших в его пределах процессов на мусульманское население было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Становление

солидарной общности превращалось в устойчивый результат совместного исторического взаимодействия.

Самоопределение мусульманского населения, таким образом, происходило не только в эпоху установления государственного единства Северного Кавказа с Россией. Возобновлялось оно неоднократно и в последующие периоды сближения. Наиболее отчетливо интегрированность проявлялась с возникновением для российского согражданства внешних угроз. При таких же обстоятельствах преобладающей данная тенденция оказывалась и в начале XX в. Подкреплявшийся религиозной мотивацией остаточный сепаратизм не получал массовой поддержки.

Не воспринимался на российских окраинах с мусульманским населением, в том числе и на Северном Кавказе, и распространявшийся через подготовленных проповедников призыв об отторжении «исламских территорий». Альтернативу, связанную с разрушением единства мусульман Северного Кавказа с Россией, как проясняли в том числе события Первой мировой войны, можно было навязать только силой. За небольшим исключением не поддерживало ее и мусульманское духовенство края. Наряду с этим существовала и другая реальность. Отдельные представители мусульманского духовенства на Северном Кавказе проводили враждебную агитацию, продолжая настраивать верующих против России. Под ее воздействием возбуждался у части верующих фанатизм.

Между тем отечественное мусульманство, наряду с православием, играло конструктивную роль в сближении народов Северного Кавказа с Россией. Интегрированность исповедовавшего ислам населения края возрастала. Формировалась и соответствующая российская идентичность. Для ее укрепления необходим был приспособленный к исторической реальности богословский контент, становление которого из-за отсутствия религиозного центра (муфтиата) на Северном Кавказе и государственной поддержки происходило стихийно. Такая же ситуация была характерна и для других окраин отечественного Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. – Текст : непосредственный.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. – Текст : непосредственный.
4. ЦИАГ. Ф. 12. Оп. 13. Д. 254. – Текст : непосредственный.
5. ЦИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 656. – Текст : непосредственный.
6. Миллер, А. Ф. Османская империя (Султанская Турция) / А. Ф. Миллер. – М. : ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946. – 56 с. – Текст : непосредственный.
7. Исламский толковый словарь / сост. Г. М. Гогиберидзе. – Ростов н/Д. : Феникс, 2009. – 266 с. – Текст : непосредственный.
8. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – 10-е изд., доп. – М. : РИПОЛ классик, 2008. – 800 с. – Текст : непосредственный.
9. Ошаев, Х. Очерк начала революционного движения в Чечне / Х. Ошаев. – Грозный : Общество долой неграмотность, 1927. – 26 с. – Текст : непосредственный.

10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. – Текст : непосредственный.
11. Дагестанские ведомости. – 1914. – 7 декабря. – Текст : непосредственный.
12. ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. – Текст : непосредственный.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. – Текст : непосредственный.
14. Червонная, С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории / С. Червонная. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 2003. – № 5.
15. ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 17, inventory 2, case 1133.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 454, inventory 1, case 215.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti* [The State Archive of Rostov Oblast]. Fund 826, inventory 1, case 285.
4. *Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 12, inventory 13, case 254.
5. *Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 17, inventory 2, case 656.
6. Miller A. F. *Ottomanskaya imperiya. (Sultanskaya Turtsiya)* [The Ottoman Empire (Sultan Turkey)]. М., HPS at CC ACP, 1946. 56 p.
7. Gogiberidze G. M. *Islamskii tolkovyi slovar* [Islamic Explanatory Dictionary]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2009. 266 p.
8. *Koran. Perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Porokhvoi* [The Koran. Translation of Meanings and Comments by Iman Valeria Porokhova]. М., RIPOLL Classic, 2008. 800 p.
9. Oshaev Kh. *Ocherk nachala revolyutsionnogo dvizheniya v Chechne* [An Essay on the Beginning of the Revolutionary Movement in Chechnya]. Grozny, the Chechen Society "Down with Illiteracy", 1927. 26 p.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 454, inventory 1, case 5701.
11. *Dagestanskii vedomosti* [Dagestan Bulletin]. 1914. 7 December.
12. *Tsentralnyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [The Central Historical Archive of Georgia]. Fund 13, inventory 3, case 1387.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund 270, inventory 1, case 86.
14. Chervonnaya S. Pan-Turkism and Pan-Islamism in Russian history. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 2003, No. 5. (In Russian).
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 454, inventory 3, case 6453.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Российское самоопределение мусульман Северного Кавказа в период первой мировой войны / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 72–80.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. Russian Self-determination of Muslims the North Caucasus During the First World War / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 72–80. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 24-183.4

**РАЦИОНАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОБЛЕМЫ
ОТНОСИТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И АВТОНОМНОСТИ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

А.Д. Похилько

**THE RATIONAL RECONSTRUCTION OF THE PROBLEM
OF RELATIVE INDEPENDENCE AND AUTONOMY
OF PUBLIC CONSCIOUSNESS**

A.D. Pokhilko

Аннотация. Предметом исследования является общественное сознание. Рассматривается традиционная концепция общественного сознания, и выявляются возможности новых подходов к исследованию относительной самостоятельности и автономности сознания. Делается вывод о том, что традиционная проблема относительной самостоятельности общественного сознания реконструируется в качестве проблемы социокультурной автономности сознания в философско-антропологическом измерении. Такая реконструкция проблемы оказывается возможной с учетом следующих предпосылок: во-первых, выявлению многообразия собственных оснований автономии сознания, во-вторых, решению проблемы относительно именно этих оснований, превращенных в предпосылки теоретического анализа. В самом общем виде можно выделить три типа оснований автономии сознания: 1) общесоциальные, 2) культурные, 3) знаково-символические.

Abstract. The subject of research is public consciousness. The traditional concept of social consciousness is considered and the possibilities of new approaches to the study of the relative independence and autonomy of consciousness are revealed. It is concluded that the traditional problem of the relative independence of social consciousness is reconstructed as a problem of the socio-cultural autonomy of consciousness in the philosophical and anthropological dimension. Such a reconstruction of the problem turns out to be possible taking into account the following prerequisites: firstly, the identification of the diversity of its own foundations of the autonomy of consciousness, and secondly, the solution of the problem regarding precisely these foundations turned into preconditions for theoretical analysis. In the most general form, three types of foundations of the autonomy of consciousness can be distinguished: 1) general social, 2) cultural, 3) sign-symbolic.

Ключевые слова: общественное сознание, индивидуальное сознание, духовная культура, относительная самостоятельность общественного сознания, автономность сознания.

Keywords: public consciousness, individual consciousness, spiritual culture, relative independence of public consciousness, autonomy of consciousness.

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска новых методологических подходов к решению проблем духовной жизни общества, опираясь на традиционные походы, выявляя в них рациональное содержание и используя на практике духовные возможности общества в ходе проведения российской модернизации [1, с. 37–42]. Кроме того, дело не только в совершенствовании общества, но и в совершенствовании человека, в его саморазвитии [2].

В статье поставлена задача рациональной реконструкции проблемы относительной самостоятельности общественного сознания, которая необходима для обоснования концептуальных схем анализа проблемы автономии сознания [3, с. 144–159]. Рационально реконструированная проблема социокультурной автономности сознания отталкивается от концепции так называемого «исторического материализма», признающего активность форм духовной культуры.

«Общественное сознание» как объект исследования впервые было открыто Гегелем, но обозначено как «дух». В отличие от духа сознание, по Гегелю, – это отношение знания к предмету, которым всегда обладает человек, который не может быть субъектом духа. У Гегеля субъектом выступает понятие, идея, логическая субстанция, а у Карла Маркса – общество [4]. Маркс, реконструируя философско-историческую концепцию духа Гегеля в рамках монистической парадигмы, стремится доказать несостоятельность идеализма и религии. Маркс находит реальные социальные основания («корни») «абсолютного духа», демистифицируя данное понятие.

Смысл категории «общественное сознание» выясняется в ходе историко-философского развития, когда разрабатывается методология социального познания («общественное сознание отражает, или определяет, общественное бытие»), конструируя, по словам Л.А. Микешинной [5, с. 41–45], «всеобщее сознание» в виде виртуального субъекта «научной идеологии». Таким образом, общественное сознание вписывается в традиционную (идушую от Декарта) теорию познания и неправомерно реифицирует субъективность. «...Реификация, – как отмечает Л.А. Микешина, – это один из способов создания виртуальных объектов особого типа, которые объективируются с помощью их «овеществления» и понимаются по аналогии с предметами «внечеловеческого» мира в различных видах дискурса» [5, с. 44–45]. Что из этого следует? В индивидуализированных обществах та сторона общественной реальности, которая обозначается как «общественное сознание» сохраняется как способ существования массовой культуры. Предпочтительно пользоваться понятием «общественно-индивидуальное сознание» вместо термина «общественное сознание». В результате реконструкции появляется возможность обоснования концепции социокультурной автономности сознания в антропологическом измерении, которую развивает автор [6; 7]. Абсолютная, или абсолютизированная, автономность сознания («абсолютный дух») становится относительным и превращается в феномен «относительной самостоятельности и активности общественного сознания». Конечные причины существования идеального с точки зрения релятивности сознания следует искать

в материальном. Самостоятельность, обозначающая обособление в развитии систем, принимает вид всеобщего закона развития [8].

Попытки реализовать традиционную парадигму общественного сознания были сделаны в новых вариантах у советских ученых. Появляется проблемное поле культуры, антропологии, духовного производства, психологии и т. д. Значима попытка С.Л. Рубинштейна применить при исследовании психического принцип диалектического детерминизма [9; 10]. Такая формула детерминизма смягчала ригидный стиль мышления, открывала простор социокультурному, культурно-историческому, семиотическому и другим подходам к изучению сознания. Жесткую причинно-следственную связь он предлагает в духе культурно-исторической теории раннего Маркса заменить новой формулой: «внешние причины преломляются через внутренние условия». Такого истолкования детерминизма («внешние причины в достаточно сложных системах действуют только через ее внутренние условия») было достаточно для обвинения в идеализме.

Определенный вклад в реконструкцию проблемы общественного сознания в направлении экспликации его активности внесли теоретики «праксиса» (Д. Лукач, К. Корш, А. Лефевр, Г. Петрович и др.), которые подчеркивали и утверждали момент активности сознания. В своей поздней работе «К онтологии общественного бытия» Д. Лукач анализирует взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания только через предметную деятельность. Пытаясь выявить аутентичные взгляды К. Маркса, он рассматривает бытие человека. Сейчас мы можем в полной мере оценить всю значимость попыток Лукача преодолеть сталинский догматизм в философии, творчески развивать марксизм, восстановить подлинный диалектический метод Маркса. С точки зрения Маркса, за ложным сознанием (фетишизм, идеология) кроется реальный контекст жизни, практика. Как и Фрейд, Маркс находит область бессознательного, которое детерминирует сознание, но это социально-бессознательное. Проблема общественного сознания реконструируется в неомарксизме Франкфуртской школы. Свой главный метод франкфуртцы назвали «имманентной критикой». В его основе лежат способы описания и оценки, восходящие к раннему Марксу и Гегелю периода «Феноменологии духа». Внимание критической школы привлекла растущая роль государства в социальном контроле. А после подъема фашизма они стали изучать источники авторитаризма в культуре, идеологии, в процессах развития личности, сосредоточились на открытии новых сил, противостоящих авторитаризму. Ведущее место занимал во Франкфуртской школе Теодор Адорно. Он, наряду с Хоркхаймером, является соавтором основополагающего теоретико-методологического труда «критической теории» – «Диалектики просвещения», в которой заложены и раскрыты фундаментальные принципы анализа Франкфуртской школы.

Проблема автономности сознания в феноменологии связана с рассмотрением индивидуального сознания. В первой части «Логических исследований»

Гуссерль подвергает критике психологизм как способ обоснования логики. Если бы, например, закон непротиворечия, обосновывался психологически, то он и не имел бы точного характера, не обладал бы всеобщностью и необходимостью (аподиктичностью). Правильные формы мышления (тавтологии) не являются отображением причинных связей. Логические законы независимы, самостоятельны по отношению к материальным или психологическим обстоятельствам. Он проводит различие между идеальными законами и индивидуальным мыслительным актом. Идеальные законы выражают истину, объективную сущность, а не эмпирические, вероятностные закономерности.

Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль от критики психологизма переходит к позитивному обоснованию чистой логики. Здесь он использует идеи Ф. Brentano об интенциональности сознания. Признак интенциональности стал главным для всего феноменологического движения. Интенция – это направленность сознания на предмет (безразлично – материальный или идеальный). Гуссерль обобщает понимание интенциональности у Brentano, который понимал ее лишь как переживание, т. е. психологически. У Гуссерля же она означает доминирование сознания над самосознанием. И тем самым проясняется собственно предметный аспект интенционального акта. Более строго интенциональность означает, что «интенциональный акт постигается только посредством многократно идентифицируемого единства имеющегося в виду смысла: того, что Гуссерль называет «ноэмой» или интенциональным коррелятом «ноэтического» акта полагания». Гуссерль специально подробно останавливает свое внимание во втором томе на понятии «самостоятельность сознания» [11, с. 225–342]. Один из параграфов у Гуссерля посвящен различию между относительной самостоятельностью и несамостоятельностью в связи с идеей чистой грамматики. Автономным сознание является именно вследствие своей интенциональной природы. Феноменологическая редукция, «эпохэ» и интенция подчеркивают единство абсолютного и относительного в сознании. В отличие от гегелевской феноменологии, где феномен снимается логикой, у Гуссерля сознание – это абсолют, а феноменология – учение о сознании как об абсолюте, первом начале науки. Феномен включает в себе логику, раскрывает свою собственную сущность, поэтому он неустраним принципиально.

Стремление найти в сознании абсолютную точку отчета для построения «наукоучения» натолкнулось у Гуссерля на границы, за которыми начинается «жизненный мир». Жизнь, политика, этика властно вторглись даже в личную жизнь Гуссерля, не давая ему оставаться в «башне из слоновой кости» (т. е. в чистом сознании, научном мышлении). Фашистский режим заставил его задуматься о кризисе европейской науки, философии, культуры. Но расширение рамок своих первоначальных построений (в «Логических исследованиях») он производит в духе своей парадигмы интенциональности и веры в разум. Противоречивое признание получает историчность (особенно под «пытками самодеконструкции») в поздней гуссерлевской трансцендентальной философии (проблема начала геометрии).

Гипотеза о выявлении социальных оснований и форм автономии сознания необходима для того, чтобы наметить в кратчайшем виде путь дальнейшего рассмотрения взаимосвязи оснований и форм автономности сознания (который выходит за рамки данной статьи), получить представление о методологии горизонтного рассмотрения автономии сознания. Горизонт общесоциальных оснований позволяет рассмотреть автономию политического и правового сознания. Феноменология политического, если она будет создана, покажет всю глубину иррациональности человеческого существа, стремящегося к выяснению сил, господству и подчинению в результате асимметричного социального взаимодействия (неравенство). Внутренние условия правового сознания не только зависят от внешних условий, но обладают собственным потенциалом, фиксируют равенство индивидов как личностей, разделяющих социум как общее благо.

Горизонт культурных оснований позволяет рассмотреть автономию нравственного и эстетического сознания. Суть моральных категорий в том, что они обращают внимание на свободу, несмотря на необходимость, на внешние обстоятельства, детерминирующие действия людей. С точки зрения диалектики прямая детерминация на этом уровне автономии сознания уравнивается обратной. Возможна феноменологическая редукция действия понятий совести, добра и зла. Но даже если мы живем с нечистой совестью, идеалом служит совесть чистая. Если бы этот интенциональный объект не существовал, современный человек не смог бы оставаться человеком. В эстетическом сознании доминируют уже не ценности действия, а ценности переживания, которые направлены на внутренний мир человека, «перепрограммирование» его характера. Без искусства, без эстетического сознания личность будет функционально ограниченной, она лишается множественности измерений. В то же время искусство как бы отключается от реальности, чтобы возвратиться к ней на более высокой основе, приблизиться к ней, культивируя человеческую чувственность, раскрывая ее богатства.

Семиотический горизонт оснований автономности сознания позволяет рассмотреть различные типы автономности форм духовной культуры: религиозной, философской и научной форм. Религиозная духовность как культурный текст может быть прочитано только с помощью символического кода (Ю.М. Лотман). Современная религия – это превращенная форма духовной деятельности, в которой нет и все намек на ее происхождение, функция которой заключается в семиотическом дистанцировании (особенно – языковом трансцендировании) от объективно зависимости, преобразовании ее в независимость: в ценности веры, надежды и любви. Знаково-символические (семиотические) основания философии – отделенность языка и культурных текстов от реальной, материальной жизни. Номос превращается в «автономос», «нус». Философия не отрицает закон и традицию, а становится нетрадиционной традицией, личностным законом. Ее основанием служит синтаксический код культуры. Проблему исследования автономности научного сознания можно

сформулировать так: в чем заключается взаимосвязь внутренних и внешних условий и предпосылок в развитии научного познания? Наука гармонизирует семантику и синтаксис, теорию и эксперимент. Ее кодом является семантико-синтаксический код культуры. «Самодвижение» научного познания имеет свои семиотические предпосылки: искусственный язык и спонтанную, почти мистическую активность знаков.

Наиболее глубоким горизонтом является пласт индивидуальных оснований сознания, который составляет ядро «жизненного мира», мира повседневности. Его кодом является асемантически-асинтаксический код культуры, который отрицая самодовлеющее значение социальных макроцелостностей культуры, возвращает нам эмпирического субъекта с его антропоцентризмом и принципом «Все для субъекта» (прагматизм). Именно прагматический код культуры становится ключевым в отношении постановки новой сложнейшей проблемы релевантности сознания. Понятие «релевантность сознания» требует солидного обоснования, поэтому здесь мы ограничимся его рабочим определением близким здравому смыслу в номинальном аспекте: уместность, актуальность, смысловое соответствие, которые берут свое начало в действии субъекта, коренятся в его субъективности и продиктованы целесообразностью.

Неизбежно возникает вопрос о том, почему мы разделяем общесоциальные и культурные основания, с одной стороны, а также культурные и знаково-символические – с другой? Нами выделены три таких уровня («горизонта») анализа сознания, в которых преобладает, доминирует тот или иной вид оснований, но это вовсе не означает, что отсутствуют другие основания. Например, рассматривая культурные основания, мы временно абстрагируемся от социальных и знаково-символических оснований, делаем их «фоном», «заключаем в скобки» и т. д. «Вертикальный» анализ стремится связать все эти горизонты в единую цепь формационной детерминации. Отсюда такие понятия, как «политическая экономия», «социокультурные основания», «социально-политические закономерности» и т. д. В пределе надо было бы говорить о сверхдетерминации как экономико-политико-социо-культурно-знаковой причинности. Но диалектика может временно отвлекаться от прямого взаимодействия, взаимосвязи, чтобы учесть момент обособленности, временного покоя в ходе процесса дальнейшего развития. Поэтому можно не соединять, а разделять социальное и культурное, а также культурное и знаковое. При этом, конечно, нельзя забывать о том, что существуют пределы обособления. Однако за границами, пределами прямого действия социально-экономического фактора обязательно следует обратиться к культурному фактору.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Диалектико-материалистической проблемой относительной самостоятельности общественного сознания может быть реконструирована и представлена в обобщенном виде в качестве проблемы социокультурной автономности сознания в философско-

антропологическом измерении. Реконструкция проблемы автономии сознания оказывается возможной благодаря двум обстоятельствам: во-первых, выявлению многообразия собственных оснований автономии сознания, во-вторых, решению проблемы относительно именно этих оснований, превращенных в предпосылки теоретического анализа. В самом общем виде можно выделить три типа оснований автономии сознания: 1) общесоциальные, 2) культурные, 3) знаково-символические. Бытие социальной реальности предлагается рассмотреть как трехслойное, трехуровневое образование, состоящее преимущественно из оснований того или иного выделенного типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Омельченко, С. В. Влияние общественного сознания на процессы российской модернизации / С. В. Омельченко, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Научная мысль: перспективы развития : материалы V Международной научно-практической конференции / науч. ред. Л.Н. Горобец ; отв. ред.: А. А. Васильев, И. И. Тарасова. – Армавир : РИО АГПУ, 2020. – С. 37–42.
2. Социокультурная автономность саморазвития человека: философский аспект : коллективная монография / А. Д. Похилько, М. А. Губанова, Л. Г. Минасян, Н. М. Соколова. – Армавир : РИО АГПУ, 2020. – 176 с. – Текст : непосредственный.
3. Дэвидсон, Д. Об идее концептуальной схемы / Д. Дэвидсон. – Текст : непосредственный // Аналитическая философия : избранные тексты / сост. А. Ф. Грязнов. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – С. 144–159.
4. Похилько, А. Д. Автономия сознания: основания, формы, релевантность : монография / А. Д. Похилько. – Армавир : РИЦ АГПУ, 2003. – 223 с. – Текст : непосредственный.
5. Микешина, Л. А. Философия познания: Полемиические главы / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с. – Текст : непосредственный.
6. Похилько, А. Д. Измерения социокультурной автономности сознания / А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 54–62.
7. Похилько, А. Д. Социокультурная автономность сознания: экзистенциально-антропологическое измерение / А. Д. Похилько ; науч. ред.: В. П. Кохановский, О. С. Новикова ; Федеральное гос. науч. учреждение «Северо-Кавказский науч. центр высш. шк.». – Ростов н/Д., 2006. – 248 с. – Текст : непосредственный.
8. Похилько, А. Д. Поиски методологии изучения российской национальной идентичности / А. Д. Похилько, М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 4 (64). – С. 24–28.
9. Рубинштейн, С. Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / С. Л. Рубинштейн ; РАН. Ин-т психологии. – М. : Наука, 1997. – 463 с. – Текст : непосредственный.
10. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997. – 191 с. – Текст : непосредственный.
11. Husserl E. Logische Untersuchungen. B. 2. T. 1. – 3-te Aufl. Halle – Max Niemeyer, 1922. – 508 S.

REFERENCES

1. Omelchenko S. V., Pokhilko A. D. The influence of public consciousness on the processes of Russian modernization. *Nauchnaya mysl': perspektivy razvitiya = Scientific Thought: Development Prospects*, Armavir, 2020, pp. 37–42. (In Russian).
2. Pokhilko A. D., Gubanova M. A., Minasyan L. G., Sokolova N. M. *Sotsiokul'turnaya avtonomnost' samorazvitiya cheloveka: filosofskiy aspekt* [Sociocultural Autonomy of Human Self-Development: Philosophical Aspect]. Armavir, 2020. 176 p.
3. Davidson D. On the idea of a conceptual scheme. *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannyye teksty = Analytical philosophy. Selected texts*, Moscow, 1993, pp. 144–159. (In Russian).
4. Pokhilko A. D. *Avtonomiya soznaniya: osnovaniya, formy, relevantnost'* [Autonomy of Consciousness: Foundations, Forms, Relevance]. Armavir, 2003. 223 p.
5. Mikeskina L. A. *Filosofiya poznaniya* [The Philosophy of Knowledge]. Moscow, 2002. 622 p.
6. Pokhilko A. D. *Measurements of the Sociocultural Autonomy of Consciousness* [Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 3, pp. 54–62. (In Russian).
7. Pokhilko A. D. *Sotsiokul'turnaya avtonomiya soznaniya: ekzistentsial'no-antropologicheskoye izmereniye* [Sociocultural Autonomy of Consciousness: Existential-Anthropological Dimension]. Rostov-on-Don, 2006. 248 p.
8. Pokhilko A. D., Gubanova M. A. The search for a methodology for studying Russian national identity. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*, 2010, No. 4 (64), pp. 24–28. (In Russian).
9. Rubinstein S. L. *Izbrannyye filosofsko-psikhologicheskiye trudy: Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected Philosophical and Psychological Works: Foundations of Ontology, Logic and Psychology]. Moscow, 1997. 463 p.
10. Rubinstein S.L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow, 1997. 191 p.
11. Husserl E. *Logische Untersuchungen* [logical researches]. Aufl. Halle, Max Niemeyer, 1922. 508 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Похилько, А. Д. Рациональная реконструкция проблемы относительной самостоятельности и автономности общественного сознания / А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 81–88.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A. D. The Rational Reconstruction of the Problem of Relative Independence and Autonomy of Public Consciousness / A. D. Pokhilko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 81–88. (In Russian).

УДК 172

СОЦИАЛЬНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

А.Д. Похилько, А.М. Авалян

SOCIAL PHENOMENOLOGY OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

A.D. Pokhilko, A.M. Avalyan

Аннотация. Анализируются нравственные парадоксы, связанные с основополагающими категориями «добра» и «зла». Эти парадоксы реальны, и они требуют реального разрешения. Религия интерпретирует понятия добра и зла в абсолютной модальности, а светская этика в модальности относительной. Очень важно не переходить ту грань, которая отделяет реальные парадоксы добра и зла от софистики, которая вообще стирает между ними границы. Например, человек утверждает: «чем больше я творю зла, тем больше из этого может получиться добра». На самом деле, вполне вероятно, что он как раз увеличивает зло в мире. В России правовое решение кажется справедливым, если только оно морально. Правовой аспект, как правило, не принимается во внимание. В этом отношении становится понятным историческая природа российского нигилизма.

Abstract. The moral paradoxes associated with the fundamental categories of "good" and "evil" are analyzed. These paradoxes are real, and they require real solutions. Religion interprets the concepts of good and evil in an absolute modality, whereas secular ethics does it in a relative modality. It is very important not to cross the line that separates the real paradoxes of good and evil from sophistry, which generally erases the boundaries between them. For example, a person claims: "the more I do evil, the more good can come of it". In fact, it is likely that he / she only makes the evil in the world stronger. In Russia, a legal decision seems fair, if only it is moral. The legal aspect is usually not taken into account. In this respect, the nature of Russian nihilism becomes clear.

Ключевые слова: мораль, право, добро, зло, парадокс, справедливость.

Keywords: morality, law, good, evil, paradox, justice.

Актуальны практические аспекты трансформации общественного сознания, в частности парадоксов добра и зла в общественном мнении, которые связаны с социально-философскими аспектами темы, выступают как их следствие. Феноменология позволяет увидеть и описать эти парадоксы сознания. Добро – ценность, которая характеризует действия, совершаемые свободно, как самоцель, ради идеала [6, с. 113–115]. Зло приземлено, активно и обладает силой [6, с. 154–156]. Парадоксальным является уже то, что доброта в широком социально-историческом плане пассивна, есть определенная слабость человека перед обезличенными силами, которые могут выступать под видом экономического детерминизма, модернизации, научно-технического прогресса и т. д. При этом возникает соблазн сделать выбор

зла, например, избрать насилие двигателем российской истории. В практической ситуации возникает дилемма, необходимость выбора между добром и злом. Еще парадоксальнее необходимость делать рациональный выбор между одним злом и другим в надежде избежать еще большего зла. Это находит свое выражение как в нравственном, так и в экономическом, политическом и правовом сознании.

Задачей данной статьи является рассмотрение парадоксов добра и зла в нравственном, правовом и религиозном сознании как формах общественного сознания применительно к российским реалиям. Естественно, что в центре внимания стоит в данном случае феноменология общественной морали, хотя косвенно в анализ втягивается философская методология, художественное сознание и другие формы духовной культуры.

Социальная феноменология выступает методологией исследования форм духовной культуры [1; 3]. Благодаря феноменологии исследователь получает возможность обнаружить абсолютное содержание сознания, а не только относительные его рефлексии. Строгий объективизм может выступать препятствием на данном пути постижения нравственных истин жизненного мира человека. Субъективное содержание современного общественного сознания технизируется и физикализируется [5], поскольку сознание становится массовым, включается в потребительские контексты массовой культуры. Одним из методологических оснований рассмотрения добра и зла в широком историческом контексте является диалог феноменологии и диалектики. Казалось бы, они несовместимы, однако между ними можно найти парадоксальные точки соприкосновения по принципу дополнительности. В этом плане парадоксы взаимосвязи объективного и субъективного неизбежны и выражаются в ряде рассматриваемых парадоксов добра и зла.

Зло противоречиво: оно и существует, и не существует. Феноменология нравственного сознания выводит на объективные ценности, которые могут наполняться субъективным индивидуальным смыслом. В противовес можно приводить примеры того, что нравственные принципы зависят от культуры общества и степени ее развития. Например, Аристотель считал рабство добром, а сейчас осуждаются все виды рабства как зло. Или указывать на существование странных обрядов, которые можно разумно объяснить. Однако от этого объяснения они не становятся морально приемлемыми (например, каннибализм). Философ Платон расценивал добро как идеал, которому нужно следовать всегда, без исключения: всё, что губительно и разрушительно, по Платону, – это зло, и, напротив, спасительное и полезное – это благо. Следование идеалу добра стало в философии выражением разумности. Самое большое зло – это смерть людей. Заострение проблемы выбора добра и зла в психологическом плане мы видим у Ф.М. Достоевского (Раскольников убивает старушку как бы по велению своей совести, которая затем мучит его); в философско-историческом плане – у Л.Н. Толстого (война как неизбежное зло); амбивалентное отражение трансформаций нового человека у М.А. Булгакова.

Существует диалектическое противоречие между добром и злом. Гегель говорил, что «зло есть форма, в которой проявляется движущая сила человеческого развития» [4]. Зло (войны, революции и прочие виды насилия) движет историю. История – это разрушение старого, которое оценивает себя как добро. Добро и зло взаимноопределены, они познаются в их единстве, в качестве одного целого. Выбирая новое в истории, люди делают зло, отрицая старое, уничтожая его, несмотря на ностальгию и романтические чувства. Особенно парадоксальна роль порочных страстей. Жадность, властолюбие, насилие играют роль движущих сил в истории в качестве мотивов господствующих классов. Подчиненные классы соответственно движутся по истории мотивами страха и голода, бунта массы и ressentимента.

Добро – это поступок, выполненный во благо чего-то или кого-то. Зло – это поступок несущий вред и боль окружающим, будь то боль физическая или душевная. Добро и зло никогда не победят друг друга, их борьба вечна, потому что одно не существует без другого. Главной идеей борьбы является превосходство одного над другим. Основной спор ведется между сторонниками борьбы со злом с позиции силы и сторонниками этики ненасилия, основанной на мысли, что ненужно бороться со злом насилием.

С древних времен развитие этих понятий, было результатом становления самой морали в целом. Добро – это ценность, которая не затрагивает природные или любые другие явления. Любые деяния, сотворенные стихийно (сами по себе), могут иметь и хорошие, и плохие последствия для людей. Но такие стихийно совершающиеся события и явления сами по себе не имеют отношения к тому, о чем мыслят в категориях добра и зла, они находятся по ту сторону от этих определений. Добро и зло означают конкретные действия, сделанные осознано, проще говоря, наши поступки.

В разных ситуациях, люди ведут себя по-разному, но человек всегда должен оставаться человеком, и выбирать правильные решения со стороны добра. Если выбор состоит только из зла, то возникает дилемма – из двух зол выбрать меньшее. Здесь мы переходим в правовое измерение парадоксов. Право существует для того, чтобы не было еще большего зла, чтобы мир не погрузился в земной ад. Однако право не может установить добро по закону, декретом утвердить рай на земле. Последствия такого выбора – не как меньшего зла, а как зла, непредсказуемы как для окружения, так и для самого выбирающего. Такое решение требует от человека мудрости. Еще один важный фактор морального выбора связан с тем, что добро и зло, будучи «равными» на уровне понятий, дают плохие основания для оценки соответствующих действий.

Что такое парадокс? Почему он имеет такое значение для познания? Наверное, потому, что он вызывает удивление. А как раз с удивления и начинается философствование. Попробуем выделить некоторые парадоксы добра и зла. Первый фундаментальный теоретический и одновременно практически важный парадокс заключается в том, что надо еще доказать, что добро и зло

реально существуют. Может быть, эти категории являются чисто субъективными оценками наших нейтральных объективных действий? И тогда все зависит от наблюдателя. Может показаться, что самая правильная точка зрения – это моя. Все нейтрально. Мы наблюдаем только действия, которые не являются ни хорошими, ни плохими. Вариант первого парадокса. Добро существует, а зла нет вообще. Так рассуждал Августин блаженный Аврелий. Существует ли тьма? Нет. Это отсутствие света. Аналогично зло – это только отсутствие добра. Зло несамостоятельно. Однако зло как раз желает, чтобы его признали несуществующим, чтобы не наказывали за него. Со злом надо бороться. В правовом сознании признание зла необходимо для наказания преступника. Убийцу казнят за его преступление по древнему принципу талиона, который во многом инкорпорирован в современное обычное право.

Мы не можем охватить все многочисленные варианты и разновидности парадокса существования добра и зла. Например, возможен вариант, когда они одинаково сильны, вариант дуализма (в религии зороастризма). Или возможен вариант, когда зло сильнее добра (сатанизм). С другой стороны, возможен вариант крайнего пессимизма – предположение об отсутствии в мире добра. Заметим только, что в средние века существовало много споров по поводу того, почему зло существует в мире, сотворенном Богом, в этом самом лучшем из миров. И зло не просто существует. Его слишком много. Парадокс: Бог не устраняет зло. Почему? Не может? Но он всемогущ. Не хочет? Но он добр. Бог – это самое высшее благо, высшее добро. В существовании зла признавали виновным либо дьявола, либо человека с его свободной волей, но не Бога.

Второй парадокс – надо дать некое общезначимое определение понятий добра и зла. Возникает надежда, что уяснив себе, что это такое, мы продвинемся также и в решении первого парадокса. Теоретический парадокс нравственного познания состоит в том, что надо дать определение понятий «добро» и «зло». Оказывается, тут же мы попадаем в логический круг: добро – это противоположность зла. А зло – противоположность добра. Как вырваться из этого круга? Добро можно определить как ценность или идеал, к которому стремятся люди. Добро – все то, что укрепляет жизнь, развивает личность. Такому образцу должны следовать все нравственные люди по долгу своей совести. Люди выработали определенные нормы поведения и следуют им. Этих норм очень много. Правовые нормы фиксируются в виде законов. Но все они регулируются категориями добра и зла. Эти полярные противоположности выстраивают нравственные и правовые нормы в определенном направлении.

Может показаться, что мудрствование над познанием добра и зла – это просто софистика. Иными словами, это блуждание в области субъективного и игра понятиями, оправдывающая свое безответственное поведение, склонное к компромиссу со злом. Проще всего сказать: добро – это Бог, а зло – это дьявол. Человек должен идти по пути добра, а не зла, поскольку спасает свою душу. В таком случае добру приписывается только абсолютная модальность

без относительной модальности. Логичнее было в таком случае рассуждать, что Бог – это абсолютное благо, а категории добра и зла, все-таки включают в себя относительную модальность и должны рассматриваться диалектически. Однако кроме религиозной существует и светская этика, которая исходит из противоположной позиции – относительной модальности добра и зла. Необходим диалог светской и религиозной этики, чтобы достичь некоего диалектического синтеза абсолютной и относительной модальности в познании добра и зла. Важнейшим «инструментом» в повседневной жизни личности, позволяющим синтезировать абсолютную и относительную модальности добра и зла, выступает совесть [2].

Третий парадокс состоит в следующем. Парадоксы добра и зла касаются наших осознанных поступков по отношению к людям. Добро характеризует действия, которые совершаются свободно, в качестве самоцели, идеала. Наоборот, зло низменно, активно и имеет материальную силу. Выбирая меньшее зло, мы, все-таки, выбираем именно зло, а не добро. Нам приходится вести речь именно о моральном зле. Право предпочитает вести речь о справедливости. Этот парадокс находит свое органическое продолжение в следующем парадоксе.

Четвертый парадокс относится к историческому, временному измерению нашей жизни. Добро и зло – исторически конкретные категории. Это означает, что в истории нравственные оценки могут меняться. Казалось бы, самое большое зло – это убийство человека. Однако на войне убивать разрешено. Более того, солдат обязан это делать. Другой пример, в античности рабство было нормальным явлением. В настоящее время мы полностью отвергаем все виды рабства. Сталинизм – зло невиданного в истории масштаба, но результатом сталинской политики стала передовая держава. В случае морали возникает парадокс: добро и зло относительны. В них нет абсолютного содержания. Люди якобы выдумали добро и зло, а потом отвергнут их. Еще большее сомнение в абсолютности возникает в правовом сознании. Якобы люди установили нормы права, поэтому их можно нарушать. Это якобы условность.

Пятый парадокс заключается в том, что у человека есть свобода, которую можно использовать для того чтобы делать добро, но можно использовать и для зла. Бог создал человека свободным. Выбирая зло, человек выбирает и ответственность за него. Ответственность может быть не только правовой, но и моральной. Совесть – это такой свидетель, от которого невозможно избавиться. Он всегда с тобой, и не один, а тысяча свидетелей внутри сознания.

Следует подчеркнуть, что свобода сама парадоксальна. Казалось бы, ее нет, но в то же время она есть, и она высшая ценность человека. Как ее воспитать? Воспитывает это чувство свободы сама жизнь, а не только учителя и родители. Свобода – это не вседозволенность, а принятие на себя всех социальных норм и ограничений, а кроме того, и ограничений, которые ты накладываешь на себя сам. Для чего эти ограничения? Для того чтобы сконцентрировать

все силы в определенном направлении. Если в правовом сознании свобода и ответственность обратно пропорциональны и ретроспективны, то в нравственном аспекте они прямо пропорциональны и перспективны. Иными словами, главная ответственность у человека – это ответственность за свое будущее, за свободное его конструирование.

Шестой парадокс состоит в том, что количество парадоксов увеличивается. В современном обществе зло делать легче, чем тысячу лет назад. Становится возможным убийство, воровство, измена мужу или жене по Интернету. И прежде чем нажать на клавишу клавиатуры, надо подумать.

Таким образом, нравственные парадоксы, связаны с основополагающими категориями «добро» и «зло». Эти парадоксы реальны, и они требуют реального разрешения. Религия интерпретирует понятия добра и зла в абсолютной модальности, а светская этика в модальности относительной. Очень важно не переходить ту грань, которая отделяет реальные парадоксы добра и зла от софистики, которая вообще стирает между ними границы. Например, человек утверждает: чем больше я творю зла, тем больше из этого может получиться добра. На самом деле, вполне вероятно, что он как раз увеличивает зло в мире. В России правовое решение кажется справедливым, если только оно морально. Правовой аспект, как правило, не принимается во внимание. В этом отношении становится понятным природа российского нигилизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов, О. Д. Феноменология: от анализа сознания к анализу социального бытия / О. Д. Агапов. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 103–112.
2. Дорофеева, О. А. Совесть как духовный концепт православной ментальности и его экспликация в русской литературе XIX–XX веков / О. А. Дорофеева, Е. А. Карапетян, М. Н. Нестеров. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы науки в контексте православных традиций : сборник материалов международной научно-практической конференции 28–29 февраля 2008 года. – Армавир : ИП Шурыгин В.Е., 2008. – С. 179–184.
3. Земляной, С. Н. Феноменология и этика / С. Н. Земляной. – Текст : непосредственный // Этическая мысль. – 2004. – № 5. – С. 172–199.
4. Кашин, В. В. Учение Гегеля о нравственности / В. В. Кашин. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. – 2005. – № 7. – С. 29–33.
5. Ковалев, Д. В. Проблема технизации сознания в философской мысли: истоки и результаты / Д. В. Ковалев, И. Н. Тяпин. – Текст : непосредственный // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 119–124.
6. Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – 671 с. – С. 113–115, 154–156. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Agapov O.D. Phenomenology: from the analysis of consciousness to the analysis of social life. *Vestnik Chuvashskogogosudarstvennogouniversiteta=Bulletin of Chuvash State University*, 2009, No. 1, pp. 103–112. (In Russian).

2. Dorofeyeva O.A., Karapetyan Ye.A., Nesterov M.N. Conscience as a spiritual concept of the Orthodox mentality and its explication in Russian literature of the XIX–XX centuries. *Aktual'nyye problemy nauki v kontekste pravoslavnykh traditsiy = Relevant Problems of Science in the Context of Orthodox Traditions*, Armavir, 2008, pp. 179–184. (In Russian).

3. Zemlyanoy S.N. Phenomenology and Ethics. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*, 2004, No. 5, pp. 172–199. (In Russian).

4. Kashin V.V. Hegel's doctrine of morality. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Omsk State University*, 2005, No. 7, pp. 29–33. (In Russian).

5. Kovalev D.V., Tyapin I.N. The problem of technicalization of consciousness in philosophical thought: origins and results. *Manuskript = Manuscript*, 2020, vol. 13, No. 1, pp. 119–124. (In Russian).

6. *Etika: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ethics: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by R.G. Apresyan and A.A. Guseynov. M., Gardariki, 2001, pp. 113–115, 154–156.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Похилько, А. Д. Социальная феноменология общественного сознания / А. Д. Похилько, А. М. Авалян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 89–95.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A. D., Avalyan A. M. Social Phenomenology of Public Consciousness / A. D. Pokhilko, A. M. Avalyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 89–95. (In Russian).

УДК 159.923.2:304.444:316.4.05

**ЛИЧНОСТНАЯ АВТОНОМИЯ И САМОДЕТЕРМИНАЦИЯ
В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

С.М. Сергеев

**PERSONAL AUTONOMY AND SELF-DETERMINATION
IN THE PROCESS OF SOCIAL SELF-DETERMINATION:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT**

S.M. Sergeyev

Аннотация. В статье рассматривается влияние феномена личностной автономии на параметры процесса социального самоопределения человека; обосновывается утверждение о том, что процесс социального самоопределения выступает в качестве субстанции общественного бытия жизни человека, порождающей из себя и для себя феномен личностной автономии. Выдвигается тезис о том, что личностная автономия есть опредмеченная самодетерминация. Феномен личностной автономии как формообразование социальной деятельности определяет целостность процесса социального самоопределения. Самодетерминация латентно представлена в феномене личностной автономии как фаза целепостановки. Фаза целереализации актуализирует проявление феномена личностной автономии в процессе социального самоопределения.

Abstract. The article examines the influence of the phenomenon of personal autonomy on the parameters of the process of human social self-determination, substantiates the assertion that the process of social self-determination acts as a substance of social life of a person's life generating from itself and for itself the phenomenon of personal autonomy. The thesis that personal autonomy is an objectified self-determination is put forward. The phenomenon of personal autonomy as a form of social activity determines the integrity of the process of social self-determination. Self-determination is latently presented in the phenomenon of personal autonomy as a phase of goal setting. The phase of goal-realization actualizes the manifestation of the phenomenon of personal autonomy in the process of social self-determination.

Ключевые слова: субстанция, целепостановка, целереализация, деятельность, социальное самоопределение, самодетерминация, личностная автономия.

Keywords: substance, goal setting, goal-realization, activity, social self-determination, self-determination, personal autonomy.

Актуальность темы исследования вызвана тем, что в современном обществе, в различных сферах его жизнедеятельности, возникает потребность в личностях, способных применять нестандартные подходы к реализации сложных программ, реализовывать себя, эффективно выполнять поставленные задачи в быстро меняющихся социальных условиях, действовать целенаправленно, учитывая собственные убеждения и принципы. Это предполагает

наличие определённых личностных качеств, которые способствуют динамическому равновесию человека с социальной средой. Личностная автономия является одним из таких качеств; свидетельствующих о личностной зрелости, выступает важным фактором самоцельного существования человека в социальном пространстве.

В настоящей статье термин «социальное самоопределение» используется в расширенном, социально-философском, смысле. Смысловое содержание данного термина интегрирует все виды социальной идентификации, включая вынужденную идентификацию, социальную адаптацию, и повседневную ролевую самоидентификацию, т. е. всю деятельность человека по самоопределению в социальной реальности. Расширение теоретического смысла понятия «социальное самоопределение» позволяет выдвинуть гипотезу о взаимосвязи таких понятий как личностная автономия и самодетерминация личности. Задачей нашего исследования является теоретическое обоснование объективной природы формирования субъективных свойств человека, таких как самодетерминация и личностная автономия, их взаимосвязь и влияние на процесс социального самоопределения. Необходимость удовлетворения потребности человека в самореализации детерминирует осознание возможности социализации, как наиболее общей цели его практической деятельности. Социальная идентификация, представляет собой средство достижения цели процесса социального самоопределения, а целостный конструкт социальной идентичности – его результат.

В процессе взросления человек проходит два основных этапа социализации. Реализованная «первичная» социализация сопровождается пассивным усвоением норм сложившегося социального окружения, копированием социальных ролей. В результате «вторичной» социализации формируется избирательное и адресное отношение к социальной среде, ориентированное на формирование и реализацию собственной идентичности.

Проблему социального самоопределения можно представить как процесс поиска и выбора субъектом своего образа жизни и способа самоцельного существования с учетом объективных сторон общественной жизни, т. е. социальное самоопределение выступает в качестве духовно-практической деятельности человека в формах социализации, идентификации и сформированной социальной идентичности. Социально-философский аспект исследования заключается в том, чтобы достаточно органично соединить объективное и субъективное в общественной жизни, выявить субстанциальные основания таких, казалось бы, субъективных феноменов как сознание, свобода, автономия, самодетерминация и т. п. В методологическом отношении можно опереться на идеи К.Х. Момджяна о субстанциальном значении деятельности для понимания общественных явлений [1–3]. Автор данной статьи отдаёт себе отчет в том, что он излагает часть большой работы, поэтому, возможно, читателя заинтересует более общий контекст исследования, который влияет на понимание смысла ключевых терминов [4].

Деятельность человека по социальному самоопределению является субстанцией его общественной жизни, порождает из себя и для себя различные социальные феномены, в частности, феномен личностной автономии, трактуемый, в ряде исследований, как самодетерминация.

Это утверждение связано со следующими соображениями:

- потребность в свободе самоопределения является сущностным свойством человека;

- в процессе взросления индивида расширяется пространство самоопределения, соответственно увеличивается количество внешних факторов, ограничивающих возможность удовлетворения потребности в свободе самоопределения;

- возникает фундаментальное противоречие между стабильным существованием и дальнейшим развитием;

- необходимость в разрешении этого противоречия детерминирует формирование универсального механизма сознания, приводящего в равновесие потребности отдельного человека с требованиями общества;

- негативный и позитивный опыт предыдущих социализаций актуализирует проектную активность сознания человека к поиску универсального инструмента оценивания возможности социализации;

- взаимоположенность ориентационной и проектной активности сознания является основанием, на котором формируется способность к целеполаганию в очищенном от внешних и внутренних факторов виде; эту способность мы называем самодетерминацией.

Возможность формирования самодетерминации определяется сущностным свойством человека к абстрагированию от несущественных различий в формах социального самоопределения, и выделение сходных атрибутов, коррелирующихся с собственными ценностными установками и убеждениями.

Проблема социального самоопределения человека в современном обществе, в частности, формирование и сохранение целостности социальной идентичности, тесным образом связана с проблемой актуализации индивидуальных сущностных свойств личности.

Становление человека как индивидуально социального субъекта является достаточно сложным процессом. Процесс обретения личной идентичности весьма сложен и зависит от множества социальных и биологических факторов, оказывающих влияние на человека на протяжении всей его жизни. Но, так или иначе, все разнообразные факторы отражаются в сознании человека, и только после их непосредственного переживания и одновременного получения знаний о социальном мире индивид получает необходимый индивидуальный опыт, на основе которого и формируется личностная идентичность [5, с. 694].

Одной из важнейших сущностных способностей человека, определяющей его самоцельное существование в постоянно усложняющейся социальной реальности, является способность к самодетерминации. Самодетерминация – это субъективное свойство индивида, проявляющееся в умении

анализировать объекты социальной реальности по их ценностным параметрам и ставить цели, обосновывающие собственное социальное существование. В философии данное качество индивида определяется как автономия. «Автономия» в переводе с древнегреческого означает «своезаконие» (autos – сам и nomos – закон). В самом общем виде под личностной автономией понимаются такие проявления в поведении, сознании, чувствах и мыслях человека, которые обусловлены именно его личностными побуждениями и решениями, а не ситуативными факторами, неосознаваемыми внутренними импульсами, желаниями или социальными требованиями [6, с. 84–85].

Реконструирование понятия автономии как самоидентификации человека, пишет Э.Ю. Майкова, «восходит к парадигме автаркии в античности, понятию «кайвалья» в буддийском учении, глубинной интроспекции и морально-психологической рефлексии в христианской традиции, а также к сформировавшемуся в Новом времени концепту автономии как культурного идеала, культа индивидуализма, личной точки зрения, автономии частной жизни» [7, с. 9].

В автономном состоянии личность воспринимает проблемы общества, исходя из собственной системы оценок. Личность отвечает за саму себя перед самой собой. Мотивация к отождествлению с общностью обусловлена стремлением к соответствию ценностных установок, той или иной общности, с теми ценностными ориентирами, которые сформировались в процессе воспитания и образования личности. Благодаря этому происходит замена формальной ответственности за свои намерения и действия на личностно значимую обязательность в выполнении самостоятельно выбранных моральных императивов. Несоответствие декларируемого и реального состояния деятельности в общностях способствует обращению личности к конструированию собственной модели поведения в системе социальных взаимодействий. Возможность отличать подлинное от ложного действия, от симуляции и т. п. становится способом социального самоопределения, соответствующего внутренним установкам человека. Личность становится способной преодолеть страх, эмоциональную неуверенность, растерянность перед постоянно меняющейся социальной реальностью и, таким образом, защитить свой внутренний мир от внешнего вмешательства.

Рассматривая автономию сознания, А.Д. Похилько пишет: «Автономия сознания – это моменты абсолютного, которые существуют в процессе относительного обособления форм идеального содержания на собственных внутренних, бытийных основаниях» [8, с. 31]. В это плане самое субъективное оказывается превращенной формой деятельности, преобразующей и переводящей объективное в субъективное по принципу диалектического детерминизма. Ряд исследователей, разрабатывающих проблему социального самоопределения, для определения субъектного качества личности, используют термин «самодетерминация». Самодетерминация, утверждает Д.А. Леонтьев, «есть проявление свободы. Свобода есть возможность изменения того,

что есть, способность трансцендировать свою природу. Свобода феноменологически представляет собой некоторое базовое состояние, относящееся более к возможности, чем к акту ее осуществления, конкретному событию. Если я испытал свободу, то тем самым уже обрел ее» [9, с. 17]. Данное утверждение находится в русле нашего обоснования объективной природы формирования самодетерминации в аспекте диалектического детерминизма и феноменологической герменевтики.

Современные представления о самодетерминации, считает Е.Ю. Почтарева, «основаны на идее субъектности как имплицитно заданной характеристике самоопределения, саморегуляции личности, обеспечивающей подлинное аутентичное существование через реализацию свободного и ответственного выбора, самостоятельного определения направлений собственного развития» [10, с. 217]. Большинство авторов подчеркивают целеполагающий характер психологического содержания самодетерминации, семантически интерпретируя значение термина как «стремление к свободному выбору», «ощущение выбора», «желание иметь возможность выбора», «стремление быть активным» (Э. Деси, Р. Райан, В.С. Безрукова, О.В. Дергачева, Е.Р. Калитеевская, Д.А. Леонтьев) [10, с. 217].

Сопоставляя значения понятий самодетерминации и личностной автономии из различных источников, можно заметить, что явной границы между этими понятиями нет, часто их используют как синонимы, однако, понятие «личностная автономия» необходимо рассматривать в более широком смысле, поскольку оно проявляется в виде формообразования деятельности индивида, т. е. обнаруживается в качестве социального феномена. В социальной философии сущность человека рассматривается как совокупность (конstellация) качеств индивида и определяется способом самоцельного существования в социальной среде, именуемого образом жизни или деятельностью.

Основываясь на принципе субстанциальности (любое явление имеющее статус социального, в той или иной форме, является формообразованием деятельности) можно утверждать, что деятельность по самоопределению индивида в социальной реальности выступает в качестве субстанции его общественной жизни, т. е. то самое самопорождающееся, самоподдерживающееся и саморазвивающееся качество, которое порождает из себя и для себя всё многообразие социальных феноменов, в частности, феномен личностной автономии. Если самодетерминация проявляется в чувствах, ощущениях, намерениях и т. п., то личностная автономия, как социальный феномен, может быть проявлена не только в духовной, но и в материально-практической деятельности человека. Более того, объективно личностная автономия присутствует и в общественных отношениях, на уровне социальных институтов, хотя здесь она менее заметна, и приходится искать ее по следам негативной свободы. В частности, можно обратиться к пониманию личностной автономии в социальной философии у М. Ошана.

«Автономия, – считает М. Ошана, – это характеристика, которая касается личности в свете ее положения в системе социальных отношений» [11]. Компонентами личностной автономности в таком случае, по ее мнению, будут: критическая рефлексия в отношении мотивов своей деятельности, процессуальная независимость и доступность соответствующих вариантов выбора. Чтобы быть автономной, личность должна найти свое место в системе взаимоотношений с другими людьми («нишу»), что дает ей возможность преследовать свои цели в условиях социальной и психологической безопасности. Автономная личность предстает в виде адекватной меры в зависимости и независимости личности от социальной среды и общественных отношений. Можно подчеркнуть здесь значимость социальной ниши, социального «дома» или «убежища» для сохранения приватности. Такая «ниша» не только является объективным следом личностной автономии в системе общественных отношений, но и подтверждает возрастающую значимость личностной автономии как фактора трансформации социальной идентичности индивидуальных и коллективных субъектов.

В рамках нашей гипотезы процесс социального самоопределения рассматривается в качестве атрибута человеческого бытия, в котором личностная автономия является формообразованием социального самоопределения и выступает в виде его организационной формы.

По нашему мнению, самодетерминация не является деятельностью, а представляет собой первую фазу деятельности, фазу целепостановки. Для проявления личностной автономии, как социального феномена, необходима вторая фаза деятельности, фаза целереализации. Зафиксировать индивида в качестве автономной личности возможно только в области предметно-практической деятельности. На основании вышеизложенного можно утверждать, что в процессе социального самоопределения личностная автономия – это опредмеченная самодетерминация.

В социально-философском аспекте феномен личностной автономии мы понимаем как форму духовной и практической деятельности человека, осуществляющую ориентационную и проектную активность личности в процессе социального самоопределения. Целью социального самоопределения является определение возможности социализации индивида в конкретной общности. Процесс самоопределения обладает рядом качеств, определяющих его принципиальную незавершённость. К таким качествам относится ряд сущностных свойств индивида как субстанционального объекта: способность использовать принцип информационной причинности (проект следствия опережает причину) а также избирательное отношение к социальной среде и адресная направленность как интенция к социальным преобразованиям. Все эти качества могут принадлежать только человеку со сформированной личностной автономией.

Рассматривая процесс социального самоопределения в рамках субстанционально-деятельностного подхода, мы считаем, что вся полнота жизни, весь человеческий опыт, способствовавший формированию личностного начала, заключается в целостности. Целостность в данном случае понимается как область

самоопределения личности, непосредственно связанная со свободой субъекта. Цельность сознания делает каждую личность неповторимой и уникальной, т. е. выступает основополагающим параметром процесса социального самоопределения. Способность индивида к самодетерминации характеризует индивида как целостную личность.

Подводя итог, можно констатировать, что личностная автономия, как социальный феномен, порождаемый деятельностью индивида по социальному самоопределению, существенно влияет на основные характеристики процесса социального самоопределения, формирует его основные параметры – незавершенность и целостность. Самодетерминация является важнейшим инструментом сознания в процессе социального самоопределения, выполняет функцию целепостановки и латентно представлена в структуре личностной автономии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Момджян, К. Х. Роль сознания в деятельности людей – об актуальности старого спора / К. Х. Момджян. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 76–88.
2. Момджян, К. Х. О фундаментальных понятиях социальной теории К. Маркса / К. Х. Момджян. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 73–76.
3. Момджян, К. Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии / К. Х. Момджян. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 29–41.
4. Сергеев, С. М. Личностная автономия в процессе трансформации социальной идентичности / С. М. Сергеев, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2021. – № 1 (116). – С. 33–37.
5. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе / И. С. Бакланов, О. А. Бакланова, А. М. Ерохин, Е. А. Авдеев. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 694.
6. Федоренко, Е. Ю. Личностная автономия и возможности ее развития средствами групповой гештальт-терапии / Е. Ю. Федоренко, Е. В. Островская – Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 5. – С. 84–88.
7. Майкова, Э. Ю. Социально-философская концепция автономии личности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Майкова Элеонора Юрьевна. – М., 2015. – 43 с. – Текст : непосредственный.
8. Похилько, А. Д. Социокультурная автономия сознания / А. Д. Похилько – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 31–39.
9. Леонтьев, Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 1. – С. 15–25.
10. Почтарева, Е. Ю. Самодетерминация педагогической деятельности в субъект-субъектной парадигме образования / Е. Ю. Почтарева. – Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2016. – № 3 (37). – С. 217–219.
11. Oshana M.P.I. Personal autonomy and society // Journal of social philosophy. – Villanova, 1998. – Vol. 29. – No 1. – P. 98.

REFERENCES

1. Momdzhyan K. Kh. The role of consciousness in the activities of people. About the relevance of the old dispute. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2018, No. 6, pp. 76–88. (In Russian).
2. Momdzhyan K. Kh. About the fundamental concepts of the social theory of K. Marx. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2018, No. 12, pp. 73–76. (In Russian).
3. Momdzhyan K. Kh. Returning to the search for truths: once again about the state of modern social philosophy. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2021, No. 2, pp. 29–41. (In Russian),
4. Sergeev S.M., Pokhilko A.D. Personal autonomy in the process of transformation of social identity. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences*, 2021, No. 1 (116), pp. 33–37. (In Russian).
5. Baklanov I.S., Baklanova O.A., Yerokhin A.M., Avdeyev Ye.A. Formirovaniye sotsial'noy identichnosti lichnosti v sovremennom obshchestve. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2014, No. 5, p. 694. (In Russian).
6. Fedorenko Ye. Yu., Ostrovskaya Ye.V. Personal autonomy and the possibilities of its development by means of group gestalt therapy. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*, 2017, No. 5, pp. 84–88. (In Russian).
7. Maykova E. Yu. *Sotsial'no-filosofskaya kontseptsiya avtonomii lichnosti* [Socio-Philosophical Concept of Personality Autonomy]. Diss. abstract. M., 2015. 43 p.
8. Pokhilko A. D. Sociocultural autonomy of consciousness. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Stavropol State University*, 2005, No. 4, pp. 31–39. (In Russian).
9. Leontyev D. A. Psychology of freedom: to the formulation of the problem of self-determination of personality. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal*, 2000, vol. 21, No. 1, pp. 15–25. (In Russian).
10. Pochtareva Ye. Yu. Self-determination of pedagogical activity in the subject-subject paradigm of education. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 2016, No. 3 (37), pp. 217–219. (In Russian).
11. Oshana M.P.I. Personal Autonomy and Society. *Journal of Social Philosophy*, Villanova, 1998, vol. 29, No. 1, p. 98.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сергеев, С. М. Личностная автономия и самодетерминация в процессе социального самоопределения: социально-философский аспект / С. М. Сергеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 96–103.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sergeev S. M. Personal Autonomy and Self-determination in the Process of Social Self-determination: Social and Philosophical Aspect / S. M. Sergeev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 96–103. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Авалян Арменуи Максимовна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: armina-avalyan@mail.ru

Avalyan Armenui Maksimovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: armina-avalyan@mail.ru

Артемова Анастасия Олеговна – преподаватель кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: artemova1987@list.ru

Artyemova Anastasia Olegovna – Lecturer of the Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: artemova1987@list.ru

Бондарь Борис Игоревич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: armavir2002@mail.ru

Bondar Boris Igorevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: armavir2002@mail.ru

Гладченко Виктория Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gladchenko-viktoria@mail.ru

Gladchenko Victoria Evgenyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gladchenko-viktoria@mail.ru

Головлев Алексей Алексеевич – доктор географических наук, г. Самара; e-mail: dudarev51@mail.ru

Golovlyov Aleksey Alekseevich – Doctor of Geographical Sciences, Samara; e-mail: dudarev51@mail.ru

Гурова Евгения Александровна – директор Центра археологических исследований ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», старший преподаватель (г. Армавир); e-mail: gurova.evgenija@mail.ru

Gurova Evgenia Alexandrovna – Director of the Center for Archeological Research, Armavir State Pedagogical University, Senior Lecturer (Armavir); e-mail: gurova.evgenija@mail.ru

Дьякова Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Dyakova Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mathematics, Physics and Methods of Teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Карапкова Олеся Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: olesya.karapkova@mail.ru.

Karapkova Olesya Grigorievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: olesya.karapkova@mail.ru

Косьян Виталий Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: armavir2002@mail.ru

Kosyan Vitaly Anatolievich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: armavir2002@mail.ru

Кравченко Александр Григорьевич – кандидат педагогических наук, старший преподаватель ФГКОУ ВПО «Голицынский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации» (филиал в г. Ставрополе); e-mail: aleks.doc.023@mail.ru

Kravchenko Alexander Grigoryevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Golitsyn Border Institute of the Federal Security Service of the Russian Federation (branch in Stavropol); e-mail: aleks.doc.023@mail.ru

Мандрыка Юлия Сергеевна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: yuliyammmmm84@mail.ru

Mandryka Julia Sergeevna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: yuliyammmmm84@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Мерабян Виктор Степанович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: armavir2002@mail.ru

Merabyan Viktor Stepanovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: armavir2002@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitrirovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Рубан Дарья Алексеевна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России» (г. Ставрополь); e-mail: dasha.ruban90@mail.ru

Ruban Darya Alekseevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines, Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol); e-mail: dasha.ruban90@mail.ru

Сергеев Сергей Михайлович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: sergeev19581512@gmail.com

Sergeyev Sergey Mikhailovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: sergeev19581512@gmail.com

Филатов Кирилл Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: kirill.filatov.a92@mail.ru

Filatov Kirill Alexandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: kirill.filatov.a92@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 августа 2021 года.

Дата выхода журнала – сентябрь 2021 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Исторические науки и археология

Философские науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Сур, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объёмом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объём от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

¹ Как выяснить примерный объём статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1 800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

10) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир,
Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. *The earliest work of A.F. Kony "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Kony's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.*

Keywords: *human right to self-defence, self-defence right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями

или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____» (название статьи) отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____ (подпись) _____ (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2 2021

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 13,26. Уч.-изд. л. 7,39. Тираж 300 экз.
Заказ № 43/21.

Издатель:
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net